

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Генри
Каттнер

РОБОТ-ЗАЗНАЙКА

*и другие фантастические
истории*

« А З В У К А »

Генри Каттнер
«Робот-зазнайка» и другие
фантастические истории
Серия «Фантастика и
фэнтези. Большие книги»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68275810

Генри Каттнер. «Робот-зазнайка» и другие фантастические истории

(сборник): Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2022

ISBN 978-5-389-21966-3

Аннотация

Генри Каттнер, публиковавшийся не только под своей настоящей фамилией, но и под доброй дюжиной псевдонимов, считается одним из четырех или пяти ведущих американских фантастов 1940-х. Легендарные жанровые журналы, такие как «Future», «Thrilling Wonder», «Planet Stories» и «Weird Tales», более чем охотно принимали произведения, написанные им самостоятельно или в соавторстве с женой, известным мастером фантастики и фэнтези Кэтрин Люсиль Мур; бывало, что целый выпуск журнала отводился для творчества Каттнера. Почти все, созданное этим автором, имеет оттенок гениальности, но особенно удавалась ему «малая литературная форма»: рассказы

о мутантах Хогбенах, о чудаковатом изобретателе Гэллегере и многие другие, одобренные неподражаемым юмором, несколькими поколениям читателей привили стойкую любовь к фантастике.

В этот сборник вошли двадцать девять знаменитых произведений Каттнера, в том числе научно-фантастический роман «Ярость». Рассказы «Твонки» и «Все тени бороговы...» были удостоены премии «Хьюго».

Содержание

Хроносейф	10
Этот мир – мой!	51
Робот-зазнайка	110
Гэллегер-Штрих	173
Ex machina	243
С приветом, автор	300
Твонки	361
Лучшее время года	398
Конец ознакомительного фрагмента.	410

Генри Каттнер

«Робот-зазнайка»

и другие фантастические истории (сборник)

Henry Kuttner

TIME LOCKER © Henry Kuttner, 1943

THE WORLD IS MINE! © Henry Kuttner, 1943

THE PROUD ROBOT © Henry Kuttner and C. L. Moore,

1943

GALLEGHER PLUS © Henry Kuttner and C. L. Moore,

1943

EX MACHINA © Henry Kuttner, 1948

COMPLIMENTS OF THE AUTHOR © Henry Kuttner and

C. L. Moore, 1942

THE TWONKY © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942

VINTAGE SEASON © Henry Kuttner and C. L. Moore,

1946

DE PROFUNDIS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953

DEADLOCK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942

A GNOME THERE WAS © Henry Kuttner and C. L. Moore,

1941

BY THESE PRESENTS © Henry Kuttner, 1952

MIMSY WERE THE BOROGOVES © Henry Kuttner and
C. L. Moore, 1943

THE BIG NIGHT © Henry Kuttner, 1947

DON'T LOOK NOW © Henry Kuttner, 1948

NO GREATER LOVE © Henry Kuttner, 1943

PIGGY BANK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942

RAIN CHECK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946

HOUSING PROBLEM © Henry Kuttner, 1944

A WILD SURMISE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953

PRIVATE EYE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1949

THE MISGUIDED HALO © Henry Kuttner, 1939

THE IRON STANDARD © Henry Kuttner and C. L. Moore,

1943

THE PRISONER IN THE SKULL © Henry Kuttner and

C. L. Moore, 1949

WET MAGIC © Henry Kuttner, 1943

ANDROID © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1951

HAPPY ENDING © Henry Kuttner, 1948

TIME ENOUGH © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946

FURY © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947

All rights reserved

© В. И. Баканов, перевод, 1991

© Н. Б. Берденников, перевод, 2007

© А. В. Глебовская, перевод, 1992

© Н. М. Евдокимова (наследник), перевод, 1968

© Б. М. Жужунава (наследник), перевод, 2006, 2007

© О. Г. Зверева, перевод, 2006

© А. С. Киланова, перевод, 2022

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2016, 2022

© Г. Л. Олди, перевод, 1992

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© В. А. Скороденко (наследник), перевод, 1968

© А. Н. Тетеревникова (наследник), перевод, 2022

© И. А. Тетерина, перевод, 2007

© А. В. Третьяков, перевод, 2022

© Л. А. Черняховская, перевод, 1976

© С. А. Григорьев, иллюстрация на обложке, 2016

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Генри Каттнер (1915–1958) прожил недолго, но успел сделать и в фантастике, и для фантастики столько, что иному и не сделать, доживи он хоть до мафусаиловых лет. Юмор и внешняя простота, за которой скрывается напряженная писательская работа, доброта и человечность – вот качества его как писателя и как человека. Не говоря уже о влиянии

Каттнера на многие имена, ставшие впоследствии звездными (Рэй Бредбери, Роджер Желязны). Часть из созданного писателя сделана в соавторстве с женой, Кэтрин Мур, и это ни для кого не тайна. В России первый сборник Каттнера вышел в знаменитой «эзэфке» в 1968 году. Писатель и историк Роман Подольный отозвался о книге так: «Творчество Каттнера дошло до нас, «как свет давно умерших звезд». Ошибся он лишь в одном: звезда Каттнера живет до сих пор.

* * *

Пусть мои слова покажутся богохульством, но я все же признаюсь, что не скоро прошу Господа Бога за то, что в 1958 году забрал у нас Генри Каттнера... Это абсолютно неправильный поступок, потому что этот писатель обладал очень необычным, особенным талантом.

Наше общество привыкло считать, что в нем полно непризнанных гениев. Судя по моему опыту, это глубокое заблуждение. Генетически обусловленный интуитивный талант – редкая штука. Настоящих творцов крайне мало, и они разбросаны по всему миру... Большинство писателей похожи друг на друга как две капли воды, их можно с легкостью заменить одного на другого, и наша культура не изменилась бы ни на йоту. Нас окружают полчища посредственностей, людей, неспособных к созиданию, поэтому Генри

Каттнер – исключительно своеобразный писатель, маниакально одержимый творчеством, – всегда был для меня предметом восхищения.

Рэй Бредбери

Хроносейф

Галлоуэй Гэллегер играл на слух. И это было бы совершенно нормально, выбери он стезю музыканта, но его угодило стать изобретателем. Пусть сумасбродным, пусть всегда нетрезвым, но, безусловно, толковым. Он хотел заниматься техническими разработками и на этом поприще наверняка добился бы успеха – была в нем, как ни крути, жилка гениальности. А вот чего не было, так это средств, чтобы получить серьезное научное образование. Поэтому Гэллегер, по профессии оператор интегрирующей машины, домашнюю лабораторию держал исключительно развлечения ради.

Ей-богу, более дурацкой лаборатории вы бы не нашли ни в этом штате, ни в пяти-шести соседних. Большую часть помещения занимала штукавина, которую Гэллегер назвал алкогольным органом; на ее сборку он потратил аж полгода. Зато теперь мог блаженствовать на удобном мягком диване, нажимая на клавиши и перекачивая в луженую глотку спиртное превосходного качества – в любом количестве и в завидном разнообразии. А поскольку конструировался этот орган в период продолжительного запоя, Гэллегер так и не смог потом вспомнить основные принципы действия своего изобретения. Печально, что и говорить.

В лаборатории было много всякой всячины, по большей

части едва ли здесь уместной. У реостатов имелись юбочки, как у балерин, и нелепо ухмыляющиеся керамические рожицы. На большом генераторе бросалась в глаза табличка «Монстр», а другой генератор, куда меньше размером, довлествовал прозвищем Бурчун. В стеклянной реторте сидел фарфоровый кролик, и только Гэллегер знал, как безделушка оказалась там. Сразу у двери высился чудовищный чугунный пес, по замыслу изготовителя предназначавшийся для викторианских газонов, а может быть, для врат ада. Как бы то ни было, сейчас его полые уши служили гнездами для пробирок.

– Но как же все-таки ты это делаешь? – спросил Вэннинг.

Тощий, долгоязыый Гэллегер, развалившийся возле алкогольного органа, перекачал себе в рот двойной мартини.

– Чего?

– Ты слышал. Я могу обеспечить тебе прибыльную работу – при условии, что ты будешь применять с толком свои вывихнутые мозги. Или хотя бы научишься пускать пыль в глаза.

– Я пытался, – пробормотал Гэллегер. – Ничего не выходит. Не могу я работать сосредоточившись... Разве что с механикой какой-нибудь возиться. Должно быть, у моего подсознания коэффициент интеллекта повыше, чем у сознания.

Вэннинг, плотно сбитый коротышка со смуглым, в шрамах, лицом в сердцах ударил Монстра каблуками. Подчас Гэллегер нешуточно его бесил. Никак не возьмет в толк этот

рохля, что нельзя закапывать в землю такой ценный талант. Во всяком случае, ценный для Хораса Вэннинга, коммерческого юрисконсульта.

Само собой, эта «коммерция» велась за пределами закона, но усложнившиеся в 1970-х условия торговли все же оставили немало лазеек для мозговитых людей вроде Вэннинга. Да, надо сказать откровенно: свои недюжинные способности он поставил на службу жуликам. Потому что жулики хорошо платили. В те времена прочное знание юриспруденции было редкостью, правовые нормы сплелись в такой тугой клубок, что желающему стать законником требовались годы подготовки еще до поступления на юридический факультет. Но Вэннинг располагал командой опытных экспертов, а также колоссальной библиотекой протоколов, судебных решений и тому подобных сведений, так что за приемлемую плату он бы самого доктора Криппена¹ научил, как выйти сухим из воды.

Теневая сторона этого бизнеса содержалась в сугубой приватности и обходилась без помощников. Взять, к примеру, нейропистолет. Это замечательное оружие соорудил Гэллегер, причем так и не осознал его важности. Просто смастачил однажды вечерком на скорую руку, а детали скреплял лейкопластырем, потому что сломался сварочный аппарат. А Вэннинг выпросил изделие. Владел он нейропистолетом недолго, но выручил тысячи кредитов, сдавая его напрокат

¹ *Харви Криппен* (1862–1910) – фигурант громкого судебного процесса, американский врач-гомеопат и дантист, убивший в Англии свою жену.

потенциальным убийцам. Чем вызвал у полицейского управления сильнейшую головную боль.

Человек осведомленный приходил к Вэннингу и говорил:

– Слышал, ты с мокрым дельцем можешь пособить. Предположим, мне нужно...

– Что-о?! Да за кого вы меня принимаете?

– Э-э... Но...

– Теоретически я могу предположить, что идеальное убийство осуществимо. Допустим, изобретен пистолет определенного типа, и допустим – исключительно теоретически, для примера, – что он лежит в камере хранения на Ньюаркском стратодроме.

– Э-э...

– Я просто теоретизирую. Ячейка номер семьдесят девять, комбинация тридцать-синий-восемь. Эти мелкие детали прибавляют наглядности примеру, вы согласны?

– Ты хочешь сказать...

– Разумеется, если наш убийца возьмет из ячейки воображаемый пистолет и воспользуется им, ему хватит ума иметь при себе посылочную коробку с адресом... ну, скажем, Бруклинский порт, ячейка сорок. Убийца упакует пистолет, пойдет к ближайшему почтовому конвейеру и избавится от улики. Но все это, конечно, теоретически. Сожалею, что не смог вам помочь. Гонорар за консультацию – три тысячи кредитов. Секретарша примет ваш чек.

Выдвинуть потом обвинение будет невозможно. Потому

что суд округа Иллинойс, приняв решение 87-М по делу «Штат против Дупсона», создал прецедент. Факт насильственной смерти должен быть установлен. Элемент случайности должен быть учтен. К примеру, на суде по делу «Сандерсон против Сандерсон» в защиту женщины, обвинявшейся в убийстве свекрови, прозвучали такие доводы: «Несомненно, прокурор, располагающий штатом экспертов-токсикологов, обязан это знать... Короче говоря, ваша честь, я со всем уважением требую прекратить этот процесс по причине отсутствия события и состава преступления...»

Гэллегер так и не узнал, что его нейропистолет – не игрушка, а опасное оружие. Зато Вэннинг теперь частенько навещался в захлавленную лабораторию, проявляя живейший интерес к бессознательному изобретательству своего приятеля. Не раз и не два он приобретал удачные плоды творчества Гэллегера.

Проблема заключалась в том, что это творчество нельзя было поставить на поток.

Гэллегер опять глотнул мартини, затем покачал головой и распрямил тощие ноги. Хлопая глазами, подковылял к заваленному разным барахлом верстаку и принялся рассеянно возиться с кусками проводов.

– Что-то конкретное мастерить? – спросил Вэннинг.

– Не-а. Просто балуюсь. Вот так и бывает: соединяешь разные штучки-дрючки, глядишь, оно и заработало. Правда, никогда заранее не угадать, как оно будет работать. Да ну, к

черту! – Гэллегер бросил провода и вернулся на диван.

До чего же странный тип, подумал Вэннинг. Абсолютно беспринципный – и абсолютно чужой в чересчур сложном мире. Он как будто с лукавым весельем в глазах смотрит на этот мир с выбранного им самим шестка, редко чем-то интересуясь всерьез. И делает такие удивительные вещи...

Но всегда исключительно забавы ради.

Вэннинг тяжело вздохнул и обвел взглядом лабораторию. Сушная свалка! Как же она шокирует его упорядоченный разум!

Машинально он подобрал с пола мятый рабочий халат и поискал крючок. Конечно, не нашел. Гэллегер, когда у него иссяк запас проводящих металлов, недолго думая, посрывал крючки и вмонтировал их в какое-нибудь устройство.

Этот так называемый ученый уподобился коматознику – лежал не двигаясь, полузакрыв глаза. Вэннинг прошел в угол и отворил дверцу металлического шкафчика. Крючков и там не оказалось, поэтому Вэннинг аккуратно сложил халат и пристроил его на полу шкафчика.

И вернулся на свой насест, то есть на Монстра.

– Хлебнешь? – спросил Гэллегер.

Вэннинг мотнул головой:

– Нет, спасибо. Завтра мне надо быть в суде.

– Так у меня же тиамин есть. Впрочем, это такая дрянь...

Мне куда лучше помогают надувные подушки – я ими башку обкладываю.

– Спасибо, не надо.

– Просто навык нужен, – бормотал Гэллегер. – Любой его может приобрести, если захочет... На что это ты пялишься?

– На... шкафчик, – ответил Вэннинг, озадаченно морща лоб. – Что за...

Он встал. Неплотно закрытая дверка распахнулась. Но где же халат, помещенный Вэннингом в это металлическое хранилище? Исчез без следа.

– Это краска, – сонно объяснил Гэллегер. – А может, дело в гамма-частицах, я ими облучил шкафчик. Но все равно он ни на что не годится.

Вэннинг подошел к шкафчику и направил в него свет лампы дневного света. Он ошибся – шкафчик не пустовал. Но вместо халата на дне лежало нечто бледно-зеленого цвета и приблизительно сферической формы.

– Он что, плавит? – спросил Вэннинг, разглядывая шарик.

– Да не сказал бы... Давай-ка, вынь.

Вэннинг не решился сунуть руку в шкафчик. Но и не потерялся: нашел длинный держатель для пробирок и с его помощью извлек ком.

Что происходит?!

Он аж глаза отвел, не в силах смотреть на происходящее. Зеленый шарик менялся в цвете, размере и форме, медленно расплзаясь лишенным всякой геометрии пятном. Держатель заметно отяжелел.

Ничего удивительного – его оттягивал рабочий халат.

– Вот так оно и происходит, – рассеянно проговорил Гэллегер. – И этому тоже должна быть причина. Кладешь вещь в шкафчик, она уменьшается. Вынимаешь, и она снова большая. Может, удастся продать какому-нибудь эстраднему фокуснику. – Последнее было сказано с сомнением.

Вэннинг сидел, ощупывал халат и таращился на металлический шкафчик. Параллелепипед размерами примерно три на три на пять футов был внутри обрызган из краскопульта серой краской. Снаружи он был черным, лоснящимся.

– На каких принципах он работает?

– Чего? А-а... Не знаю, я просто возился. – Гэллегер качнул в рот коктейля «зомби». – Может, дело в искаженной размерности. Под воздействием гамма-лучей в шкафчике изменились пространственно-временные соотношения. Еще бы понимать, что это означает. – И тихо пробормотал в сторону: – Ну и словечки – жуть от них пробирает.

Вэннингу на ум пришел тессеракт.

– Ты к тому, что внутри он больше, чем снаружи?

– Парадокс, парадокс, ай да чудный парадокс... Я тебе вот что скажу. Сдается, внутренность шкафчика находится вообще не в нашем пространственно-временном континууме. Засунь-ка туда скамейку, увидишь, что будет. – Гэллегер махнул рукой в направлении упомянутого предмета мебели.

– Я и так вижу. Ничего не выйдет: скамейка больше, чем шкафчик.

– Нет, ты все-таки засунь. Помаленьку, начни с угла. По-

пробуй.

Вэннинг ухватился за скамью. При своем малом росте он был очень мускулист.

– Поставь ее на попу, так легче будет.

– Ладно... Фух... Ну, что теперь?

– Теперь наклони и засовывай.

Вэннинг озадаченно сощурился на собеседника, но затем пожал плечами и подчинился. Скамейка, конечно же, не поместилась в шкафчик. Пролезла только краем и, естественно, уперлась, застряла под косым углом, угрожая рухнуть.

– Ну и?

– Подожди.

Скамья пришла в движение. Она медленно опускалась. С отвисшей от изумления челюстью Вэннинг смотрел, как громоздкая мебелина уходит в шкафчик с неспешностью не слишком тяжелого предмета, погружающегося в воду. Нет, ее не засасывало. Она как будто плавилась. Та часть, что снаружи, оставалась прежней, только уменьшалась по длине.

Вэннинг согнулся, чтобы заглянуть внутрь. Опять это рябящее неразличимое пятно. То, что находилось в шкафчике, меняло свои контуры, съеживалось, превращалось в этакую ступенчатую пирамидку густого фиолетового цвета.

И шириной не более четырех дюймов.

– Поверить не могу, – пролепетал Вэннинг.

Гэллегер с ухмылкой изрек:

– Как сказал герцог Веллингтон своему подчиненному:

«Это была чертовски маленькая бутылочка, сэр».

– Минутку! Как, дьявол тебя побери, можно уместить восьмифутовую скамью в пятифутовом шкафчике?

– Скажи спасибо Ньютону, – ответил Гэллегер. – Гравитация... Возьми-ка пробирку, наполни ее водой, и я тебе покажу.

– Ладно, сейчас... Готово. Что дальше?

– Доверху налил? Отлично. Вон в том выдвижном ящике с табличкой «Фитили» ты найдешь кусковой сахар. Положи кусочек на пробирку так, чтобы уголок оказался в воде.

Вэннинг проделал требуемую манипуляцию.

– И?..

– Что видишь?

– Ничего. Сахар намокает... и тает.

– Вот то-то и оно! – с чувством воскликнул Гэллегер.

Вэннинг недоумевающе посмотрел на него и перевел взгляд на пробирку. Кусочек сахара быстро уменьшался, растворяясь.

И вот он исчез.

– Вода и воздух – это разные физические условия. В воздухе кусочек сахара может существовать как кусочек сахара. В воде он существует как раствор. Уголок, погруженный в воду, переходит в жидкое состояние. Он изменяется физически, но не химически. Остальное делает гравитация.

– А пояснее нельзя?

– Да куда уж яснее, тупица? Вода – это аналогия с особы-

ми физическими условиями, созданными внутри шкафчика. Вместо сахара – скамейка. А теперь слушай внимательно! Сахар впитывает воду и постепенно растворяется, и по мере растворения гравитация опускает его в пробирку. Понятно?

– Вроде да. Скамейка впитывает в себя... физические условия, которые существуют внутри шкафчика. Так? И эти условия сжимают ее...

– Частично, а не полностью. Понемногу. Ну это как растворять человеческое тело в небольшом объеме серной кислоты. Дюйм за дюймом.

– Ага, – произнес Вэннинг, косясь на шкафчик. – А можно вернуть скамейку?

– Валяй. Просто сунь туда руку и вытащи.

– Сунуть руку? Чтобы она растаяла?

– Не растает. Ты же сам видел: это не мгновенный процесс. Если держать руку внутри меньше минуты, не получишь никакого вреда. Сейчас покажу.

Он неохотно встал, огляделся, взял пустую бутылку и бросил ее в шкафчик.

Действительно, воздействие сказалось не вдруг. Бутылка медленно менялась в размерах и форме, пока не превратилась в параллелепипед с кривыми гранями величиной с кусочек сахара. Гэллегер вынул его и положил на пол.

Параллелепипед принялся расти. И превратился обратно в бутылку.

– А теперь скамейка. Гляди.

Он извлек пирамидку. Из нее восстановилась скамья.

– Вот видишь? Компания по обслуживанию складов на-верняка заинтересуется. В этот шкафчик можно запихать всю мебель Бруклина, вот только как доставать потом? Физические изменения, понимаешь ли...

– Схема размещения нужна, – задумчиво предложил Вэннинг. – Рисуешь вещь, как она выглядит внутри, и отмечаешь, что она собой представляет.

– Юрист всегда юрист, – оценил Гэллегер. – А я хочу выпить. – Он вернулся на диван и мертвой хваткой вцепился в кран алкогольного органа.

– Даю шесть кредитов за шкафчик, – сказал Вэннинг.

– Продано! Все равно он занимает слишком много места. Жалко, не удалось придумать, как поместить его в самого себя. – Ученый захихикал, довольный остроотой. – Смешно, правда?

– Да неужели? – Вэннинг вынул из бумажника банкноты. – Куда положить?

– Запихни в Монстра, это мой банк... Спасибо.

– Пожалуйста. Вот что, объясни-ка мне малость эту тему с сахаром. Ведь не только из-за гравитации он погружается в пробирку. Еще и вода в него впитывается...

– Ты совершенно прав. Осмос! Нет, я глупость сказал. Осмос – это что-то связанное с яйцами. Может, овуляция? Проводимость? Конвекция? Абсорбция! Эх, зря я физику не учил, а то знал бы термины. Дубина стоеросовая, вот я кто.

Мне б жениться на дочери бога виноделия... – невнятно закончил Гэллегер и присосался к крану.

– Абсорбция? – Вэннинг наморщил лоб, соображая. – Только тут не сахар впитывает воду... В данном случае твоя скамья впитывает в себя физические условия, существующие в шкафчике.

– Ага... Как губка или промокашка.

– Ты о скамье?

– О себе, – кратко ответил Гэллегер и погрузился в блаженное молчание, время от времени прерываемое бульканьем спиртосодержащей жидкости, поступающей в закаленный пищевод.

Вэннинг вздохнул и повернулся к шкафчику. Аккуратно закрыл дверку на засов, прежде чем поднять покупку мускулистыми руками.

– Уходишь? Ну пока-пока...

– Спокойной ночи.

– Прощай, мой друг, не забывай... – меланхолично пропел изобретатель и перевернулся на бок, явно вознамерившись уснуть.

Вэннинг снова вздохнул и вышел в прохладную мглу. Небо искрилось звездами; только на юге их скрадывало сияние Нижнего Манхэттена. Светящиеся белые башни-небоскребы складывались в зубчатый абрис. Авиареклама расхваливала достоинства Вамбулина: «Ничто так не бодрит!»

У тротуара ждал припаркованный спидер. Вэннинг зачихнул шкафчик в багажник и направился к Гудзонской водной трассе – кратчайшей дороге до делового центра. Ему вспомнился рассказ Эдгара По об украденном письме, которое не могли найти, потому что похититель вывернул его наизнанку, сложил заново и написал новый адрес. То есть изменил его внешний облик. Ух ты! Да этот шкафчик – идеальный сейф! Никакому медвежатнику его не взломать по абсолютно очевидной причине: он не запирается и не вызывает желания обчистить его. Можно набить этот сейф банкнотами; все они станут неузнаваемыми, как только окажутся внутри. Идеальное хранилище для наличности.

Но как же, черт возьми, эта штука работает?

Пытать Гэллегера бесполезно. Он играет на слух. Для него растущий у реки первоцвет – просто первоцвет, а не примула вульгарис. Ему чужды силлогизмы. К своим открытиям он приходит напрямик, не утруждаясь анализом важных или пустяковых фактов.

Вэннинг напряженно размышлял. Так не бывает, чтобы два предмета одновременно занимали один и тот же объем пространства. Следовательно, в шкафчике содержится какое-то другое пространство...

Но Вэннинг решил не спешить с выводом. Есть другой ответ, правильный. Просто он еще не пришел на ум.

Вэннинг припарковал спидер перед офисным зданием, где арендовал этаж, и понес шкафчик к грузовому лифту.

Но на своем этаже не направился в кабинет – там шкафчик бросался бы в глаза. Нет, Вэннинг поставил его в подсобке, а чтобы частично прикрыть, передвинул каталожное бюро. Ни у кого из клерков не возникнет надобность сюда соваться.

Отступив от шкафчика, Вэннинг задумался. Что, если...

Он не сразу услышал приглушенный звонок. Спohватившись, прошел в кабинет и нажал кнопку на видеофоне Уинчелла. Экран заполнило суровое седобородое лицо барристера Хэттона.

– Привет, – сказал Вэннинг.

Хэттон кивнул:

– Я тебе домой звонил – молчок. Решил, что ты в контроле...

– А я не ждал твоего звонка. Слушание завтра. Поздно для дискуссий, не находишь?

– «Сыновья Дугана» настояли, чтобы я с тобой поговорил. Я был против.

– Ну и?..

Хэттон сдвинул густые седые брови:

– Ты же понимаешь, что я буду добиваться максимально сурового приговора. Улик против Макильсона предостаточно.

– Это только по твоим словам. Но присвоение чужих финансовых средств доказать нелегко.

– Надеюсь, ты не станешь возражать против скопирова-

ния?

– Еще чего! Не позволю колоть моему клиенту сыворотку правды.

– Это настроит против вас присяжных.

– Не настроит, потому что на нашей стороне медицина. Я получил врачебное предположение: скопирование причинит вред здоровью Макильсона.

– Вред – вот правильное слово! – Голос Хэттона зазвучал резче. – Твой клиент причинил вред компании, стянув ее облигации, и я смогу это доказать.

– На круг двадцать пять тысяч кредитов, да? Для «Сыновей Дугана» сумма не пустяковая. А как насчет гипотетической мировой, о которой я упоминал? Предположим, двадцать тысяч будут возвращены...

– Это защищенная линия? Не записывается?

– Само собой. Вот прерыватель. – Вэннинг показал провод с металлическим наконечником. – Все строго *sub rosa*².

– Вот и отлично, – ухмыльнулся барристер. – Значит, я могу безбоязненно назвать тебя бездарным пройдохой.

– То есть?

– Твой трюк – старье, проеденное молью. Макильсон умыкнул пять тысяч в облигациях, которые можно продать за деньги. Аудиторы начали проверку, Макильсон кинулся к тебе. Ты ему присоветовал взять еще двадцать тысяч, а теперь предлагаешь вернуть их «Сыновьям Дугана» в обмен на

² Букв.: под розой (лат.). Здесь: конфиденциально, между нами.

отзыв иска. Потом вы с Макильсоном поделите пять тысяч, а это по нынешним временам не кот начхал.

– Я ничего подобного не признаю.

– Конечно, не признаешь, даже в разговоре по защищенной линии. Но ведь и так все на виду. Я же сказал, это старый фокус. Мои клиенты не станут играть в твои игры. Процесс будет доведен до конца.

– Ты мне позвонил только для того, чтобы это сообщить?

– Нет, надо уладить вопрос насчет присяжных. Надеюсь, ты не возражаешь против скопирования при их отборе?

– Не возражаю, – ответил Вэннинг.

Свою тактику он строил на технических аспектах законодательства, поэтому состав завтрашнего жюри его не интересовал. Если запасные присяжные заседатели пройдут скопирование, шансы уравниются. И при таком соглашении не придется тратить дни, а то и недели, на споры и отводы.

– Хорошо, – буркнул Хэттон. – Готовься, я тебя без штанов оставлю.

Вэннинг ответил умеренной непристойностью и отключился.

Надо было сосредоточиться на предстоящей схватке в суде, поэтому он выбросил из головы мысли о покупке. У него еще будет вдоволь времени, чтобы изучить возможности удивительного шкафчика. Вэннинг поехал домой, там велел слуге принести стаканчик виски с содовой и улегся в кровать.

На следующий день он выиграл дело. Ставка на сложную техническую аргументацию и мутные судебные прецеденты оправдала себя. Защита строилась на том факте, что облигации не были конвертированы в государственные кредиты, – Вэннинг это доказал, продемонстрировав мудреные финансовые графики. Конвертация даже пяти тысяч кредитов вызвала бы заметный скачок, а таковых не наблюдалось. Эксперты из конторы Вэннинга умели докапываться до самых мельчайших деталей.

Для установления вины Макильсона необходимо было доказать, прямо или косвенно, что облигации существуют с двадцатого декабря этого года, то есть с того дня, когда они были учтены в последний раз. Прецедентом служило дело «Донован против Джонса».

Хэттон взвился на ноги:

– Ваша честь, Джонс позднее признался в присвоении чужих средств!

– Что не повлияло на принятое судом решение, – невозможно парировал Вэннинг. – В данном случае закон обратной силы не имеет. Присяжные вынесли вердикт «не доказано».

– Адвокат защиты, продолжайте.

И адвокат защиты продолжил строить красивую и хитроумную конструкцию из казуистической логики.

– Ваша честь! – не вытерпел Хэттон. – Я не...

– Если мой многоопытный оппонент продемонстрирует облигацию – всего одну из тех, о которых идет речь, – я признаю поражение, – заявил Вэннинг.

На лице у судьи заиграла саркастическая ухмылка.

– Прелестно! Если эта улика будет предъявлена, я немедленно вынесу приговор и обвиняемый отправится в тюрьму. Уж вам ли этого не понимать, мистер Вэннинг? Продолжайте.

– Благодарю. Поскольку облигаций мы не видим, я берусь утверждать, что они не существуют. Их якобы существование – результат ошибки, допущенной клерком при учете.

– Ошибка клерка? Это с калькулятором Педерсона?

– Подобного рода ошибки случались, и я могу это доказать. Ваша честь, разрешите пригласить следующего моего свидетеля.

Возражений не последовало, и свидетель, техник-математик, объяснил, по каким причинам может сбоить калькулятор Педерсона, и привел примеры.

К одному из доводов Хэттон придрался:

– Ваша честь, я протестую! Как известно всем, в Родезии находится определенного рода важная экспериментальная промышленность. Свидетель почему-то не счел нужным упомянуть о том, чем занимается конкретно эта родезийская фабрика. Надеюсь, защита не станет оспаривать тот факт, что «Объединенная компания Гендерсона» в основном имеет дело с радиоактивными рудами?

– Свидетель, ответьте.

– Не могу, ваша честь. У меня нет таких сведений.

– Красноречивое упущение, – хмыкнул Хэттон. – Калькулятор Педерсона – деликатный механизм, радиация для него опасна. Но в офисах «Сыновей Дугана» нет ни радия, ни продуктов его распада.

Вэннинг встал:

– Могу я спросить, не подвергались ли недавно эти офисы фумигации?

– Подвергались. Этого требует закон.

– Надо полагать, применялся хлорсодержащий газ?

– Да.

– Я бы хотел вызвать моего следующего свидетеля.

Следующий свидетель, физик, сотрудник Ультрарадиевого института, объяснил, что гамма-лучи сильно воздействуют на хлор, вызывая ионизацию. Живые организмы способны поглощать продукты распада радия и в свою очередь излучать. Некоторые клиенты «Сыновей Дугана» контактировали с источниками радиации...

– Ваша честь, это возмутительно! Теоретизирование чистой воды...

Вэннинг притворился оскорбленным.

– Приведу в качестве примера дело «Денджерфилд против „Южнопродуктов“», Калифорния, тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Закон гласит, что фактор неопределенности является первичным допустимым доказатель-

ством. Мой довод прост: калькулятор Педерсона, на котором считались облигации, способен ошибаться. Если это правда, то облигаций не было и мой клиент невиновен.

– Адвокат обвинения, вам слово, – произнес судья, жалея, что он не барон Джеффрис³ и не может всю эту чертову свору негодяев отправить на эшафот.

Юриспруденция должна бороться за справедливость, а она превратилась в трехмерные шахматы. Впрочем, это естественное развитие усложнившихся политических и экономических факторов современной цивилизации. И уже понятно, что Вэннинг выигрывает процесс.

Так и случилось. Присяжные приняли решение в пользу Макильсона. Хэттон поднял вопрос о скопировании, но это уже было актом отчаяния; ему отказали. Вэннинг подмигнул сопернику, защелкнул брифкейс и отправился в контору.

В полпятого начались неприятности. Секретарша сообщила о прибытии мистера Макильсона, а в следующий миг ее отпихнул в сторону худой смуглый мужчина средних лет, державший в охапке гигантский чемодан из искусственной замши.

– Вэннинг! Я к вам...

³ *Джордж Джеффрис, барон Уэмский* (1645–1689) – английский государственный деятель, судья, прозванный Судьей-Вешателем за свою роль в суде над участниками восстания Монмута.

Адвокат недобро сощурился, встал из-за стола и резким кивком отослал секретаршу. Как только за ней закрылась дверь, Вэннинг отрывисто заговорил:

– Ты с ума сошел?! Я же велел держаться от меня подальше. Что в чемодане?

– Облигации, – ответил Макильсон дрогнувшим голосом. – Что-то пошло не так...

– Проклятый болван! Притащить сюда облигации... – Вэннинг подскочил к двери, запер ее. – Неужели не понимаешь, что, если Хэттон доберется до этих бумаг, ты мигом вернешься в кутузку? А я лишусь лицензии! Проваливай вместе с чемоданом.

– Выслушай меня! Пожалуйста! Я, как ты и сказал, понес облигации в Финансовое управление, а там... а там был полицейский, меня поджидал. Хорошо, что я его вовремя заметил. Если бы попался...

Вэннинг глубоко вздохнул:

– Прежде чем идти в Финансовое управление, ты должен был два месяца продержать облигации в метро, в камере хранения.

Макильсон вытянул из кармана газету.

– Так ведь правительство замораживает акции и облигации рудодобывающих компаний. Постановление вступит в действие через неделю. А когда это прекратится, неизвестно. Не могу же я сидеть без денег целую вечность.

– Дай взглянуть. – Вэннинг изучил газету и тихо выругал-

ся. – Где ты ее взял?

– Купил у мальчишки возле тюрьмы. Хотел узнать котировки рудных акций...

– Так-так. Понятно. И не было ни тени сомнения, что эта газета не фальшивка?

У Макильсона отпала челюсть.

– Фальшивка?

– Вот именно. Хэттон предвидел, что я тебя выручу, и заранее припас газетку. А ты клюнул. И притащил сюда улику, и привел за собой полицию.

– Н-но...

Вэннинг поморщился:

– Как думаешь, почему в Финансовом управлении оказался полицейский? Тебя могли сцапать в любую минуту. Но нужно было не сцапать, а напугать, чтобы ты кинулся ко мне в контору, – и обоих поймать на один крючок. Тебе – срок, мне – лишение адвокатского звания. Чертов идиот!

Макильсон облизал губы.

– А тут есть запасной выход?

– Есть! И за ним наверняка ждет засада. Проклятие! Не будь еще глупее, чем выглядишь.

– А ты можешь... спрятать?

– Где? Они всю контору просветят рентгеновскими лучами. Нет, я просто... – Вэннинг осекся. – Говоришь, спрятать? Спрятать... – Он круто повернулся к селектору. – Мисс Хортон? У меня совещание. Не беспокоить ни по какому поводу.

Если вам кто-нибудь предъявит ордер на обыск, созвонитесь с полицейским управлением и убедитесь в подлинности. Вы меня поняли?

На лице Макильсона отразилась надежда.

– Все уладится?

– Ой да заткнись ты! – рявкнул Вэннинг. – Жди здесь, я сейчас вернусь.

Он скрылся за боковой дверью. На диво скоро вернулся, неуклюже затаскивая в кабинет металлический шкафчик.

– Помоги... Фу-ух... Вон туда, в тот угол. А теперь убирайся.

– Но...

– Живо! – приказал Вэннинг. – У меня все под контролем. И не болтай. Тебя арестуют, но без вещдока долго не продержат. Как только отпустят, возвращайся.

Он отпер дверь, вытолкал Макильсона за порог и снова заперся. Подошел к шкафчику, заглянул внутрь. Пусто. Как и должно быть.

Теперь облигации...

Вэннинг запихал чемодан из искусственной замши. Пришлось повозиться – тот был шире, чем шкафчик. Наконец адвокат смог отдышаться, глядя, как коричневая штучковина съезживается, меняет контуры до неузнаваемости. И вот она уже совсем крошечная, приобрела продолговатую форму яйца и цвет медной центовой монеты.

– Вуаля! – хмыкнул Вэннинг.

И склонился, всматриваясь. В шкафчике что-то двигалось. Нечто гротескное, величиной не больше четырех дюймов. Очень странное на вид, сплошь кубики и уголки, цвета ярко-зеленого и... явно живое.

В дверь кабинета постучали.

Крошечная тварь деловито возилась с медным яйцом. В чисто муравьиной манере подняло его и попыталось утащить. Вэннинг ахнул и сунул руку в шкафчик. Четырехмерной тварюшке не хватило проворства увернуться. Вэннинг ощутил, как она корчится под ладонью.

Он стиснул добычу в кулаке.

Шевеление прекратилось. Вэннинг отпустил убитую тварь и сразу убрал руку.

Дверь затряслась под градом ударов. Вэннинг закрыл шкафчик и выкрикнул:

– Минуту!

– Ломайте! – прозвучал приказ за дверью.

Но это не понадобилось. Вэннинг натянул на лицо виноватую улыбку и провернул ключ.

За порогом стоял барристер Хэттон в сопровождении крижистых полицейских.

– Мы взяли Макильсона, – сообщил он.

– Вот как? А за что?

Вместо ответа Хэттон дернул головой. Полицейские приступили к обыску. Вэннинг пожал плечами.

– Перегибаете палку, – сказал он. – Вламываете, рое-

тесь...

– У нас есть ордер.

– Что ищите?

– Конечно облигации, – устало ответил Хэттон. – Не знаю, куда ты засунул чемодан, но мы его найдем.

– Что за чемодан? – поинтересовался Вэннинг.

– Тот, который принес сюда Макильсон. Когда выходил, чемодана при нем не было.

– Игра закончена, – печально проговорил Вэннинг. – Вы победили.

– То есть?

– Если я признаюсь, куда дел чемодан, замолвите за меня на суде словечко?

– Э-э... да. И где же он?

– Я его съел, – ответил Вэннинг и улегся на диван, давая понять, что намерен вздремнуть.

Хэттон долго не сводил с него ненавидящего взгляда. Полицейские рылись в конторе. Внутренность шкафчика они удостоили лишь беглым взглядом. Стены, пол, потолок, мебель были просвечены рентгеном, но это ничего не дало. Вэннинг поаплодировал напрасным усилиям копов.

Хэттон в конце концов сдался. Ничего другого ему не оставалось.

– Завтра подам на тебя иск, – пообещал Вэннинг. – А еще жалобу на произвольное задержание Макильсона.

– Иди к черту! – прорычал Хэттон.

– Пока-пока.

Вэннинг дождался ухода незваных гостей. Затем, хихикая, отворил дверцу шкафчика.

Медного цвета яйцо, в которое превратился замшевый чемодан, исчезло. Вэннинг пошарил внутри и ничего не обнаружил.

До него не сразу дошел смысл случившегося. Он развернул шкафчик к окну и заглянул снова – с тем же результатом.

Пропали двадцать пять тысяч кредитов в ликвидных рудных облигациях.

Вэннинг вспотел. Он поднял металлический ящик, потряс. Не помогло. Он перетащил шкафчик в другой угол и вернулся, чтобы со всей тщательностью изучить пол.

Может, Хэттон стянул?

Нет. Вэннинг ни на миг не упустил шкафчик из вида за все время обыска. Полицейский распахнул дверцу, заглянул и снова закрыл. С того момента к ней никто не притрагивался.

А облигаций нет.

Как и раздавленной Вэннингом загадочной мелкой твари.

И что же все это значит?

Вэннинг запер шкафчик на задвижку. Опять открыл, не надеясь, что внутри появится медного цвета яйцо.

Оно и не появилось.

Шатаясь, Вэннинг подошел к видеофону и позвонил Гэллегеру.

– А?.. Че?.. Ага... Чего тебе? – Появившееся на экране

худое лицо выглядело неважнецки. – У меня похмелье. А тиамин принять не могу – аллергия. Ну ты как, выиграл?

– Послушай, – нервно заговорил Вэннинг, – я кое-что положил в твой чертов ящик – и будто корова языком слизнула.

– Корова? Ящик? Смешно.

– Да не ящик, а то, что было внутри... Чемодан.

Он задумчиво покачал головой:

– Непонятно, да? Помнится, однажды я сделал...

– Давай без воспоминаний! Я хочу вернуть чемодан!

– Семейная ценность? – предположил Гэллегер.

– Нет. Там деньги.

– Не глупо ли, Вэннинг? С сорок девятого ни один банк не лопнул. Вот уж не думал, что ты такой скряга. Любишь, когда денежки рядом, когда можно пропускать их сквозь твои тонкие, как птичьи коготки, пальчики?

– Да ты опять надрался.

– Я пытаюсь, – возразил Гэллегер, – но вечно что-нибудь мешает. Отнимает время. Вот, к примеру, этот твой звонок обойдется мне в две с половиной пропущенные порции. Надо удлинить шланг, чтобы можно было болтать по «Уинчеллу» и при этом употреблять.

Вэннинг едва разборчиво затараторил в микрофон:

– Чемодан! Что с ним случилось? Как его вернуть?

– А при чем тут я? У меня твоего чемодана нет.

– Можешь узнать, где он?

– Ну... Расскажи во всех подробностях, посмотрю, что

можно сделать.

Вэннинг подчинился, хоть и подкорректировал историю, как того требовала осторожность.

– Ладно, – весьма неохотно сказал наконец Гэллегер. – Ненавижу придумывать версии, но разве что в порядке услуги... Эта обойдется тебе в пятьдесят кредитов.

– Чего?! Ты спятил?

– Пятьдесят, – не дрогнул Гэллегер. – Или никаких версий.

– А где гарантия, что ты вернешь мне чемодан?

– Гарантии нет. Но, возможно, есть шанс... Мне надо сходить в «Механистру», воспользоваться тамошними машинами. Это недешево, но без калькуляторов мощностью в сорок мозгов мне не обойтись...

– Хорошо, согласен, – прорычал Вэннинг. – Приступай. Мне позарез нужен этот чемодан.

– Знаешь, меня всерьез заинтересовал жучок, которого ты раздавил. Сказать по правде, только из-за него я и берусь за твою задачу. Жизнь в четвертом измерении...

Гэллегер отошел, бормоча. Не дождавшись, когда лицо изобретателя снова появится на экране, Вэннинг отключился.

Он заново исследовал шкафчик и не обнаружил ничего нового. Куда же запропастился чертов чемодан из искусственной замши?

Погруженный в печальные думы, Вэннинг натянул пальто

и отправился ужинать в «Манхэттен руф». Ему было ужасно жалко себя.

На следующий день думы стали еще печальнее. Гэллегер не отвечал на звонки, так что Вэннингу пришлось томиться ожиданием. В середине дня в контору явился Макильсон.

– Ты смог меня вытащить из кутузки, – начал он с порога, – и что теперь? Здесь найдется выпивка?

– Тебе не нужна выпивка, – проворчал Вэннинг. – И так уже нализался, еле на ногах стоишь. Катись во Флориду и жди, когда все уляжется.

– Осточертело ждать. Лучше махну в Южную Америку. Но для этого нужны денежки.

– Дождись, когда я обналичу облигации.

– Я возьму облигации. Ровно половину, как договаривались.

Вэннинг зло сощурился:

– И снова окажешься у полиции в лапах. Без вариантов.

Макильсон занервничал еще пуще:

– Спорить не стану, я свалял дурака. Но в этот раз будет иначе, комар носу не подточит.

– То есть ты подождешь?

– У меня есть приятель, летчик. Его вертолет сейчас на крыше, на парковке. Я поднимусь, отдам ему облигации и смоюсь. Полиция ничего на меня не накопает.

– А я говорю – нет, – твердо произнес Вэннинг. – Слнш-

ком опасно.

– Опасно, пока облигации здесь. Если их найдут...

– Не найдут.

– Где же ты их спрячешь?

– Тебя не касается.

Макильсон недобро посмотрел на адвоката:

– Пусть так. Но облигации где-то здесь. Ты не мог их вынести до прихода копов. Не стоит слишком испытывать удачу. Они просвечивали рентгеном?

– Конечно.

– Я слышал, барристер Хэттон нанял ораву экспертов, чтобы они изучили чертежи этого здания. Твою нычку найдут. Я хочу убраться отсюда до того, как это случится.

Вэннинг помахал ладонью:

– Не истери. Я же тебя выручил, скажешь, нет? Хотя ты едва не запарол все дело.

– Это так, – признал Макильсон, оттянув пальцами нижнюю губу. – Но я... – Он скусил ноготь. – Да черт бы тебя побрал! Я сижу на кромке вулкана, а ее подо мной точат термиты. Я не могу торчать тут и ждать, когда полиция разыщет облигации. Из Южной Америки нет экстрадиции, а значит, мне надо поскорей оказаться там.

– Тебе нужно ждать, – сурово повторил Вэннинг. – Это твой единственный шанс.

В руке у Макильсона вдруг оказался пистолет.

– Ты отдашь мне половину облигаций. Прямо сейчас. Я

ни на грош тебе не верю. Облапошить меня решил? Выкладывай облигации!

– Нет, – ответил Вэннинг.

– Я не шучу.

– Знаю. Но я не могу отдать облигации сейчас.

– Да? А почему?

– Слышал когда-нибудь о временном замке? – спросил Вэннинг, чутко следя за движениями собеседника. – Ты прав насчет того, что я положил чемодан в секретный сейф. Но его можно открыть только через определенное число часов.

– Мм... – задумчиво протянул Макильсон. – А когда?

– Завтра.

– Ладно. Завтра ты отдашь облигации?

– Раз уж настаиваешь. Но все-таки советую передумать.

Так будет безопаснее.

Вместо ответа Макильсон лишь ухмыльнулся, оглянувшись по пути к выходу.

Вэннинг долго сидел в полной неподвижности. Его прорбирали нешуточный страх.

У Макильсона маниакально-депрессивный психоз. Этот тип и впрямь способен убить. Он сейчас на грани срыва, спасение видит в отчаянном бегстве.

Что ж, надо принять меры предосторожности.

Вэннинг снова позвонил Гэллегеру и снова не получил ответа. Он оставил сообщение на автоответчике и на всякий

случай еще раз заглянул в шкафчик. Тот оказался обескураживающе пуст.

Вечером Гэллегер позвал Вэннинга к себе в лабораторию. Изобретатель выглядел усталым и нетрезвым. Он махнул рукой в сторону стола, заваленного обрывками бумаги.

– Ну и задал ты мне задачку! Сказать по правде, вряд ли бы я рискнул за нее взяться, если бы знал, на каких принципах работает штукавина. Садись. Плесни себе чего-нибудь. Принес пятьдесят кредитов?

Вэннинг молча достал банкноты и закинул их в «Монстра».

– Отлично. А теперь... – Он уселся на диван. – А теперь приступим. Вопрос на пятьдесят кредитов.

– Я получу назад чемодан?

– Нет, – сухо ответил Гэллегер. – По крайней мере, пока я не пойму, как все работает. Это, знаешь ли, другой пространственно-временной сектор.

– Нельзя ли попроще?

– Проще: шкафчик действует как телескоп, но приближает не только визуально. Полагаю, шкафчик – своего рода окно. В него можно смотреть, а еще можно просунуть руку. Окно, открытое в сейчас плюс икс.

– Ты так ничего и не объяснил, – поморщился Вэннинг.

– Все, чем я пока располагаю, это версия. Послушай, что я скажу. Я изначально ошибался. Вещи, которые попадают в

шкафчик, не появляются в другом пространстве, поскольку действует пространственная константа. Я имею в виду, что меньше они не становятся. Размер есть размер. Перемещение кубика с ребром в один дюйм на Марс не увеличит кубик и не сократит.

– А как насчет иной плотности в окружающей среде? Она не может раздавить предмет?

– Может, и он останется раздавленным. Будучи извлечен из шкафчика, не обретет прежних размеров и формы. Икс плюс игрек никогда не равно икс умножить на игрек.

– О чем ты?

– Вещи, которые мы кладем в шкафчик, уходят в другое время, – объяснил Гэллегер. – Их параметры во времени остаются неизменными, но этого нельзя сказать о взаимоотношениях с пространством. Два предмета не могут занимать одно место одновременно. Следовательно, твой чемодан отправился в другое время. В сейчас плюс икс. Я не знаю, что собой представляет этот икс, но подозреваю, что несколько миллионов лет.

Вэннинг опешил:

– Чемодан отправился на миллионы лет в будущее?

– Не берусь судить, на сколько именно лет, но он сейчас далеко, это точно. У меня недостаточно множителей, чтобы закончить уравнение. Я главным образом применяю индуктивную логику, и результаты получаются чертовски странные. Эйнштейн бы оценил. Моя теорема показывает, что

Вселенная одновременно расширяется и сжимается...

– Какое это имеет отношение к...

– Движение относительно, – не позволил себя перебить Гэллегер. – Это базовый принцип. Итак, Вселенная расширяется – растекается, как газ, но одновременно ее компоненты сжимаются. Ты в курсе, что солнца и атомы не растут, они лишь разбегаются от центральной точки? Стремглав мчатся во все стороны... О чем бишь я? Ага. Вселенная, если рассматривать ее в отдельности, сжимается.

– Ну сжимается, и что с того? Где мой чемодан?

– Я же сказал: в будущем. Об этом говорит индуктивная логика. Красивая в своей простоте. И совершенно недоказуемая. Сто, тысячу, миллион лет назад Земля – и Вселенная – были больше, чем сейчас. И они продолжают сжиматься. Где-то в будущем Земля вполовину меньше нынешней. Только мы этого не заметим, потому что Вселенная сократится пропорционально. – Тон Гэллегера сделался задумчивым. – Мы засунули в шкафчик скамью, а значит, она вынырнула где-то в будущем. Как я уже сказал тебе, шкафчик – окно в другое время. И скамья оказалась под воздействием тогдашних условий. Мы дали ей несколько секунд, чтобы напитаться энтропией или чем там еще, и она уменьшилась. Почему я сказал «энтропией»? Один Аллах знает.

– Она превратилась в пирамидку.

– Геометрические искажения тоже вероятны. Или это оптическая иллюзия. А может, нам не получить четкий фокус.

Не думаю, что вещи в будущем выглядят как-то иначе, если не считать уменьшения, но ведь мы, как ни крути, пользуемся окном в четвертое измерение. Мы сминаем время. Это как через призму глядеть. Размер меняется самостоятельно, но форму и цвет для наших глаз меняет четырехмерная призма.

– Короче, суть в том, что мой чемодан в будущем. Правильно? Но как он мог исчезнуть из шкафчика?

– А та тварюшка, которую ты раздавил? Может, у нее были друзья. Может, они невидимы, пока не попадут в очень узкий фокус. Но представь такую ситуацию. В далеком будущем, через сто, или тысячу, или даже миллион лет, исчезает чемодан, будто растворяется в воздухе. Наш потомок решает с этим разобраться. Ты его убиваешь. Тогда приходят его приятели и уносят чемодан за пределы шкафчика. В пространстве он может находиться где угодно, а время – неизвестная величина. Сейчас плюс икс. Это временной замок. Понятно?

– О черт! – взорвался Вэннинг. – Это и есть твой ответ? И я должен им удовлетвориться?

– Ну да. Ты же не полезешь в шкафчик, чтобы искать чемодан в будущем. Одному богу известно, где он мог вынырнуть. За несколько тысяч лет могли измениться свойства воздуха. Нельзя исключать и других перемен.

– Не ползу. Я не псих.

Значит, тупик. Облигации исчезли, и нет надежды их вернуть. В принципе, можно смириться с этой потерей, поскольку исключена вероятность того, что ценные бумаги попадут в руки полиции. Но как быть с Макильсоном? Его недооценивать нельзя, особенно после того как о стеклолексовое окно кабинета разбилась пуля.

Договориться с Макильсоном не удалось – он внушил себе, что Вэннинг пытается его надуть. Из адвокатской конторы его пришлось выдворять силой, и он выкрикивал угрозы. Обещал пойти в полицию и признаться. Ну и пусть, доказательств-то нет. Черт с ним.

Все же Вэннинг решил подстраховаться и подал в полицию заявление на бывшего клиента. Получилось только хуже – Макильсон вырубил ударом в челюсть полицейского, явившегося по его душу, и сбежал. Теперь он наверняка прячется в темных закоулках, вооруженный и жаждущий мести. Самый настоящий маниакально-депрессивный психопат.

Не без злобного удовольствия Вэннинг вытребовал себе пару телохранителей в штатском. Он был в своем праве, поскольку ему угрожали убийством. Пока Макильсон не обезврежен, его потенциальную жертву должны охранять. И уж конечно, Вэннинг позаботился о том, чтобы Манхэттенский департамент полиции выделил для этого лучших стрелков. Конечно, Вэннинг очень скоро понял, что им также поручено искать пропавшие облигации и замшевый чемодан.

Вэннинг позвонил по «Уинчеллу» барристеру Хэттону и

ухмыльнулся с экрана:

– Ну и какие успехи?

– Ты о чем?

– О моих сторожевых псах. И о твоих шпиках. Облигаций им не найти. Пожалей их, Хэттон. Зачем беднягам надрываться на двух работах разом?

– Достаточно одной работы – добыть улику. Если Макильсон продырявит тебя, я не слишком расстроюсь.

– Ладно, до встречи в суде, – сказал Вэннинг. – Ты вроде обвиняешь Уотсона?

– Да. А ты откажешься от скопирования?

– В отношении присяжных? Разумеется. Это дело у меня в шляпе.

– Ну-ну, помечтай, – хмыкнул Хэттон и отключился.

Посмеиваясь, Вэннинг надел пальто, позвал охрану и направился в суд. Макильсон по пути не встретился. Вэннинг, как и рассчитывал, выиграл процесс. Он вернулся в контору, забрал у секретарши поступившую малозначительную корреспонденцию и отворил дверь своего кабинета.

И сразу увидел на ковре в углу замшевый чемодан.

Он так и обмер, держась за дверную ручку. За спиной приближался тяжелый топот охранников.

– Подождите минутку, – распорядился, оглянувшись, Вэннинг.

А затем юркнул в кабинет, хлопнул дверью и заперся, не дослушав удивленный вопрос.

Чемодан. Он здесь, и это не галлюцинация. Как и мощные удары в дверь – полицейские, коротко посоветовавшись, решили ее высадить.

Вэннинг аж позеленел от ужаса. Наконец осмелился шагнуть вперед и увидел шкафчик – в том углу, куда его поставил.

Хроносейф! Вот спасение! Если засунуть в него чемодан, тот сделается неузнаваем. Пусть даже снова пропадет, это не беда. Беда будет, если Вэннинг не избавится сейчас же от прямой улики.

Дверь содрогалась под шквалом ударов. Вэннинг подскочил к чемодану, схватил его. И краем глаза заметил движение.

В воздухе над ним появилась рука. Да не просто рука, а лапища великана. С безупречно чистой манжетой на запястье, которое упиралось в пустоту. Исполинские пальцы потянулись вниз...

Вэннинг взвизгнул и попытался отскочить. Но не успел.

Он забился в клетке из пальцев, тщетно силясь высвободиться. А в следующий миг рука сжалась в кулак. Когда она разжалась, то, что осталось от Вэннинга, шлепнулось на ковер и напитало его кровью. Рука нырнула в пустоту.

Дверь рухнула, и в кабинет ввалились полицейские в штатском.

Хэттон не заставил себя ждать, приехал с толпой экспертов. Впрочем, работы для них не нашлось, если не считать

помощи с уборкой. Замшевый чемодан с ликвидными облигациями на двадцать пять тысяч кредитов был переправлен в надежное хранилище. Вэннинга соскребли с ковра и отвезли в морг. Фотографы пощелкали камерами, дактилоскописты опудрили мебель белым порошком, рентгенологи просветили стены лучами. На все про все ушло не больше часа, а потом контору закрыли и опечатали входную дверь.

Поэтому никто не засвидетельствовал повторного появления гигантской руки, которая вынырнула из пустоты, пошарила в поисках чего-то и скрылась.

Лишь один человек мог пролить свет на это событие, что он и сделал у себя в лаборатории, обращаясь к «Монстру». Вот его слова:

– Что ж, теперь понятно, почему вчера здесь на несколько минут материализовалась скамья. Гм... Сейчас плюс икс... и этот икс примерно равен неделе. Ну а почему бы и нет? Все же относительно. Правда, мне никогда не приходило в голову, что Вселенная съеживается так быстро.

Он расслабленно вытянулся на диване и качнул в рот двойного мартини.

– Да, похоже на то, – пробормотал через некоторое время Гэллегер. – Кстати! Сдается, Вэннинг – единственный человек, который сумел протянуть руку в середину следующей недели и... прикончить себя. А не напиться ли мне по этому поводу?

Сказано – сделано.

Этот мир – мой!

– Впустите меня! – верещало за окном кроликообразное существо. – Впустите! Этот мир – мой!

Гэллегер машинально сполз с дивана и, перебарывая на диво мощное гравитационное притяжение колоссального похмелья, тупо заозирался. Кругом обретала детальность, мрачную в сером утреннем свете, его лаборатория. Два генератора, украшенные мишурой, как будто взирали на него с упреком, не радуясь праздничному наряду.

Откуда взялась мишура? Видать, это результат вчерашнего просмотра мультфильма о Томе и Джерри, хмуро подумал Гэллегер. Должно быть, он решил, что на дворе уже канун Рождества.

От этих мыслей Гэллегера оторвал писклявый голос – тот самый, что разбудил его. Изобретатель осторожно повернулся, для надежности сжав голову ладонями. Через плексиглас ближайшего окна на него в упор смотрела мордочка – маленькая, мохнатая.

Фантастическая. Не из тех, что являются человеку в крутом запое. Уши непомерно велики, круглы и покрыты мехом. Розовая пуговка носа дрожит и дергается.

– Впусти меня! – снова заверещало существо. – Я буду покорять этот мир!

– Ну и что дальше? – пробормотал Гэллегер, отворяя

дверь.

На заднем дворе было пусто, если не учитывать присутствия трех удивительных животных. Пушистенские, беленькие, толстенские, как подушка, они стояли рядком и таращились на хозяина дома.

Три вздрагивающих носика. Три пары золотистых глазенок. Шесть коротких лапок дружно переступили порог. Незваные гости так резво ринулись в дом, что едва не опрокинули Гэллегера.

Ну и дела! Гэллегер кинулся к алкогольному органу, топорливо смешал коктейль и присосался к крану. Полегчало, но не особо. Гости снова стояли – или сидели, поди их пойми, – рядком и рассматривали его не моргая.

Гэллегер уселся на диван и сурово спросил:

– Вы кто?

– Либблы, – ответил тот, что вошел первым.

– Ага. – Гэллегер обдумал услышанное. – А кто такие либблы?

– Это мы, – ответил либбла.

Разговор зашел в тупик, но ненадолго. Вдруг зашевелилась в углу бесформенная груда одеял, и из нее вынырнула орехового цвета, обильно покрытая морщинами физиономия.

Человек был тощ, ясноглаз и очень стар.

– Ну и болван же ты, – упрекнул он Гэллегера. – Зачем их впустил?

Гэллегер напряг память. Этот старикашка не кто иной, как его дед, живущий в Мэне на ферме. Решил посетить Манхэттен. Этой ночью... Гм... Что было этой ночью? С трудом вспомнилось, как Дедуля похвастался своей вместимостью по части спиртного, и, конечно, без состязания не обошлось. Дедуля победил. Но что было дальше?

Он спросил.

– Неужели не помнишь? – удивился старик.

– Хоть казни, – устало ответил Гэллегер. – Вот так всегда: напьюсь и что-нибудь изобрету, а потом не могу взять в толк, как оно работает. Я, так сказать, играю на слух.

– А то я не знаю? – хмыкнул Дедуля. – Ну вот и полюбуясь, что ты на этот раз изобрел.

Он указал в угол, где стояла высокая таинственная машина и тихо жужжала о чем-то своем.

– Ого! А что это?

– Меня спрашиваешь? Ты же сам ее смастачил. Собственно ручно. Этой ночью.

– Я? Правда? А зачем?

– Да откуда мне знать? – сердито зыркнул Дедуля. – Тебе вдруг приспичило повозиться с техникой, и ты соорудил эту штуковину. А потом назвал машиной времени. И включил. Решил не рисковать и сфокусировал ее на заднем дворе. Мы вышли посмотреть, и вдруг откуда ни возьмись – эти три малявки. Мы вернулись в дом – помнится, в большой спешке. Где выпивка?

Либблы уже нетерпеливо приплясывали.

– Ночью было так холодно, – с упреком сообщил один из них. – Почему вы нас не впустили? Это же наш мир.

Длинная лошадиная физиономия Гэллегера вытянулась еще больше.

– Так-так... Ну, раз я построил машину времени – хоть и не помню ни черта, – получается, что вы прибыли из какого-то другого периода. Правильно рассуждаю?

– Конечно, – подтвердил либбла. – Отсюда лет пятьсот будет.

– А вы, часом, не люди? В смысле, мы не эволюционируем в вас?

– Нет, – благодушно ответил самый упитанный из гостей. – Чтобы эволюционировать в доминирующий вид, вам, людям, понадобятся тысячелетия. Мы с Марса.

– Марс. Будущее. Ага. И вы говорите по-английски...

– На Марсе в наше время живут люди с Земли. А почему бы им там не жить? Мы читаем по-английски, разговариваем, все понимаем.

– И вы у себя на Марсе доминантный вид? – пробормотал Гэллегер.

– Ну, не совсем, – ответил либбла и, поколебавшись, уточнил: – Не на всем Марсе.

– Даже не на половине, – добавил другой. – Только в долине Курди. Но долина Курди – это центр Вселенной. Цивилизация там на высшем уровне. У нас есть книги – о Земле

и о прочем. Кстати, о Земле: мы намерены ее завоевать.

– Да неужели? – сухо спросил Гэллегер.

– Именно так. Мы уже пытались однажды, но земляне нам не позволили, зато теперь проблем не возникнет. Все вы станете нашими рабами, – радостно посулил либбла.

Ростом он был от силы одиннадцать дюймов.

– Поди, обзавелись каким-то оружием? – предположил Дедуля.

– Оно нам без надобности. Потому что мы умные. Потому что все знаем. Наша память бездонна. Мы можем создавать пушки-дезинтеграторы, тепловые лучеметы, космические корабли...

– Нет, не можем, – возразил другой либбла. – У нас ведь пальцев нет.

А ведь и правда, подумал Гэллегер. Эти мохнатые лапки, похожие на варежки, совершенно не годятся для технической работы.

– И что с того? – сказал первый либбла. – Заставим землян изготовить для нас оружие.

Дедуля опрокинул в рот порцию виски и пожал плечами.

– И часто здесь такое случается, внучек? – поинтересовался он. – Слышал я, что ты крутой ученый, но ведь ученым вроде положено мастерить ускорители атомных частиц и другие полезные вещи. А какой прок от машины времени?

– Она доставила нас сюда, – заявил либбла. – Сегодня у Земли счастливый день.

– Зависит от точки зрения, – сказал на это Гэллегер. – Прежде чем вы отправите в Вашингтон ультиматум, не желаете ли подкрепиться? Как насчет блюдца молока?

– Мы не животные! – возмутился самый толстый либбла. – Из чашек пьем.

Гэллегер принес три чашки, согрел молока. После недолгих колебаний поставил чашки на пол. Столы для этих малышей слишком высоки. Либблы, вежливо пискнув спасибо, угнездили посуду между колен и принялись лакать длинными розовыми язычками.

– Недурно, – сказал один.

– Не разговаривай с полным ртом, – цыкнул на него толстенький – судя по повадкам, лидер.

Гэллегер развалился на диване и взглянул на старика.

– Что до этой машины времени, то я ничего не помню. А ведь надо как-то вернуть либбл домой. Чтобы придумать способ, мне понадобится время. Иногда я задумываюсь, не слишком ли много пью.

– Выбрось эти мысли из головы, – велел Дедуля. – В твоём возрасте я не нуждался в машине времени, чтобы материализовать малышей ростом в фут. Мне в этом помогала кукурузная самогонка, – добавил он, облизывая сморщенные губы. – Ты просто слишком много работаешь.

– Ну да, – беспомощно произнес Гэллегер. – И ничего не могу с этим поделать. Но что навело меня на идею построить эту штуку?

– Чего не знаю, того не знаю. Вроде ты нес какую-то чепуху насчет убийства собственного деда, что-то в этом роде. Или насчет предсказания будущего? Я ничегошеньки из твоей болтовни не понял.

– Погоди-ка! Вроде я что-то вспоминаю, смутно... Старый парадокс насчет путешествий во времени. Если убить собственного деда...

– Ночью, когда ты об этом заговорил, я схватился за топор, – перебил Гэллегера Дедуля. – Я еще не готов сыграть в ящик, мальчишка. – И добавил, хихикнув: – Живости мне не занимать, даром что я бензиновую эпоху помню.

– А что было потом?

– Через эту твою жужжалку прошли три карапузика. А ты сказал, что неправильно ее настроил, и полез исправлять.

– Интересно, что я имел в виду, – задумчиво проговорил Гэллегер.

Либблы управились с молоком.

– Итак, мы здесь, – сказал толстенький. – Теперь завоюем ваш мир. С чего начнем?

Гэллегер пожал плечами:

– Боюсь, джентльмены, тут я вам не советчик. Меня никогда не тянуло миры завоевывать, так что понятия не имею, как это делается.

– Первым делом разрушим большие города, – возбужденно заговорил самый маленький либбла. – Затем пленим красавиц, потребуем за них выкуп. Что-нибудь в этом роде. Все

перепугаются, и мы победим.

– Как ты до этого додумался? – спросил Гэллегер.

– А в книжках прочел. Именно так это и делается. Мы усядемся на трон и будем всех тиранить. Можно еще молочка?

– И мне, – хором пискнули остальные.

Гэллегер, ухмыляясь, выполнил просьбу.

– Похоже, вы не очень-то удивились, очутившись здесь.

– В книгах и об этом есть.

Плям-плям-плям...

– О чем – об этом? – удивленно задрал бровь Гэллегер. – О том, что вы перенесетесь сюда?

– Конечно нет. Но путешествия во времени описаны во всех подробностях. В нашей эпохе романы сочиняются только на научные темы. А мы много читаем. Да и чем еще можно заниматься в нашей долине? – не без грусти закончил либбла.

– Вы только такие книги читаете?

– Нет, глотаем все подряд. Беллетристику, научные труды, технические пособия. Как изготовить дезинтеграторы и тому подобное. Мы вас научим производить необходимое нам оружие.

– Благодарю покорно! И что, литература такого рода доступна всем?

– Разумеется. А как же иначе?

– Мне кажется, она небезопасна.

– Мне тоже так кажется, – задумчиво проговорил тол-

стенский либбла, – но пока что она никаких бед не причинила.

Поразмыслив, Гэллегер спросил:

– Значит, вы можете мне объяснить, как, к примеру, изготовить тепловой лучемер?

– Да! – последовал взволнованный ответ. – И тогда мы разрушим большие города, пленим...

– Я уже это слышал: вы плените красоток и потребуете за них выкуп. Но зачем?

– Мы знаем, как такие дела делаются, не зря читаем книжки. – Либбла опрокинул чашку и горестно повесил уши, глядя на молочную лужицу.

Другие поспешили погладить его по спине.

– Не плачь, – велел самый крупный.

– Надо плакать, – возразил оплошавший. – В книжках так написано.

– Ты понял наоборот. На самом деле там написано: «Над пролитым молоком не плачут».

– Плачут! И я буду! – Оплошавший либбла зарыдал.

Гэллегер принес ему молока.

– Так вот, насчет теплового лучемера, – сказал он. – И как же...

– Очень просто, – перебил его толстенный и объяснил.

Это и впрямь оказалось очень просто. Дедуля, само собой, ничего не понял, но он с любопытством наблюдал, как трудится Гэллегер. Тот управился за полчаса. Действитель-

но, получился тепловой лучемер. Он прожег дыру в двери шкафа.

– Вот это да! – ахнул Гэллегер, увидев курящийся дымок, и оценивающе посмотрел на металлический цилиндрик у себя на ладони. – Серьезная штучка!

– Она способна убивать людей, – пробормотал толстенький либбла. – Как убила того человека.

– Чего-чего?! Какого еще человека?

– Того, что лежит во дворе. Мы посидели на нем, но он вскоре остыл. У него в груди прожжена дырка.

– Это вы сделали! – судорожно сглотнув, обвинил Гэллегер.

– Нет. Должно быть, он тоже прибыл из другого времени. И дырка в нем уже была.

– Кто?.. Кто он?

– Я его никогда прежде не встречал, – ответил толстенький, утрачивая интерес к теме. – Хочу еще молока. – Он запрыгнул на скамью и уставился через окно на небоскребы Манхэттена. – Ух ты! Этот мир – наш!

Зазвенел дверной звонок. Малость побледневший Гэллегер обратился к старику:

– Дедуля, пойдй глянь, кто это. Да кто бы ни был, скажи, чтобы убирался. Наверняка коллектор долгов. Он не обидится – его все гонят взашей. О боже! Мне ведь еще никогда не приходилось убивать.

– Зато мне... – пробормотал Дедуля и направился к вы-

ходу, оставив фразу без завершения.

В сопровождении семенящих кроличьих фигурок Гэллегер вышел на задний двор и убедился, что случилось страшное. Посреди розового садочка лежал труп мужчины – очень старого, бородатого, совершенно лысого, в одеждах, изготовленных, похоже, из мягкого цветного целлофана. Рубаха на груди, как и сама грудь, была прожжена. Гэллегер безошибочно узнал работу теплового лучемета.

– Что-то знакомое есть в его внешности, – решил Гэллегер. – Но что именно, не понимаю. Он был еще жив, когда очутился здесь?

– Он был мертвый, но теплый, – ответил либбла. – Приятное такое тепло.

Гэллегер переборол дрожь. Ох и жуткие же малыши! Впрочем, наверняка они безобидны, иначе бы в родной эпохе им не дали доступа к опасной информации.

Гэллегера куда меньше нервировало поведение либбл, чем присутствие трупа. Его слуха коснулся протестующий голос Дедули.

Либблы поспешили укрыться в ближайших кустах, а на задний двор вступили трое мужчин, сопровождая старика. Завидев синие мундиры с медными пуговицами, Гэллегер поспешил бросить тепловой излучатель на клумбу и украдкой нагрести ногой сверху земли. А еще постарался изобразить любезную улыбку.

– Здравóво, парни. Я как раз собирался звонить в ваше

управление. Ко мне во двор кто-то подкинул мертвеца.

Из вновь прибывших двое были полицейскими: здоровяки с недоверчивыми физиономиями, с цепкими глазами. Третий – щегольски одетый коротышка с платиновой шевелюрой, облепившей узкий череп, и карандашными усиками – основательно смахивал на лисицу. Этот типчик носил Почетный знак, что могло означать много или мало, в зависимости от личности владельца.

– Не сумел их прогнать, – посетовал Дедуля. – Так что ты влип, внучек.

– Он шутит, – объяснил полицейским Гэллегер. – Честное слово, я собирался...

– Давайте-ка без этих штучек. Фамилия?

Гэллегер сказал, что он Гэллегер.

– Так-так. – Полицейский опустился на колени, чтобы осмотреть труп, и изумленно присвистнул. – Чем это вы его?

– Ничем. Выхожу из дома, а он уже лежит. Может, вывалился из какого-нибудь окна. – Гэллегер повел рукой, указывая на высившиеся кругом небоскребы.

– Это исключено – у него все кости целы, – возразил полицейский. – Похоже, вы его проткнули раскаленным ломом. Кто он?

– Не знаю. Впервые его вижу. А как вы узнали...

– Мистер Гэллегер, никогда не оставляйте трупы на виду. Кто-нибудь из пентхауса углядит и позвонит в полицию.

– А-а... понял.

– Мы выясним, кто прикончил беднягу, – саркастически продолжал полицейский. – На этот счет не беспокойтесь. Впрочем, вы можете признаться прямо сейчас, чтобы избежать лишних хлопот.

– Но у вас нет прямых улик...

– Давайте-ка без этих штук. – Перед носом у Гэллегера помахала широченная ладонь. – Я вызову парней, скажу, чтобы прихватили коронера. Где у вас видеофон?

– Дедуля, покажи им, – устало произнес Гэллегер.

Вперед шагнул щеголь. В его голосе сквозила властность:

– Гроэрти, пока Банистер говорит по видеофону, осмотрите дом. Я побуду здесь с мистером Гэллегером.

– Хорошо, мистер Кэнтрелл. – Полицейские удалились вместе с Дедулей.

Со словами «прошу извинить» Кэнтрелл быстро приблизился к Гэллегеру, вонзил тонкие пальцы в землю возле его ноги и извлек цилиндрик. С чуть заметной улыбочкой осмотрел тепловой лучемер.

У Гэллегера сердце сорвалось в пике.

– Интересно, откуда оно взялось? – предпринял он отчаянную попытку оправдаться.

– Вы сами положили, – ответил Кэнтрелл. – Я заметил. Ваше счастье, что не заметили полицейские. Пожалуй, я это подержу у себя. – Он сунул цилиндрик в карман. – Неопровержимая улика. Дырка в вашей жертве чертовски необычная...

– Это не моя жертва!

– Труп лежит на вашем дворе. А я, мистер Гэллегер, интересуюсь оружием. Что это за устройство?

– Э-э-э... просто фонарик.

Кэнтрелл вынул цилиндр и направил на Гэллегера.

– Понятно. Значит, если я нажму на кнопочку...

– Это тепловой лучемет, – поспешил объяснить Гэллегер, уклоняясь. – Ради бога, поосторожнее!

– Гм... Сами сделали?

– Ну... да.

– И убили этим оружием человека?

– Нет!

– Полагаю, – сказал Кэнтрелл, возвращая цилиндр в карман, – что вы предпочтете об этой вещице помалкивать. Если она попадет в руки полиции, ваша песенка спета. Если же не попадет – другое дело. Будет трудно доказать факт ее применения – ни одно известное оружие не способно причинить такую рану. Знаете, мистер Гэллегер, я верю, что не вы убили беднягу. Не знаю почему, но верю. Возможно, причиной тому ваша репутация. Вы известный чудака, а еще считаетесь отменным изобретателем.

– Спасибо, – сказал Гэллегер. – Но это мой лучемет...

– Хотите, чтобы он значился как вещдок номер один?

– Он ваш.

– Отлично, – ухмыльнулся Кэнтрелл. – Посмотрим, чем я могу вам помочь.

Смотреть было почти не на что. Обзавестись Почетным знаком мог едва ли не любой человек, но политическое влияние далеко не всегда означало влияние на полицию. Когда машина правосудия приходила в движение, остановить ее было не так-то просто. По счастью, права индивидуума в ту пору чтились свято, но это в основном благодаря развитию коммуникационных технологий. Они не оставляли преступнику никаких шансов на побег.

Гэллегеру велели не покидать Манхэттен, будучи уверенными, что, если он попытается, система видеослежения моментально его обнаружит. Даже не было необходимости приставлять к нему охрану. На все транспортные узлы Манхэттена поступила трехмерная фотография Гэллегера, и, если бы он попробовал купить билет на стритлайнер или морские сани, его бы моментально опознали, отчитали и отправили домой.

Покойника в сопровождении недоумевающего коронера отвезли в морг. Ушли полицейские и Кэнтрелл. Дедуля, Гэллегер и пушистая троица сидели в лаборатории и растерянно переглядывались.

– Машина времени, подумать только! – проговорил Гэллегер, нажимая клавиши на органе. – И с чего вдруг мне пришло в голову ее соорудить?

– Тебя не осудят – не смогут доказать, – предположил Дедуля.

– Судебный процесс – дело недешевое. Если не найду хорошего адвоката, мне крышка.

– Разве в суде тебе не дадут адвоката?

– Конечно дадут, но что толку? Современная юриспруденция – игра наподобие шахмат. Чтобы выиграть, нужна поддержка толпы экспертов, знающих все тонкости. Если я допущу малейшую оплошность, меня осудят. Юристы, дедушка, это политики, адвокатское лобби влияет на баланс власти. Виновен, невиновен – это не так важно, как возможность нанять лучших адвокатов. Лучших – значит самых дорогих.

– Деньги тебе не понадобятся, – сказал толстенький либбла. – Покорив мир, мы введем нашу монетарную систему.

Гэллегер пропустил слова гостя мимо ушей.

– Дедуля, ты поднакопил деньжат?

– Не-а. В Мэне они мне почти без надобности.

Внук обвел лабораторию тоскливым взглядом:

– Может, удастся что-нибудь продать. Тепловой луче-мет... Хотя нет. Если прознают, что он у меня был, я сяду. Надеюсь, Кэнтрелл будет о нем молчать. Машина времени... – Гэллегер подошел к загадочному устройству и в задумчивости остановился перед ним. – Еще бы вспомнить, как она работает. Или почему.

– Ты же сам ее изобрел.

– Это сделало мое подсознание. Оно черт-те что откалывает. Интересно, для чего этот рычаг?

Гэллегер проэкспериментировал. Ничего не произошло.

– Ужас как сложно... А поскольку мне неизвестен принцип действия этой машины, я не смогу выручить за нее приличные деньги.

– Ночью, – задумчиво проговорил Дедуля, – ты орал о каком-то Хельвиге – он-де тебя озолотит.

У Гэллегера просветлел взор, но лишь на миг.

– Помню его. Никчемный тип, но с непомерным тщеславием. Обещал щедро заплатить, если я помогу ему прославиться.

– Ну так помоги.

– Каким образом? – хмыкнул Гэллегер. – Я готов что угодно изобрести и заявить, будто это дело рук Руфуса Хельвига. Но никто не поверит. Он уже прослыл круглым болваном, едва способным сложить два и два. Впрочем...

Гэллегер повозился с экранами, и на одном из них вдруг появилось широкое, сдобное белое лицо. Руфус Хельвиг был невероятно толст, а лысина и нос пяточком придавали ему облик дауна. Благодаря деньгам он приобрел власть, но общественное признание от него упорно ускользало. Никому Хельвиг не нравился, и это его чрезвычайно расстраивало. Он стал посмешищем – просто потому, что ничего не имел за душой, кроме денег. Другие толстосумы смирились с подобной судьбой, но Хельвиг не смирился.

Он мрачно уставился на Гэллегера:

– Доброе утро. Ты по делу или как?

– Я кое над чем работаю. Но расходы велики, нужен аванс.

– Да что ты говоришь? – недобро сощурился Хельвиг. – Аванс тебе нужен? А разве на прошлой неделе я его не выдал?

– Правда, что ли? – удивился Гэллегер. – Что-то не припоминаю.

– Ты был пьян.

– А-а... Это точно?

– Цитировал Хайяма.

– Что именно?

– Что-то насчет весны, которая придет и вынет розы.

– Значит, я действительно был пьян, – печально проговорил Гэллегер. – Сколько я из тебя вытянул?

Хельвиг сказал. Изобретатель грустно покачал головой:

– Деньги у меня убегают сквозь пальцы, как вода. Ну да ладно. Дай еще.

– Спятил? – прорычал Хельвиг. – Покажи результат. Потом сможешь собственноручно выписать чек.

– Где, в газовой камере? – спросил Гэллегер, но богач уже отключился.

Дедуля пропустил стаканчик и вздохнул.

– А как насчет этого типа, Кэнтрелла? Он может помочь?

– Сомневаюсь. Он меня подловил на горячем, я у него на крючке. К тому же я совершенно его не знаю.

– Ладно, я возвращаюсь в Мэн.

– Бросаешь меня? – понурился Гэллегер.

– А что, здесь еще осталась выпивка?

– Вообще-то, ты не можешь уехать. Ты вероятный со-
участник или что-то в этом роде. Уверен, что не можешь до-
быть денег?

Дедуля был уверен. Гэллегер снова взглянул на машину
времени и тяжело вздохнул. Будь ты проклято, подсознание!
Вот что бывает, когда наукой занимаешься по наитию, а не
как положено. Да, Гэллегер – гений, но сей факт не меша-
ет ему снова и снова попадать в фантастические перепле-
ты. Помнится, он уже когда-то изобрел машину времени, но
она работала как-то иначе. Нынешняя – невероятно сложное
устройство из блестящего металла – тихо стоит в углу, ее фо-
кус материализации направлен в какую-то точку на заднем
дворе.

– Интересно, для чего Кэнтреллу понадобился тепловой
лучемет? – задумчиво проговорил Гэллегер.

Либблы между тем ходили по лаборатории, рассматрива-
ли ее любопытными золотистыми глазами, взволнованно по-
дергивали розовыми носами. Теперь они вернулись и сели в
ряд перед Гэллегером.

– Когда мы покорим этот мир, тебе не придется ни о чем
беспокоиться, – пообещали они человеку.

– Спасибо преогромное, – буркнул Гэллегер. – Ваша по-
мощь бесценна. Но прямо сейчас мне позарез нужны деньги,
причем много. Чтобы нанять адвоката.

– Зачем тебе адвокат?

– Без него меня осудят за убийство. Это сложно объяснить, ведь вы не знакомы с моим временным сектором... – У Гэллегера вдруг отпала челюсть. – Так-так... Есть идея.

– Какая идея?

– Вы мне рассказали, как изготовить тепловой лучемер. Ну а как насчет чего-нибудь еще? Чего-нибудь такого, что можно быстро и выгодно продать?

– Запросто. Мы охотно тебе поможем. Но для этого понадобится устройство ментальной связи.

– К чему такие сложности. Просто объясните. А могу я сам задавать вопросы. Да, так будет лучше. Расскажите, какой техникой вы пользуетесь в быту.

Зазвонил дверной звонок. Прибыл следователь Махони, высокий, с зализанными иссиня-черными волосами и саркастической миной. Поскольку либблы считали излишним привлекать к себе внимание, пока не разработан план покорения мира, они скрылись с глаз. Махони поприветствовал мужчин небрежным кивком и сказал:

– Доброе утро. У нас в управлении возникла небольшая заковыка. На самом деле ничего серьезного.

– Это плохо, – произнес Гэллегер. – Как насчет выпивки?

– Нет, благодарю. Мне нужно снять отпечатки ваших пальцев. И сделать снимки сетчатки глаз, если не возражаете.

– Не возражаю. Валяйте.

Махони кликнул эксперта, пришедшего вместе с ним.

Гэллегера заставили прижать пальцы к чувствительной пленке, фотоаппарат со специальным объективом зафиксировал палочки, колбочки и кровяные каналы в его глазах. Махони саркастически ухмылялся, наблюдая за этой процедурой. Наконец эксперт предъявил следователю результаты своего труда.

– Это уже слишком! – прокомментировал Махони.

– Вы о чем? – осведомился Гэллегер.

– Да так, о пустяке. Этот труп, обнаруженный на вашем дворе...

– Продолжайте.

– Отпечатки у него такие же, как у вас. И сетчатки точь-в-точь совпадают с вашими. На подобные чудеса даже пластическая хирургия не способна. Скажите, Гэллегер, кто этот волшебник.

Изобретатель захлопал глазами:

– Тысяча чертей! Мои отпечатки? Это абсурдно!

– Абсурдней некуда, – согласился Махони. – Уверены, что не знаете ответа?

Возле окна изумленно присвистнул эксперт.

– Эй, Махони, иди-ка сюда, – позвал он. – Хочу тебе кое-что показать.

– Это подождет.

– На такой жаре – недолго, – возразил эксперт. – Там в саду еще один труп.

Гэллегер и Дедуля обменялись испуганными взглядами.

Следователь и его помощник ринулись вон из дома. Изобретатель сидел совершенно неподвижно, пока из сада не донеслись крики.

– Еще один? – спросил Дедуля.

Гэллегер кивнул:

– Похоже на то. Давай-ка...

– Смажем пятки?

– Это бесполезно. Давай-ка выйдем и посмотрим, что там стряслось.

Гэллегер уже знал, что там стряслось. Появился новый труп с прожженной фабриканевой безрукавкой и дыркой в груди. Никаких сомнений, что это поработал тепловой луч. Гэллегер получил сильнейшее потрясение – он смотрел на собственный труп.

Впрочем, не совсем. Покойник выглядел лет на десять старше Гэллегера. Лицо исхудалое, темная шевелюра тронута сединой. И наряд непривычный, чудаковатый. Но все же сходство не вызывает сомнений.

– Так-так, – проговорил Махони, глядя на Гэллегера. – Надо полагать, это ваш брат-близнец? – Стуча зубами, следователь вынул сигару и зажег ее дрожащими пальцами. – Вот что я вам скажу. Не знаю, что за шутки вы тут шутите, но мне они не нравятся. Аж мороз по коже. Если окажется, что и у этого трупа пальцы и глаза как у вас, мне это не понравится еще больше. Я не хочу себя чувствовать так, будто схожу с ума. Понятно?

– Невероятно, – сказал эксперт.

Махони загнал всех в дом и связался с управлением.

– Инспектор? Я насчет трупа, доставленного час назад.

Ну, вы в курсе: дело Гэллегера...

– Вы его нашли? – спросил инспектор.

Махони оторопело заморгал:

– Что? Я о том трупе, со странными отпечатками...

– Я понял, о ком вы. Так нашли вы его или нет?

– Но он же в морге!

– Был, – ответил инспектор. – Еще десять минут назад. А потом его сперли. Прямо из морга.

Махони не сразу переварил услышанное, нервно облизывая губы.

– Инспектор, – сказал он наконец, – у меня для вас есть другой труп. Он не совсем такой, как тот. Я его только что обнаружил во дворе у Гэллегера. Обстоятельства те же.

– Что?!

– Да. В груди прожжена дырка. И он похож на Гэллегера.

– Похож на... А что с отпечатками? Я велел вам их снять.

– Я снял. Все подтвердилось.

– Это невозможно!

– Скоро сами увидите покойника, – процедил Махони. –

Вы пришлете людей?

– Уже отправляю. Что за безумие, господа!..

Инспектор отключился. Гэллегер раздал выпивку и, рухнув на диван, завозился с алкогольным органом. У него го-

лова шла кругом.

– Между прочим, – заговорил Дедуля, – тебя теперь нельзя судить за убийство того, первого. Раз труп похищен, нет события преступления.

– А ведь верно! – Гэллегер резко сел. – Махони, это так?

Следователь потупился:

– Формально – да. Но не забывайте о том, что я нашел у вас во дворе. Если будет доказано убийство, вы отправитесь в газовую камеру.

– Угу. – Гэллегер снова лег. – Понятно. Но я его не убивал.

– Такова ваша версия.

– И я буду за нее держаться мертвой хваткой. Ладно, дайте знать, когда уляжется суматоха. Мне надо подумать.

Гэллегер сунул в рот шланг, настроил бар на медленную подачу коньяка и расслабился, закрыв глаза. Но ответ упорно не шел на ум.

Краем сознания он отмечал, что помещение заполняется людьми, что вновь идет полицейская рутина. Рассеянно отвечал на вопросы. В конце концов блюстители закона удалились, забрав второй труп. Насыщенный алкоголем мозг изобретателя заработал резвее. Подсознание вышло на передний план.

– Я понял, – сказал Гэллегер Дедуле. – Надеюсь, что понял. Ну-ка, давай посмотрим. – Он подошел к машине времени и завозился с рычагами. – Гм... Не могу ее выключить.

Похоже, она настроена на работу в определенном цикле. Кажется, я припоминаю, что было ночью.

– Ты о предсказании будущего?

– Пожалуй... Мы вроде спорили о том, способен ли человек предсказать собственную смерть?

– Было дело.

– Так вот же она, разгадка. Я так настроил машину, чтобы она увидела мою смерть. Она движется по темпоральной линии, достигает момента моей кончины и выдерживает тело – мое будущее тело – в наш временной сектор.

– Ты спятил, – предположил Дедуля.

– Нет, я все понял правильно, – возразил Гэллегер. – Тот первый труп – это был я, лет семидесяти или восьмидесяти. В этом возрасте я умру. Похоже, буду убит тепловым лучом лет через сорок. – И задумчиво добавил: – А лучемер я отдал Кэнтреллу...

Дедуля скривился:

– А как насчет второго трупа? Спорим, тебе его появление не объяснить?

– Объясню запросто. Параллельность временных потоков. Вариативность будущего. Вероятностные линии. Слышал о такой теории?

– Не-а.

– Ну так слушай. Есть идея, что существует бесконечное множество вариантов будущего. Меняя настоящее, ты автоматически переключаешься на другое будущее. Как будто

переводишь стрелку на железнодорожных путях. Не женился бы ты на бабуле, меня бы здесь не было. Понятно?

– Не-а, – ответил Дедуля, наливая себе виски.

Гэллегер продолжал, ничуть не смутившись:

– Согласно варианту А, лет этак в восемьдесят я погибну от теплового луча. Но это не догма. Я перенес мое мертвое тело назад по железнодорожному пути, и оно появилось в настоящем. И разумеется, от этого настоящее изменилось. В варианте А изначально не было места для мертвого восьмидесятилетнего Гэллегера. Но труп появился и изменил будущее. Мы автоматически перескочили на другие рельсы.

– Ну бред же собачий, – пробормотал Дедуля.

– Помолчи, пожалуйста. Я ищу ответ. Сейчас работает второй путь, вариант Б. И на этом пути мне предстоит стать жертвой теплового луча примерно в сорок пять лет. А поскольку машина времени настроена на то, чтобы отправить сюда тело в момент смерти, она так и сделала – материализовала мой сорокапятилетний труп. Тем самым вынудив исчезнуть труп восьмидесятилетний.

– Да неужели?!

– Именно так. В варианте Б этот труп не существует. И когда вариант Б включился, варианта А попросту не стало. Как и первого трупа.

У Дедули вдруг просветлел взор.

– Я понял! – заявил старик и одобрительно причмокнул. – Умно! Ты решил симулировать помешательство, да?

– Тьфу ты! – рыкнул Гэллегер и направился к машине времени.

Опять он безуспешно пытался выключить ее. Но она, похоже, целиком отдалась делу материализации будущих трупов Гэллегера.

Что же будет дальше? В действие вступил вариант *B*. Но трупу из варианта *B* не положено существовать в имеющемся настоящем. Труп – это переменная *x*.

B плюс *x* равняется *B*. Новый вариант, новый покойник. Гэллегер нервно глянул во двор. Пока там пусто. Благодарение Господу за эту малую милость.

«В любом случае, – подумал изобретатель, – меня не смогут осудить за убийство самого себя».

Или смогут? Есть ли какая-нибудь статья, предусматривающая наказание за суицид?

Абсурд. Гэллегер не совершал самоубийства, он все еще жив, а раз он жив, то не может быть мертвым.

Совершенно запутавшись, Гэллегер завалился на диван и проглотил порцию крепкого. Ему хотелось умереть. Воображение рисовало судебную тяжбу, изобилующую невероятными противоречиями и парадоксами – без преувеличения процесс века. Чтобы выкрутиться, необходимо заручиться помощью лучшего адвоката в мире.

Тут возникла новая мысль. Допустим, его осудят за убийство и приведут в газовую камеру. Если он умрет в настоящем, его будущий труп, естественно, вмиг исчезнет. Про-

падет главное вещественное доказательство. Обвинение рассыплется, и Гэллегера придется оправдать – посмертно!

Он саркастически рассмеялся, хотя на самом деле перспектива его не обрадовала.

Зато напомнила, что необходимо действовать. Гэллегер окликнул либбл. Они успели добраться до банки с печеньем, но явились на зов, виновато стряхивая с усов крошки мохнатыми лапками.

– Молока хотим, – заявил толстенный. – Этот мир – наш.

– Да, – присоединился к нему другой. – Мы разрушим все города и пленим красоток...

– Не сейчас, – устало попросил Гэллегер. – Мир может подождать. А вот я – нет, мне нужно срочно что-нибудь изобрести, чтобы выручить денег и нанять адвоката. Ну не могу я провести остаток жизни, доказывая, что не убивал мои будущие трупы.

– Тебя послушать, так ты точно свихнулся, – вклинился в беседу Дедуля.

– Отстань! Уйди! Да подальше! Я занят.

Дедуля пожал плечами, надел плащ и вышел. Гэллегер подверг либбл допросу с пристрастием.

И убедился в их полной бесполезности. Это не означает, что они уперлись – напротив, были бы рады помочь. Но крайне слабо представляли себе, чего Гэллегер от них хочет. Их крошечные мозги были заполнены сладостными мечтами; ни для чего другого места не оставалось. Либблам было

крайне трудно осознать, что существуют другие проблемы.

Все же Гэллегер не оставлял попыток. И наконец был вознагражден, когда либблы снова заговорили о психическом контакте. Он узнал, что устройства для ментальных контактов в мире будущего используются очень широко. Их изобрел человек по имени Гэллегер, заявил глупый толстячок, не заметивший прямой связи.

Гэллегер трудно сглотнул. Это что же получается, теперь он должен изобрести телепатическую машину? С другой стороны, что будет, если он этого не сделает? Вновь изменится будущее? А еще интересно, почему либблы не исчезли вместе с первым трупом, когда вариант А сменился вариантом Б?

Что ж, это вопрос не из тех, на которые нет ответа. Вне зависимости от того, проживет Гэллегер свою жизнь или нет, с либблами в марсианской долине ничего не случится. Музыкант может дать фальшивую ноту, запороть пару аккордов, но при первой же возможности он встроится в правильный лад. Время, по-видимому, тоже стремится к норме. Отлично!

– Ну-ка, поподробней об устройстве ментальной связи, – потребовал он.

Либблы рассказали. Из их болтовни Гэллегер выловил нужные фрагменты, сложил их воедино и пришел к выводу, что ему предстоит соорудить нечто весьма и весьма диковинное, но практичное. Гэллегер тихо сказал пару ласко-

вых насчет своих необузданных талантов. Без них тут точно не обошлось.

Ментальная связь позволяет непроходимому тупице за считанные минуты выучить математику. Правда, это требует соответствующего навыка – необходимо развить умственную сноровку. Каменщик постигнет искусство игры на пианино, но пройдет немало времени, прежде чем его заскорузлые пальцы обретут нужную гибкость и чуткость.

Однако самое главное достоинство телепатической машины состоит в том, что она способна перемещать таланты из одного мозга в другой. Суть здесь в индукции, хотя комбинации электрических импульсов излучаются мозгом. Интенсивность этого излучения бывает разной. Когда человек спит, линия на графике выравнивается. Когда он пляшет, подсознание машинально управляет ногами, если он достаточно опытный танцор; соответственно изламывается линия. Будучи зарегистрированы и изучены, навыки опытного танцора могут перезаписываться, как при посредстве пантографа, на другой мозг.

Ну и дела!

Либблы много чего еще рассказали: о центрах памяти, о прочем в том же роде. Но Гэллегер слушал вполуха: он уже уловил суть и придумал некий план, и ему не терпелось приступить к работе.

– Со временем приучаешься расшифровывать график с первого взгляда, – сообщил либбла. – В нашем времени это

устройство применяется очень широко. Те, кому лень учиться, закачивают себе содержимое мозгов маститых специалистов. Жил в нашей долине землянин, мечтавший о славе певца, но напрочь лишенный музыкального слуха. Ни одна нота ему не давалась. Но благодаря устройству ментальной связи уже через полгода он мог спеть все, что угодно.

– Полгода? Почему так долго?

– Голос пришлось тренировать, а это совсем не простое дело. Зато потом такие рулады выводил...

– Сделай нам такую машину, – попросил толстенький либбла. – Может, она пригодится в покорении Земли.

– Именно этим я и собираюсь заняться, – ответил Гэллегер. – Но прежде нужно кое-чем обзавестись.

Изобретатель связался с Руфусом Хельвигом – мол, есть возможность заглянуть в будущее, как тебе эта идея? Толстосум воспринял предложение холодно.

– Когда покажешь, – буркнул он, – тогда и выдам чек.

– Но мне сейчас деньги нужны, – настаивал Гэллегер. – Как я тебе покажу будущее, если меня задушат газом за убийство?

– За убийство? – заинтересовался Хельвиг. – А кого ты убил?

– Никого я не убивал. Меня принимают не за того...

– Это ты меня принимаешь не за того. На сей раз я не дам себя одурачить. Сперва результаты, Гэллегер. Больше никаких авансов.

– Руфус, послушай меня. Ты бы хотел петь, как Карузо? Танцевать, как Нижинский? Плавать, как Вайсмюллер? Ораторствовать, как госсекретарь Паркинсон? Фокусничать, как Гудини?

– Опять надрался! – сделал вывод Хельвиг и отключился.

Гэллегер хмуро смотрел на экран. Похоже, ничего не остается, как браться за работу.

И он взялся. Его ловкие, опытные пальцы порхали, не отставая от проворного разума. Помогал и алкоголь, раскрепощая демона подсознания. Когда возникали сомнения, изобретатель обращался к либблам. Тем не менее дело двигалось не быстро.

Не хватало оборудования и материалов. Он обратился к поставщикам и уговорил их продать все необходимое в кредит. Потом его заставил отвлечься вежливый коротышка в котелке, принесший повестку в суд, да еще вернулся Дедуля, чтобы занять пять кредитов. В город прибыл шапито, и Дедуля, большой любитель бродячих цирков, не мог пропустить это событие.

– Может, сходишь со мной? – спросил он. – Надеюсь сыграть в кости. Почему-то с цирковыми мне в этом деле особенно везет. Как-то раз пять сотен выиграл у бородатой женщины. Нет? Тогда счастливо оставаться.

Закрыв за Дедулей дверь, Гэллегер вернулся к конструированию. Либблы самозабвенно воровали печенье и незлобиво спорили о том, как поделят мир после его покорения.

Телепатическая машина росла медленно, но верно.

Что же до машины времени, то спорадические попытки ее выключить доказали: это дохлый номер. Похоже, она зациклилась на одном-единственном алгоритме, имеющем целью вытаскивать из будущего разновозрастные трупы Гэллегера. И пока эта задача не будет полностью выполнена, машина упрямо проигнорирует любые команды иного рода.

– Шаровидный старик с Дарданелл пил тогда, когда пить не хотел, – рассеянно бормотал Гэллегер. – Ну-ка, посмотрим... Здесь нужен узкий луч... Вот так... Теперь настрою датчик, чувствительный к электромагнитному потоку... На слова «Стыд и срам!» возражал: «Знаю сам»⁴... Готово!

Гэллегер не заметил, как пролетели часы и настала ночь. Либблы с раздувшимся от печенья животиком не капризничали, разве что изредка требовали молока. Чтобы держать подсознание в тонусе, Гэллегер регулярно обращался к алкогольному органу.

В чувства его привел голод. Изобретатель вздохнул, оглядел готовое устройство ментальной связи, покачал головой и отворил дверь. Перед ним лежал пустой задний двор.

Или... не пустой?

Нет, пустой. Никаких трупов. Все еще действовал вариант Б.

Гэллегер перешагнул через порог, подставил разгоряченные щеки под прохладный ночной ветерок. Крепостными

⁴ Лимерик Эдварда Лира цитируется в переводе М. Фрейдкина.

куртинами его окружали сверкающие рекламой небоскребы Манхэттена. В вышине адскими светлячками мерцали огни воздушного транспорта.

И вдруг поблизости раздался глухой шлепок.

Гэллегер резко обернулся на звук. Это человеческое тело вывалилось из пустоты и рухнуло посреди розового садочка.

Холодея от страха, Гэллегер подошел осмотреть покойника. Тому на вид было лет пятьдесят-шестьдесят. Шелковистые черные усы, очки. Это Гэллегер, никаких сомнений. Постаревший Гэллегер из временного варианта *В*. Да, это уже *В*, не *Б*. И в груди дырка, прожженная тепловым лучеметом.

В этот момент до Гэллегера дошло: труп из варианта *Б* сейчас исчез из полицейского морга, как и его предшественник.

Ой-ой-ой! Выходит, в варианте *В* Гэллегеру суждено дожить до пятидесятилетия, но и там его прикончит тепловой луч.

Приуныв, он подумал о Кэнтрелле, забравшем лучемет, и содрогнулся. Ситуация запутывается все сильнее.

Скоро явится полиция, а пока можно заморить червячка. Гэллегер вернулся в лабораторию, по пути собрал либбл и загнал их на кухню, где наскоро состряпал ужин, – по счастью, в холодильнике нашлись стейки. Либблы умяли свои порции с волчьим аппетитом, за едой воодушевленно обсуждая фантастические планы. Гэллегеру они решили доверить пост великого визиря.

– А он коварный? – спросил толстенький.

– Не знаю. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что в книгах великие визири всегда коварны.

Гррх... – Толстенький подавился мясом. – Ик... кхе... Этот мир – наш!

Какие наивные малыши, подумалось Гэллегеру. Неисправимые романтики. Можно только позавидовать их оптимизму...

Обуреваемый тревогами, он сложил тарелки в объедко-сжигатель («Обожжет посуду дочиста!» – гласила реклама) и освежился пивком. Устройство ментальной связи будет работать, нет никаких причин в этом сомневаться. Гениальное подсознание потрудились на совесть...

Да, машина получилась. Иначе либблы не сказали бы, что ее давным-давно изобрел Гэллегер. Жаль, что нельзя использовать Хельвига в качестве лабораторной зверушки.

Услышав стук в дверь, Гэллегер торжествующе шелкнул пальцами. Вот и подопытный кролик.

На пороге возник сияющий Дедуля.

– Ох и здорово было! Цирк – это всегда здорово. Вот тебе, внучек, пара сотен. Я играл в стад с татуированным дядькой и парнем, который прыгает с вышки в бак. Отличные ребята! Завтра снова с ними увижусь.

– Спасибо, – сказал Гэллегер.

Две сотни – это сущие гроши по сравнению с той суммой, что ему требовалась, но он не хотел злить старика. Пускай

сначала тот примет участие в эксперименте.

– Даешь эксперимент! – сказал Дедуля, углядевший алкогольный орган.

– Я исследовал мои мыслительные шаблоны и обнаружил те, что отвечают за математические способности. Это что-то вроде атомной структуры чистого знания... Объяснить не возьмусь, но могу перемещать содержимое моего мозга в твой, причем избирательно. Могу передать тебе мой математический талант.

– Благодарствую, – сказал на это Дедуля. – Уверен, что тебе самому он не понадобится?

– Он останется у меня. Это просто матрица.

– Что еще за матрица?

– Матричный шаблон. Я запишу его копию в твоём мозгу.

Понятно?

– Конечно. – Дедуля позволил усадить себя на стул и надеть на голову опутанный проводами шлем.

Гэллегер увенчал себя другим шлемом и завозился с устройством ментальной связи. Оно издавало звуки и мигало лампочками. Вдруг тихий гул перерос в истошный визг – и оборвался.

Гэллегер снял оба шлема.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Как огурчик.

– Уверен?

– Хочу выпить.

– Я не передавал тебе мой питейный талант, потому что у тебя и собственный на высоте. Разве что удвоил твой... – Гэллегер вдруг побледнел. – Если заодно и мою жажду записал, ты можешь не выдержать. Умрешь...

Пробормотав что-то насчет чертовых недоумков, Дедуля промочил пересохшее горло. Гэллегер последовал примеру и озадаченно уставился на старика:

– Ошибки быть не могло. Мои графики... – И резко спросил: – Число пи – это сколько?

– Столько, да полстолька, да еще четверть столько.

Гэллегер выругался. Устройство должно было сработать. Оно не могло не сработать! По многим причинам, из которых главная – это логика. А может...

– Давай еще попробуем. Принимать теперь буду я.

– Ладно, – согласился Дедуля.

– Гм... Но ведь у тебя нет никаких талантов. Ничего из ряда вон. Как я пойму, сработало или нет? Был бы ты эстрадным пианистом или певцом...

– Еще чего!

– Погоди-ка... Идея! У меня есть знакомый на телевидении – может, пособит.

Гэллегер воспользовался видеофоном. На уговоры ушло немало времени, но ему было обещано: скоро в лабораторию явится сеньор Рамон Фирес, аргентинский тенор.

– Сам Фирес! – возликовал Гэллегер. – Один из величайших голосов нашего полушария! Это будет лучшим доказа-

тельством! Если вдруг я запою как соловей, то для Хельвига прибор уж точно подойдет.

Фирес, судя по его виду, проводил досуг в ночном клубе, но по просьбе телестудии все бросил и сел на авиатакси. Полет занял десять минут, и вот дородный, элегантный мужчина с широким подвижным ртом ухмыляется Гэллегеру.

– Вы сказали, есть проблема и я с моим шикарным голосом могу помочь, так что вот он я – к вашим услугам. Запись, да?

– Нечто вроде.

– Заключение с кем-то пари, угадал?

– Можно и так сказать, – кивнул Гэллегер, усаживая Фиреса в кресло. – Мне нужно записать психические шаблоны вашего пения.

– Вот как? Это что-то новенькое. Прошу объяснить.

Изобретатель послушно прибег к совершенно бессмысленному научному жаргону с целью успокоить сеньора Фиреса на срок, необходимый для получения графических схем.

Работа не заняла много времени и дала желаемый результат. Диаграммные ленты самописцев явственно продемонстрировали великий певческий талант аргентинца.

Под скептическим взглядом Дедули Гэллегер произвел настройку, надел шлемы и включил устройство. Снова запылали лампочки и загудели провода. И вдруг умолкли.

– Ну что, получилось? Можно посмотреть?

– На составление отчета требуется время, – беззастенчиво солгал Гэллегер, не желая разразиться трелями в присутствии Фиреса. – Сразу по готовности я отправлю его в ваши апартаменты.

– Ага... *Muy bien*⁵, – блеснул белоснежными зубами певец. – Всегда буду рад помочь, амиго.

После отъезда Фиреса Гэллегер сел и стал ждать, глядя на стену. Ничего не происходило. Слегка болела голова, но и только.

– Дело в шляпе? – спросил Дедуля.

– Угу. До-ре-ми-фа-соль...

– Чего-чего?

– Молчи. Смейся, паяц, и всех ты потешай...⁶

– Никак умом тронулся?

– Я люблю парад!⁷ – неистово провыл Гэллегер, чудовищно фальшивя. – Однажды, сидя за органом...⁸

– Она пойдет вокруг горы, когда она придет⁹, – радостно затынул Дедуля. – Она пойдет вокруг горы...

⁵ Очень хорошо (*исп.*).

⁶ Строка из арии Канио в опере Р. Леонкавалло «Паяцы».

⁷ Строка из знаменитой одноименной песни, исполнявшейся оркестром Виктора Ардена и Фила Омана.

⁸ Первая строка песни «Утраченный аккорд» композитора Артура Салливана на стихи Аделейд Энн Проктер.

⁹ «Она пойдет вокруг горы» – американская народная песня в жанре спиричуэлз.

– В изнеможение, сам не свой...

– Она пойдет вокруг горы...

– В порыве вдохновенья странном...

– Когда она придет! – проблеял Дедуля, всегдашний душа компании. – Эх, умел я красиво петь в молодые годы. Теперь давай-ка вместе. Знаешь «Фрэнки и Джонни»?¹⁰

Гэллегер справился с желанием залиться слезами. Метнув в Дедулю ледяной взгляд, он прошел в кухню и откупорил бутылку пива. Прохладный, с мятным привкусом напиток освежил ему мозги, но не справился с задачей поднять моральный дух. Петь Гэллегер не научился. Уж всяко до Фиреса ему как до Луны. И хоть полгода тренируй голосовые связки, толку не будет. Устройство попросту не сработало. Ментальная связь, говорите? Чепуха на постном масле.

И тут раздался визгливый голос Дедули:

– Эй! А знаешь, что я вижу во дворе?

– Мне не нужно трех попыток, чтобы угадать, – мрачно проговорил Гэллегер и присосался к пивной бутылке.

Спустя три часа, в десять утра, прибыла полиция. Причина задержки объяснялась просто: из морга исчез труп, но хватились его не сразу. Разумеется, тщательнейшие поиски не дали никакого результата. Появился Махони с подручными, и Гэллегер небрежным мановением руки указал на заднюю дверь:

¹⁰ «Фрэнки и Джонни» — американская народная песня.

– Там его найдете.

– Опять эти фокусы? – недобро глядя на него, процедил Махони.

– Я ни при чем.

Команда полицейских убралась из лаборатории. Остался лишь subtilный блондин, задумчиво разглядывающий Гэллегера.

– Как вы это делаете? – спросил Кэнтрелл.

– А? Вы о чем?

– У вас тут что, везде припрятаны другие... устройства?

– Тепловые лучеметы? Нет.

– Как же тогда вам удастся убивать людей одним и тем же способом? – жалобно спросил Кэнтрелл.

– Я никого не убивал.

– Он пытался мне объяснить, – заговорил Дедуля, – да только я ни бельмеса не понял. В смысле, не понял тогда. А потом, конечно, до меня дошло. Все очень просто: разные темпоральные линии. Тут влияет принцип неопределенности Планка, ну и, само собой, Гейзенберг. Законы термодинамики ясно показывают, что вселенная norовит вернуться в норму, то бишь в знакомую нам степень энтропии, а отклонения от этой нормы непременно должны компенсироваться соответствующими искажениями пространственно-временной структуры универсального космического уравнения.

Повисло молчание.

Гэллегер подошел к умывальнику и медленно опростал

себе на голову стакан воды.

– Ты в самом деле это понял? – спросил он.

– Конечно, – ответил Дедуля. – А что такого? Телепатическая машина передала мне твой математический талант, включая словарный запас, надо полагать.

– И ты хотел утаить это от меня?

– Да нет же, черт возьми! Просто мозгу требуется время, чтобы приспособиться к новым возможностям. В нем есть нечто вроде предохранительного клапана. Массированное вторжение совершенно новых мыслительных паттернов способно полностью разрушить разум. Чтобы в нем все устаканилось, нужно часа три. Вроде столько и прошло? Или больше?

– Угу, – подтвердил Гэллегер. – Угу... – Он заметил, что Кэнтрелл следит за разговором, и изобразил улыбку. – Мы с Дедулей любим подшучивать друг над дружкой. Не обращайтесь внимания.

– Гм... – протянул Кэнтрелл, подозрительно супясь. – Шуточки, значит?

– Ну да, они самые.

В лабораторию внесли тело. Кэнтрелл подмигнул, многозначительно похлопал по карману, после чего отвел Гэллегера в угол.

– Если я кому-нибудь покажу этот ваш тепловой лучемер, вам крышка. Помните об этом.

– Не забуду. Кстати, какого черта вам от меня нужно?

– Ну... даже не знаю. Такое оружие полезно держать при себе. В любой момент может пригодиться – злодеев кругом нынче прорва. Мне спокойней оттого, что эта вещь лежит в кармане.

Он отвернулся; в дом вошел Махони, нервно кусая губы.

– Этот тип на заднем дворе...

– Ну?

– Он похож на вас... только постарше.

– Махони, что с отпечатками пальцев? – спросил Кэнтрелл.

Следователь прорычал невнятное ругательство.

– Вам уже известен ответ. То же, что и прежде – и чего не может быть. Сетчатки тоже совпадают. А теперь, Гэллегер, я буду задавать вам вопросы, и я хочу получить честные ответы. Не забывайте о том, что вы подозреваетесь в убийстве.

– И кого же я убил? – спросил Гэллегер. – Двоих бедняг, которые исчезли из морга? Нет у вас прямых вещественных доказательств. А по новому закону недостаточно фотоснимков и даже показаний очевидцев, чтобы осудить за убийство.

– Вам известно, почему был принят этот закон, – проворчал Махони. – Пять лет назад СМИ продемонстрировали трехмерные изображения трупов, а люди сочли эти трупы настоящими; разразился жуткий скандал. Но эти жмурики, что появлялись у вас во дворе, не трехмерные картинки. Они были настоящими.

– Были?

– Два – были. Один – есть.

– Я не... – начал Гэллегер и осекся.

У него заработало горло.

– Пей за меня лишь глазами одними, и я поклянусь своими¹¹, – грянул тенор, хоть и нетренированный, но уверенный и звучный. – Иль урони поцелуй на дно...

– Эй! – вскинулся Махони. – Прекратите! Слышите меня?

– ...чаши, куда не налью вино. Жажда, что мучает душу мою...

– Хватит! – заорал следователь. – Мы не пение ваше слушать пришли.

Тем не менее он слушал. Как и остальные. Пойманный в хватку буйного таланта сеньора Фиреса, Гэллегер не умолкал, его непривычное горло постепенно расслабилось и изливало трели, которым позавидовал бы соловей.

Гэллегер пел!

Полицейские не смогли его остановить. И сбежали, выкрикивая угрозы. Обещали вернуться со смирительной рубашкой.

На Дедулю тоже нашло странное наваждение. Из него сыпались слова, загадочные смыслы, математически переведенные в научные термины, имена в диапазоне от Евклида до Эйнштейна. Никаких сомнений: Дедуле достался буйный математический талант Гэллегера.

Но вот это закончилось, как неизбежно заканчивается все

¹¹ Песня Джонни Кэша «Пей за меня лишь глазами одними».

хорошее или плохое. Гэллегер зашелся сухим кашлем, кое-как отдышался, рухнул на диван и уставился на Дедулю, а тот, с округлившимися глазами, обмяк в кресле. Либблы покинули свое укрытие и стали рядком; каждый сжимал мохнатыми лапками печеньку.

– Этот мир – мой, – сказал толстячок.

События шли парадным шагом. Наведался Махони – сообщить, что добился специального определения суда и что Гэллегер окажется за решеткой, как только процедура заработает. То есть уже завтра.

Гэллегер отправился к юрисконсульту, лучшему на Восточном побережье. Да, Перссон может добиться отмены определения, и процесс он наверняка выиграет, и... В общем, Гэллегеру не о чем будет беспокоиться, если он наймет этого адвоката. Часть гонорара – авансом.

– Сколько?.. Ничего себе!

– Позвоните, – сказал Перссон, – когда решите, что я вам нужен. Сможете вечером прислать чек?

– Ладно, – буркнул Гэллегер и поспешил связаться с Руфусом Хельвигом.

По счастью, богач оказался на месте.

Гэллегер объяснил. Хельвигом не поверил. Но все же согласился рано утром приехать в лабораторию для эксперимента. Раньше невозможно. И никаких авансов, пока он не убедится на сто процентов.

– Сделаешь меня великолепным эстрадным пианистом, – поставил он условие, – тогда поверю.

Гэллегер опять связался с телестудией и добился разговора с Джои Макензи, красивой блондинкой, которая недавно покорила Нью-Йорк и сразу подписала контракт с телекомпанией. Она пообещала приехать утром. Пришлось уламывать девушку, и Гэллегер не поскупился на намеки, чтобы разжечь ее любопытство. Похоже, пианистка путала науку с черной магией.

А на заднем дворе появился очередной труп, что означало: включилась вероятностная линия Г. Не могло быть сомнений, что одновременно третий мертвец исчез из морга.

Новообретенные таланты угомонились. Гэллегер пришел к выводу, что неодолимый приступ буйства возникает только в самом начале, спустя три-четыре часа после перезаписи, а после способность можно включать и выключать по желанию. Его больше не бросало в певческий раж, но разок-другой он спел, и очень неплохо. Подобным образом и Дедуля демонстрировал тонкое математическое чутье, когда возникла охота.

В пять утра прибыл Махони с двумя полицейскими, арестовал Гэллегера и доставил его в тюрьму.

Три дня изобретатель не имел связи с внешним миром.

На третий вечер пришел адвокат Перссон, вооруженный судебным приказом о доставлении арестованного в суд для

выяснения правомерности его содержания под стражей, а еще ворохом грязных ругательств. Он вытащил Гэллегера – возможно, благодаря своей репутации. Позже в авиатакси Перссон заламывал руки и жалобно завывал:

– Что за адское дело?! Политическое давление, запутанные законы! Безумие! У вас на заднем дворе появляются трупы – их уже семь – и пропадают из морга. Как это все понимать, Гэллегер?

– Даже не знаю... А вы все еще мой адвокат?

– Ну конечно!

Такси осторожно обогнуло небоскреб.

– Что касается денег: ваш дед выдал мне чек. Сказал, что провернул задуманное вами дельце с Руфусом Хельвигом и получил гонорар. Впрочем, я не чувствую, что честно заработал эти деньги. Вы же три дня провели за решеткой! Надо было мне нажать на все возможные рычаги.

Вот, значит, что произошло. Поскольку Дедуля обзавелся математическим даром Гэллегера, ему не составило труда разобраться, что собой представляет устройство ментальной связи и как оно работает. Он взялся записать в мозг Хельвига музыкальные способности Джои Макензи, и все получилось. Проблема денег решена. Но как быть с другими?

Гэллегер рассказал, что счел возможным. Перссон покачал головой:

– Машина времени, говорите? Ну значит, надо ее как-нибудь вырубить. Чтобы прекратилась доставка мертвецов.

– Я ее даже расколошматить не могу, – посетовал Гэллегер. – Пытался, но она в состоянии стазиса, то есть полностью вне нашего пространственно-временного сектора. И сколько это продлится, не знаю. У нее задача переносить из будущего мой собственный труп, и сама она не прекратит.

– Понятно. Ладно, сделаю все, что в моих силах. В общем, мистер Гэллегер, вы теперь свободны, но я не могу ничего гарантировать, пока вы не остановите этот мертвецкий конвейер. Увидимся завтра. У меня в конторе, в полдень? Договорились.

Гэллегер пожал адвокату руку и объяснил водителю такси, как добраться до лаборатории.

Там его ждал неприятный сюрприз. Дверь открыл Кэнтрелл.

Узкое бледное лицо дрогнуло в улыбке.

– Добро пожаловать, Гэллегер, – любезно произнес Кэнтрелл, отступая.

– Уж я пожалую. Какого черта вы тут делаете?

– Я с визитом. К вашему деду.

Гэллегер окинул помещение взглядом:

– Где он?

– Не знаю, куда-то убрел. Сами поищите.

Смутно чуя беду, изобретатель приступил к поискам. Дедуля обнаружился в кухне, он поедал соленые крендельки и кормил ими либбл. Старик не посмел взглянуть внуку в глаза.

– Ладно, – сказал Гэллегер, – рассказывай.

– Я не виноват. Кэнтрелл пригрозил отдать тепловой луче- мет полицейским, если не сделаю, что ему нужно. Я пони- мал, что тебе будет крышка...

– Что произошло?!

– Успокойся! У меня все получилось. Никакого вреда ни- кому...

– Что? О чем ты?!

– О телепатической машине. Кэнтрелл заставил меня за- писать кое-что ему в мозг. Подглядел в окошко, как я вожусь с Хельвигом, и все понял. Пригрозил обеспечить тебе смерт- ный приговор, если не получит несколько талантов.

– Чьих?

– Э-э... Гулливера, Морлисона, Коттмана, Дениса, свято- го Мэлори...

– Достаточно, – севшим голосом проговорил Гэллегер. – Величайшие инженеры нашего столетия. И теперь их знания у Кэнтрелла в мозгу. Как ему удалось заманить сюда этих людей?

– С помощью вранья. Он не говорил, чего на самом деле хочет. Сочинил невероятную историю... У него ведь теперь тоже твой математический талант. От меня.

– Какая прелесть, – процедил, мрачняя, Гэллегер. – Но на кой черт ему это понадобилось?

– Он хочет покорить мир, – печально ответил толстенный либбла. – Пожалуйста, не дайте ему этого сделать. Мы хотим

покорить мир сами.

– Не совсем так, – сказал Дедуля, – но все равно ничего хорошего. У Кэнтрелла теперь те же знания, что и у нас, и он сам может изготовить устройство ментальной связи. Уже через час полетит в Европу на стратолайнере.

– Это сулит неприятности, – сделал вывод Гэллегер.

– Да, я понимаю. Сдается мне, Кэнтрелл бессовестный тип. Это его стараниями тебя держали в кутузке.

Отворилась дверь, в кухню заглянул Кэнтрелл:

– А в саду опять труп. Только что появился. Ну да не будем из-за него беспокоиться. Я вскоре вас покину. Ван Декер не звонил?

– Ван Декер?! – Гэллегер судорожно сглотнул: у этого человека самый высокий коэффициент интеллекта в мире. – Ты не мог его...

– Не успел, – улыбнулся Кэнтрелл. – Все эти дни пытался связаться с ним, а он откликнулся только сегодня утром. Правда, обещал вечером приехать. – Кэнтрелл глянул на часы. – Надеюсь, не опоздает. Стратолайнер не станет ждать.

– Погоди-ка. – Гэллегер двинулся к Кэнтреллу. – Хотелось бы узнать, какие у тебя планы.

– Он задумал покорить мир, – пропищал либбла.

Кэнтрелл ухмыльнулся, глядя на малыша.

– Не такая уж и фантастическая идея, – сказал он. – По счастью, я совершенно аморален, а потому могу извлечь из этой возможности всю выгоду без остатка. Соберу лучшие

мировые таланты и добыюшь успеха практически во всем. – Он подмигнул.

– Комплекс диктатора, – проворчал Гэллегер.

– Еще нет, – возразил Кэнтрелл. – Но не исключено, что однажды обзаведусь и им. Дайте только срок. Уже сейчас я практически супермен.

– Ты не сможешь...

– Да неужели? – перебил Гэллегера Кэнтрелл. – Не забывай, у меня твой тепловой лучемер.

– Ага, – кивнул изобретатель. – И те трупы на дворе – мои собственные трупы – появились благодаря тепловому лучу. Пока что лучемер есть только у тебя. Ясное дело, ты однажды решишь меня убить.

– Однажды – это лучше, чем прямо сейчас, или будешь спорить? – мягко спросил Кэнтрелл.

Гэллегер не ответил.

– Я снял сливки с лучших умов Восточного побережья, – похвастался Кэнтрелл, – а теперь это же сделаю и в Европе. И передо мной не останется преград.

Один из либбл горько заплакал, сообразив, что рухнула его надежда покорить мир.

Кто-то позвонил в дверь. Кэнтрелл кивнул Дедуле, и тот вышел в прихожую, чтобы вернуться с приземистым, коренастым, клювоносным мужчиной с пышной рыжей бородой.

– Ну вот я и здесь! – взревел гость. – Надеюсь, не опоздал? Отлично.

– Доктор Ван Декер?

– А кто ж еще? – грянул бородач. – Ну-ка, поживей, поживей, поживей! Я человек занятой. Займемся экспериментом, о котором вы рассказали по видеофону, о проецировании разума в астрал. Говорите, вряд ли получится? Я бы добавил, что и звучит нелепо. Впрочем, отчего бы не попробовать?

Дедуля пихнул Гэллегера локтем и шепнул:

– Это ему Кэнтрелл так объяснил, насчет астрала.

– Да? Послушай, мы не можем позволить...

– Не волнуйся. – Дедуля многозначительно подмигнул. – У меня, внучек, теперь твои таланты. Я применил математику и придумал ответ. Просто смотри. Тсс!

Больше он ничего сказать не успел. Кэнтрелл всех загнал в лабораторию. Кривясь и кусая губу, Гэллегер размышлял над проблемой. Нельзя допустить, чтобы затея Кэнтрелла удалась. С другой стороны, Дедуля считает, что нет причины для тревог, – у него-де все под контролем.

Само собой, либблы предпочли исчезнуть – наверное, отправились на поиски печени. Кэнтрелл, поглядывая на часы, усадил Ван Декера в кресло. Он демонстративно держал руку в кармане, то и дело предостерегающе косясь на Гэллегера. Очертания теплового лучемета легко угадывались на флексоткани пальто.

– Сейчас я вам покажу, как просто это делается, – хихикнул Дедуля, подсеменив на тонких ножках к устройству мен-

тальной связи и пощелкав тумблерами.

– Поаккуратнее, старик! – предостерег Кэнтрелл недобрым голосом.

– Что-то не так? – вскинулся Ван Декер.

– Нет-нет, – ответил Дедуля. – Мистер Кэнтрелл боится, что я сделаю ошибку. Исключено! Этот шлем...

Он надел шлем на голову Ван Декера. Заскрипели перья самописцев, вычерчивая волнистые линии на картах. Дедуля проворно собрал карты, но вдруг споткнулся и завалился на пол; бумаги разлетелись во все стороны. Прежде чем Кэнтрелл успел отреагировать, старик вновь очутился на ногах. Бормоча ругательства, он собрал карты и положил их на стол.

Гэллегер приблизился, посмотрел через плечо Кэнтрелла. Ого! Оказывается, потрясающий коэффициент интеллекта Ван Декера – не миф! Его мощные таланты на графиках видны как на ладони.

Кэнтрелл, разбиравшийся в работе телепатической машины, поскольку перенял математические способности Гэллегера через Дедулю, удовлетворенно кивнул. Он надел шлем себе на голову и двинулся к устройству. Бросив взгляд на Ван Декера и убедившись, что тот сидит на месте, перекинул тумблеры. Заполыхали лампы, тихий гул перерос в визг. И оборвался. Кэнтрелл снял шлем. Когда он полез в карман, Дедуля небрежно поднял руку и показал маленький блестящий пистолет.

– Не вздумай, – сказал Дедуля.

У Кэнтрелла недобро сузились глаза.

– Брось пистолет.

– Не-а. Я смекнул, что ты хочешь нас прикончить и разбить машину, чтобы остаться уникальным. Не выйдет. У этой игрушки очень слабый спуск. Может, ты и успеешь выстрелить, но и сам сдохнешь.

Кэнтрелл обдумал услышанное и спросил:

– Ладно, что дальше?

– Проваливай. Мне не нужна дырка от теплового луча, а ты не хочешь получить пулю в брюхо. Живи и дай жить другим. Честная сделка.

Кэнтрелл тихо рассмеялся:

– И впрямь честная, старик. Ты ее заслужил. Но не забывай: я знаю, как построить такую машину. И я снял сливки. Ты тоже можешь это проделать, но получится не лучше, чем у меня.

– Значит, силы равны, – сказал Дедуля.

– Да, равны. Мы еще встретимся. А ты, Гэллегер, не забывай о том, отчего у тебя на дворе появляются покойники. – Натянуто улыбаясь, Кэнтрелл попятился к выходу.

Гэллегер вскочил.

– Надо сообщить в полицию! – рявкнул он. – Кэнтрелл теперь слишком опасен, нельзя его отпускать.

– Успокойся, – помахал пистолетом Дедуля. – Я же сказал, у меня все на мази. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя обвини-

ли в убийстве? Если Кэнтрелла арестуют – а предъявить ему совершенно нечего, – то полиция обнаружит лучемер. Лучше пусть будет по-моему.

– По-твоему – это как?

– Микки, давай, – ухмыльнулся Дедуля доктору Саймону Ван Декеру.

Сдернув рыжую бороду и парик, тот торжествующе захохотал.

– Двойник! – ахнул Гэллегер.

– Точно. Пару дней назад я позвонил Микки и объяснил, чего хочу. Он загримировался под Ван Декера, связался с Кэнтреллом и договорился встретиться сегодня.

– Но как же карты? Они показали ай-кью гения...

– Я их подменил, когда уронил на пол. Заранее изготовил фальшивые.

Гэллегер нахмурился:

– Все же это не меняет ситуацию. Кэнтрелл на свободе, и он чертовски много знает.

– Не гони коней, внучек, – сказал Дедуля. – Дай мне объяснить.

И он объяснил.

Часа через три в телевизионных новостях сообщили, что над Атлантикой из стратолайнера выпал некто Роланд Кэнтрелл.

Гэллегер уже знал точное время его смерти. Потому что в

тот момент с заднего двора исчез труп.

Причиной было разрушение лучемета.

Это означало, что Гэллегеру уже не придется погибнуть от теплового луча. Если только изобретатель не сделает это оружие заново, что, конечно же, не в его интересах.

Машина времени вышла из стазиса и заработала в нормальном режиме. Гэллегер догадался почему. Она была настроена на выполнение конкретной задачи – фиксировать смерть Гэллегера в определенном диапазоне вероятностей. В этом диапазоне она и застряла и не смогла остановиться, пока не исчерпала все вероятности. Трупы на дворе могли появляться только в тех вариантах будущего, где Гэллегера убивал тепловой луч.

А теперь будущее изменилось радикально. К чему машина оказалась совершенно не готова. Поэтому она сочла, что свою работу выполнила, и застыла в ожидании новых команд.

Все же Гэллегер решил хорошенько с ней разобраться, прежде чем пускаться в дело. Времени на это предостаточно. Полиция не располагает никакими уликами, так что Перссон с легкостью выиграет дело, как бы ни силился почти обезумевший бедолага Махони разгадать тайну появления и исчезновения мертвецов. Что же до либбл, то Гэллегер рассеянно угощал их печеньем и ломал голову, как бы избавиться от этих мелких глупышей, не ранив их чувства.

– Вы же не собираетесь прожить тут всю жизнь? – спросил

он.

– Пожалуй, не собираемся, – ответил один, стряхивая с усов крошки, и жалобно спросил: – Но как же быть с покорением Земли?

– Мм... – протянул Гэллегер и пошел кое-что купить.

Вернувшись, он тайком подключил к телевизору некий аппарат.

Вскоре регулярное вещание было прервано ради экстренного выпуска новостей. По случайному совпадению троица либбл смотрела в это время телевизор. Вот исчез фон, камера взяла крупным планом телеведущего, чье лицо почти полностью скрывалось за стопкой бумаг, которые он держал. От бровей и выше это лицо имело несомненное сходство с Гэллегером, но либблы были слишком заинтригованы, чтобы заметить.

– Срочная новость! – взволнованно заявил телеведущий. – Событие чрезвычайной важности! Некоторое время назад мир узнал о присутствии трех высокопоставленных гостей с Марса...

Либблы растерянно переглянулись. Один хотел было задать вопрос, но остальные зашикали на него. И снова прислушались.

– Как выяснилось, они имеют целью покорить Землю, и мы счастливы сообщить, что все население планеты перешло на их сторону. Победила бескровная революция. Тайным го-

лосованием либблы выбраны нашими единственными правителями...

– Ура-а-а! – раздался писк.

– ...И уже формируется новый кабинет. Будет создана специальная финансовая система, выпущены денежные знаки с портретами либбл. Мы ожидаем, что три правителя вскоре вернутся на Марс и сообщат своим друзьям о случившемся.

В комнату вошел лукаво улыбающийся Гэллегер. Либблы приветствовали его восторженным писком.

– Нам пора домой. Случилась бескровная...

– ...Революция! Этот мир – наш!

Столь мощный оптимизм уступал лишь их доверчивости. Гэллегер дал себя убедить, что либблы должны вернуться на родную планету.

– Ну как скажете, – вздохнул он. – Машина готова.

Каждому он пожал мохнатую лапку и вежливо поклонился. Возбужденно пища, либблы умчались на пятьсот лет в будущее. Им не терпелось встретиться с друзьями и поведать о своих приключениях.

Конечно, никто им не поверит.

Гибель Кэнтрелла не имела никаких последствий, хотя Гэллегер, Дедуля и Микки с тревогой ждали их несколько дней. Наконец Гэллегер с Дедулей устроили грандиозную пьянку, и на душе у них полегчало.

Микки в этом мероприятии не участвовал. С сожалени-

ем вернувшись в цирк, он дважды в день капитализировал там свой специфический талант, ныряя с тридцатифутовой вышки в бак с водой...

Робот-зазнайка

С Гэллегером, который занимался наукой не систематически, а по наитию, сплошь и рядом творились чудеса. Сам он называл себя нечаянным гением. Ему, например, ничего не стоило из обрывка провода, двух-трех батареек и крючка для юбки смастерить новую модель холодильника.

Сейчас Гэллегер мучился с похмелья. Он лежал на тахте в своей лаборатории – долговязый, взъерошенный, гибкий, с непокорной темной прядкой на лбу – и манипулировал алкогольным органом. Из крана к нему в рот медленно тек сухой martini.

Гэллегер хотел что-то припомнить, но не слишком старался. Что-то относительно робота, разумеется. Ну да ладно.

– Эй, Джо, – позвал Гэллегер.

Робот гордо стоял перед зеркалом и разглядывал свои внутренности. Его корпус был сделан из прозрачного материала, внутри быстро-быстро крутились какие-то колесики.

– Если уж ты ко мне так обращаешься, то разговаривай шепотом, – потребовал Джо. – И убери отсюда кошку.

– У тебя не такой уж тонкий слух.

– Именно такой. Я отлично слышу, как она разгуливает.

– Как же звучат ее шаги? – заинтересовался Гэллегер.

– Как барабанный бой, – важно ответил робот. – А твоя речь – как гром.

Голос его неблагозвучно скрипел, и Гэллегер собрался было напомнить роботу пословицу о тех, кто видит в чужом глазу соринку, а в своем... Не без усилия он перевел взгляд на светящийся экран входной двери – там маячила какая-то тень.

«Знакомая тень», – подумал Гэллегер.

– Это я, Брок, – произнес голос в динамике. – Харрисон Брок. Впустите меня!

– Дверь открыта. – Гэллегер не шевельнулся. Он внимательно оглядел вошедшего – хорошо одетого человека средних лет, – но так и не вспомнил его.

Броку шел пятый десяток; на холеном, чисто выбритом лице застыла недовольная мина. Может быть, Гэллегер и знал этого человека. Он не был уверен. Впрочем, не важно.

Брок окинул взглядом большую неприбранную лабораторию, вытаращил глаза на робота, искал себе стул, но так и не нашел. Он упер руки в боки и, покачиваясь на носках, смерил распростертого изобретателя сердитым взглядом.

– Ну? – сказал он.

– Никогда не начинайте так разговор, – пробормотал Гэллегер и принял очередную порцию мартини. – Мне и без вас тошно. Садитесь и будьте как дома. На генератор у вас за спиной. Кажется, он не очень пыльный.

– Получилось у вас или нет? – запальчиво спросил Брок. – Вот все, что меня интересует. Прошла неделя. У меня в кармане чек на десять тысяч. Нужен он вам?

– Конечно, – ответил Гэллегер и, не глядя, протянул руку. – Давайте.

– Caveant emptor¹². Что я покупаю?

– Разве вы не знаете? – искренне удивился изобретатель.

Брок недовольно заерзал на месте.

– О боже, – простонал он. – Мне сказали, будто вы один можете помочь. И предупредили, что с вами говорить – все равно что зуб рвать.

Гэллегер задумался.

– Погодите-ка. Припоминаю. Мы с вами беседовали на той неделе, не так ли?

– Беседовали... – Круглое лицо Брока порозовело. – Да! Вы валялись на этом самом месте, сосали спиртное и бормотали себе под нос стихи. Потом исполнили «Фрэнки и Джонни». И наконец сообразовали принять мой заказ.

– Дело в том, – пояснил Гэллегер, – что я был пьян. Я часто бываю пьян, особенно в свободное время. Тем самым я растормаживаю подсознание, и мне тогда лучше работается. Свои самые удачные изобретения, – продолжал он радостно, – я сделал именно под мухой. В такие минуты все проясняется. Все ясно, как тень. Как тень, так ведь говорят? А вообще... – Он потерял нить рассуждений и озадаченно посмотрел на гостя. – А вообще, о чем это мы толкуем?

– Да замолчишь ты наконец? – осведомился робот, не покидая своего поста перед зеркалом.

¹² Пусть покупатель будет осмотрителен (*лат.*).

Брок так и подпрыгнул. Гэллегер небрежно махнул рукой:

– Не обращайтесь внимания на Джо. Вчера я его закончил, а сегодня уже раскаиваюсь.

– Это робот?

– Робот. Но знаете, он никуда не годится. Я сделал его спьяну, понятия не имею отчего и зачем. Стоит тут перед зеркалом и любит сам собой. И поет. Завывает, как пес над покойником. Сейчас услышите.

С видимым усилием Брок вернулся к первоначальной теме:

– Послушайте, Гэллегер. У меня неприятности. Вы обещали помочь. Если не поможете, я конченный человек.

– Я сам кончаюсь вот уже много лет, – заметил ученый. – Меня это ничуть не беспокоит. Продолжаю зарабатывать себе на жизнь, а в свободное время придумываю разные штуки. Знаете, если бы я учился, из меня вышел бы второй Эйнштейн. Все говорят. Но получилось так, что подсознательно я где-то нахватался первоклассного образования. Потому-то, наверное, и не стал утруждать себя учебой. Стоит мне выпить или отвлечься, как я разрешаю самые немислимые проблемы.

– Вы и сейчас пьяны, – тоном прокурора заметил Брок.

– Приближаюсь к самой приятной стадии. Как бы вам понравилось, если бы вы, проснувшись, обнаружили, что по неизвестной причине создали робота и при этом понятия не имеете о его назначении?

– Ну, знаете ли...

– Нет уж, я с вами не согласен, – проворчал Гэллегер. – Вы, очевидно, чересчур серьезно воспринимаете жизнь. «Вино – глумливо, сикера – буйна»¹³. Простите меня. Я буйствую. – Он снова отхлебнул мартини.

Брок стал расхаживать взад и вперед по захламленной лаборатории, то и дело натываясь на таинственные запыленные предметы.

– Если вы ученый, то науке не поздоровится.

– Я Гарри Эдлер от науки, – возразил Гэллегер. – Был таковой музыкант несколько веков назад. Я вроде него. Тоже никогда в жизни ничему не учился. Что я могу поделывать, если мое подсознание любит меня разыгрывать?

– Вы знаете, кто я такой? – спросил Брок.

– Откровенно говоря, нет. А это обязательно?

В голосе посетителя зазвучали горестные нотки:

– Могли бы хоть из вежливости припомнить, ведь всего неделя прошла. Харрисон Брок. Это я. Владелец фирмы «Вокс-вью пикчерс».

– Нет, – внезапно изрек робот, – бесполезно. Ничего не поможет, Брок.

– Какого...

Гэллегер устало вздохнул:

– Все забываю, что проклятая тварь одушевлена. Мистер Брок, познакомьтесь с Джо. Джо, это мистер Брок... из фир-

¹³ Притч. 20: 1.

мы «Вокс-вью».

– Э-э-э... – невнятно проговорил телемагнат, – здравствуйте.

– Суета сует и всяческая суета, – вполголоса вставил Гэллегер. – Таков уж Джо. Павлин. С ним тоже бесполезно спорить.

Робот не обратил внимания на реплику своего создателя.

– Право же, все это ни к чему, мистер Брок, – продолжал он скрипучим голосом. – Деньги меня не трогают. Я понимаю, многих осчастливило бы мое появление в ваших фильмах, но слава для меня ничто. Нуль. Мне достаточно сознавать, что я прекрасен.

Брок прикусил губу.

– Ну вот что, – свирепо произнес он, – я пришел сюда все не для того, чтобы предлагать вам роль. Понятно? Я ведь не заикнулся о контракте. Редкостное нахальство... пфф! Вы просто сумасшедший.

– Я вижу вас насквозь, – холодно заметил робот. – Понимаю, вы подавлены моей красотой и обаянием моего голоса – такой потрясающий тембр! Вы притворяетесь, будто я вам не нужен, надеясь заполучить меня по дешевке. Не стоит, я ведь сказал, что не заинтересован.

– Сумасшедший! – прошипел выведенный из себя Брок, а Джо хладнокровно повернулся к зеркалу.

– Не разговаривайте так громко, – предупредил он. – Диссонанс просто оглушает. К тому же вы урод, и я не желаю вас

видеть. – Внутри прозрачной оболочки зажужжали колесики и шестеренки. Джо выдвинул до отказа глаза на кронштейнах и стал с явным одобрением разглядывать себя.

Гэллегер тихонько посмеивался, не вставая с тахты.

– У Джо повышенная раздражительность, – сказал он. – Кроме того, я, видно, наделил его необыкновенными чувствами. Час назад он вдруг стал хохотать до колик. Ни с того ни с сего. Я готовил себе закуску. Через десять минут я наступил на огрызок яблока, который сам же бросил на пол, упал и сильно расшибся. Джо посмотрел на меня. «То-то и оно, – сказал он. – Логика вероятности. Причина и следствие. Еще когда ты ходил открывать почтовый ящик, я знал, что ты уронишь этот огрызок и потом наступишь на него». Какая-то Кассандра. Скверно, когда память подводит.

Брок уселся на генератор (в лаборатории их было два – один, побольше, назывался «Чудовище», а другой служил скамейкой) и перевел дыхание.

– Роботы устарели.

– Ну не этот. Этого я не перевариваю. Он вызывает у меня комплекс неполноценности. Жаль, что я не помню, зачем его сделал. – Гэллегер вздохнул. – Ну черт с ним. Хотите выпить?

– Нет. Я пришел к вам по делу. Вы серьезно говорите, что всю прошедшую неделю мастерили робота, вместо того чтобы работать над проблемой, которую обязались решить?

– Оплата по выполнению? – уточнил Гэллегер. – Мне как

будто что-то такое помнится.

– По выполнении, – с удовольствием подтвердил Брок. – Десять тысяч, когда решите и если решите.

– Отчего бы не выдать мне денежки и не взять работа? Он того стоит. Покажите его в каком-нибудь фильме.

– У меня не будет никаких фильмов, если вы не додумаетесь до ответа, – обозлился Брок. – Я ведь вам все объяснял.

– Да я пьян был, – сказал Гэллегер. – В таких случаях мой мозг чист, как грифельная доска, вытертая мокрой тряпкой. Я как ребенок. И вот-вот стану пьяным ребенком. Но пока, если вы растолкуете мне все с начала...

Брок совладал с приливом злости, вытащил наудачу первый попавшийся журнал из книжного шкафа и достал из кармана авторучку.

– Ну ладно. Мои акции идут по двадцать восемь, то есть намного ниже номинала... – Он вывел на обложке журнала какие-то цифры.

– Если бы вы схватили вон тот средневековый фолиант, что стоит рядом, это вам влетело бы в изрядную сумму, – лениво заметил Гэллегер. – Вы, я вижу, из тех, кто пишет на чем попало? Да бросьте болтать про акции и всякую чепуху. Переходите к делу. Кому вы морочите голову?

– Все напрасно, – вмешался робот, который торчал у зеркала. – Я не стану подписывать контракта. Пусть приходят и любуются мною, если им так хочется, но в моем присутствии пусть разговаривают шепотом.

– Сумасшедший дом, – пробормотал Брок, стараясь не выходить из себя. – Слушайте, Гэллегер. Все это я вам уже говорил неделю назад, но...

– Тогда еще не было Джо. Делайте вид, что рассказываете не мне, а ему.

– Э-э-э... Так вот... Вы, по крайней мере, слышали о фирме «Вокс-вью пикчерс»?

– Само собой. Крупнейшая и лучшая телевизионная компания. Единственный серьезный соперник – фирма «Сонатон».

– «Сонатон» меня вытесняет.

Гэллегер был непритворно озадачен:

– Не понимаю, каким образом. Ваши программы лучше. У вас объемное цветное изображение, вся современная техника, первоклассные актеры, музыканты, певцы...

– Бесполезно, – повторил робот. – Не стану.

– Заткнись, Джо. Никто не может с вами тягаться, Брок. Это вовсе не комплимент. И все говорят, что вы вполне порядочный человек. Как же удалось «Сонатону» вас обскакать?

Брок беспомощно развел руками:

– Тут все дело в политике. Контрабандные театры. С ними не очень-то поборешься. Во время избирательной кампании «Сонатон» поддерживал правящую партию, а теперь, когда я пытаюсь организовать налет на контрабандистов, полиция только глазами хлопает.

– Контрабандные театры? – Гэллегер нахмурился. – Я что-то такое слышал...

– Это началось давно. Еще в добрые старые времена звукового кино. Телевидение вытеснило кинофильмы и крупные кинотеатры. Люди отвыкли собираться толпами перед экраном. Усовершенствовались домашние телевизоры. Считалось, что гораздо приятнее сидеть в кресле, потягивать пиво и смотреть телепрограмму. Телевидение перестало быть привилегией миллионеров. Система счетчиков снизила стоимость этого развлечения до уровня, доступного средним слоям. То, что я рассказываю, общеизвестно.

– Мне неизвестно, – возразил Гэллегер. – Без крайней необходимости никогда не обращаю внимания на то, что происходит за стенами моей лаборатории. Спиртное плюс избирательный ум. Игнорирую все, что меня не касается. Расскажите-ка подробнее, чтобы я мог представить себе картину целиком. Если будете повторяться – не страшно. Итак, что это за система счетчиков?

– Телевизоры устанавливаются в квартирах бесплатно. Мы ведь не продаем их, а даем напрокат. Оплата – в зависимости от того, сколько времени они включены. Наша программа не прерывается ни на секунду: пьесы, снятые на видеопленку, фильмы, оперы, оркестры, эстрадные певцы, водевили – все, что душе угодно. Если вы много смотрите телевизор, вы и платите соответственно. Раз в месяц приходит служащий и проверяет показания счетчика. Справедли-

вая система. Держать в доме «Вокс-вью» может себе позволить каждый. Такой же системы придерживается «Сонатон» и другие компании, но «Сонатон» – это мой единственный крупный конкурент. Во всяком случае, конкурент, который считает, что в борьбе со мной все средства хороши. Остальные – мелкие сошки, но я их не хватаю за глотку. Никто еще не говорил про меня, что я подонок, – мрачно сказал Брок.

– Ну и что?

– Ну и вот, «Сонатон» сделал ставку на эффект массового присутствия. До последнего времени это считалось невозможным – объемное изображение нельзя было проецировать на большой телевизионный экран, оно двоилось и расплывалось полосами. Поэтому применяли стандартные бытовые экраны, девятьсот на тысячу двести миллиметров. С отличными результатами. Но «Сонатон» скупил по всей стране массу гнилых кинотеатров...

– Что такое гнилой кинотеатр? – прервал Гэллегер.

– Это... до того как звуковое кино потерпело крах, мир был склонен к бахвальству. Гигантомания, понимаете? Приходилось вам слышать о мюзик-холле Радио-сити? Так это еще пустяк! Появилось телевидение, и конкуренция между ним и кино шла жестокая. Кинотеатры становились все огромнее, все роскошнее. Настоящие дворцы. Гиганты. Но когда телевидение было усовершенствовано, люди перестали ходить в кинотеатры, а снести их стоило слишком дорого. Зброшенные театры, понимаете? Большие и маленькие.

Их отремонтировали. И крутят там программы «Сонатона». Эффект массового присутствия – это, доложу я вам, фактор. Билеты в театр дорогие, но народ туда валом валит. Новизна плюс стадный инстинкт.

Гэллегер прикрыл глаза:

– А кто вам мешает сделать то же самое?

– Патенты, – коротко ответил Брок. – Я, кажется, упоминал, что до последнего времени объемное телевидение не было приспособлено к большим экранам. Десять лет назад владелец фирмы «Сонатон» подписал со мной соглашение, по которому всякое изобретение, позволяющее увеличить размер экрана, может быть использовано обеими сторонами. Но потом он пошел на попятную. Заявил, что документ подложный, и суд его поддержал. А он поддерживает суд – рука руку моет. Так или иначе, инженеры «Сонатона» разработали метод, позволяющий применять большие экраны. Они запатентовали свое изобретение – сделали двадцать семь заявок, получили двадцать семь патентов и тем самым приняли меры против любых вариаций этой идеи. Мои конструкторы бьются день и ночь, пытаюсь найти аналогичный метод и в то же время обойти чужие патенты, но у «Сонатона» предусмотрено решительно все. Его система называется «Магна». Работает с телевизорами любого типа, но мой конкурент разрешает устанавливать ее только на телевизорах марки «Сонатон». Понимаете?

– Неэтично, но в рамках закона, – заметил Гэллегер. – А

все-таки от вас за свои деньги зрители получают больше. Людям нужен хороший товар. Величина изображения роли не играет.

– Допустим, – горько сказал Брок, – но это не все. Последние известия только и твердят об ЭМП – это новомодное словечко. Эффект массового присутствия. Стадный инстинкт. Вы правы, людям нужен хороший товар... Не станете же вы покупать виски по четыре за кварту, если можно достать за полцены?

– Все зависит от качества виски. Так в чем же дело?

– В контрабандных театрах, – ответил Брок. – Они открываются по всей стране. Показывают программу «Вокс-вью», но пользуются системой увеличения «Магна», которую запатентовал «Сонатон». Плата за вход невелика – дешевле, чем обходится домашний телевизор «Вокс-вью». К тому же эффект массового присутствия. К тому же азарт нарушения закона. Все поголовно возвращают телевизоры «Вокс-вью». Причина ясна. Взамен можно пойти в контрабандный театр.

– Это незаконно, – задумчиво сказал Гэллегер.

– Так же, как забегаловки в период сухого закона. Все дело в том, налажены ли отношения с полицией. Я не могу обратиться с иском в суд. Пытался. Себе дороже. Так и прогореть недолго. И не могу снизить плату за прокат телевизоров «Вокс-вью». Она и без того ничтожна. Прибыль идет за счет количества. А теперь прибыли конец. Что же до контрабандных театров, то совершенно ясно, чье это начинание.

– «Сонатона»?

– Конечно. Непрошенный компаньон. Снимает сливки с моей продукции у себя в кассе. Хочет вытеснить меня с рынка и добиться монополии. После этого начнет показывать халтуру и платить актерам по нищенскому тарифу. У меня все иначе. Я-то своим плачу, сколько они стоят, а это немало.

– А мне предлагаете жалкие десять тысяч, – подхватил Гэллегер. – Фи!

– Да это только первый взнос, – поспешно сказал Брок. – Назовите свою цену. В пределах благоразумия, – добавил он.

– Обязательно назову. Астрономическую цифру. А что, неделю назад я согласился принять ваш заказ?

– Согласились.

– В таком случае, должно быть, у меня мелькнула идея, как разрешить вашу проблему, – размышлял Гэллегер вслух. – Дайте сообразить. Я упоминал что-нибудь конкретное?

– Вы все твердили о мраморном столе и о своей... э-э-э... милашке.

– Значит, я пел, – благодушно пояснил Гэллегер. – «Большую Святого Джеймса». Пение успокаивает нервы, а Бог видит, как нужен покой моим нервам. Музыка и спиртное. Дивлюсь, что продают его виноторговцы...

– Как-как?

– ...Где вещь, что ценностью была б ему равна? Не важно. Это я цитирую Омара Хайяма. Пустое. Ваши инженеры хоть

на что-нибудь годны?

– Самые лучшие инженеры. И самые высокооплачиваемые.

– И не могут найти способа увеличить изображение, не нарушая патентных прав «Сонатона»?

– Ну, в двух словах – именно так.

– Очевидно, придется провести кое-какие исследования, – грустно подытожил Гэллегер. – Для меня это хуже смерти. Однако сумма состоит из нескольких слагаемых. Вам это понятно? Мне – нисколько. Беда мне со словами. Скажу что-нибудь, а после сам удивляюсь, чего это я наговорил. Занятнее, чем пьесу смотреть, – туманно заключил он. – У меня голова трещит. Слишком много болтовни и мало выпивки. На чем это мы остановились?

– На полпути к сумасшедшему дому, – съязвил Брок. – Если бы вы не были моей последней надеждой, я...

– Бесполезно, – заскрипел робот. – Можете разорвать контракт в клочья, Брок. Я его не подпишу. Слава для меня – ничто. Пустой звук.

– Если ты не заткнешься, – пригрозил Гэллегер, – я заору у тебя над самым ухом.

– Ну и ладно! – взвизгнул Джо. – Бей меня! Давай бей! Чем подлее ты будешь поступать, тем скорее разрушишь мою нервную систему и я умру. Мне все равно. У меня нет инстинкта самосохранения. Бей. Увидишь, что я тебя не боюсь.

– А знаете, ведь он прав, – сказал ученый, подумав. – Это единственный здравый ответ на шантаж и угрозы. Чем скорее все кончится, тем лучше. Джо не различает оттенков. Мало-мальски чувствительное болевое ощущение погубит его. А ему наплевать.

– Мне тоже, – буркнул Брок. – Для меня важно только одно...

– Да-да. Знаю. Что ж, похожу погляжу, может, что-нибудь меня и осенит. Как попасть к вам на студию?

– Держите пропуск. – Брок написал что-то на обороте визитной карточки. – Надеюсь, вы тотчас же возьметесь за дело?

– Разумеется, – солгал Гэллегер. – А теперь ступайте и ни о чем не тревожьтесь. Постарайтесь успокоиться. Ваше дело в надежных руках. Либо я очень быстро придумаю выход, либо...

– Либо что?

– Либо не придумаю, – жизнерадостно закончил Гэллегер и потрогал кнопки алкогольного органа у себя над тахтой. – Надоел мне мартини. И почему это я не сделал работа-бармена, раз уж взялся творить роботов? Временами даже лень выбрать и нажать кнопку. Да-да, я примусь за дело немедленно, Брок. Не волнуйтесь.

Магнат колебался.

– Ну что ж, на вас вся надежда. Само собой разумеется, если я могу чем-нибудь помочь...

– Блондинкой, – промурлыкал Гэллегер. – Вашей блистательной-преблистательной звездой Силвер О’Киф. Пришли-те ее ко мне. Больше от вас ничего не требуется.

– Всего хорошего, Брок, – проскрипел робот. – Жаль, что мы не договорились о контракте, но зато вы получили ни с чем не сравнимое удовольствие – послушали мой изумительный голос, не говоря уже о том, что увидели меня воочию. Не рассказывайте о моей красоте слишком многим. Я действительно не хочу, чтобы ко мне валили толпами. Чересчур шумно.

– Никто не поймет, что такое догматизм, пока не потолкует с Джо, – сказал Гэллегер. – Ну пока. Не забудьте про блондинку.

Губы Брока задрожали. Он поискал нужные слова, махнул рукой и направился к двери.

– Прощайте, некрасивый человек, – бросил ему вслед Джо.

Когда хлопнула дверь, Гэллегер поморщился, а сверхчувствительным ушам робота пришлось еще хуже.

– С чего это ты завелся? – спросил Гэллегер. – Из-за тебя этого малого чуть кондрашка не хватила.

– Не считает же он себя красавцем, – возразил Джо.

– С лица воду не пить.

– До чего ты глуп. И так же уродлив, как тот.

– А ты – набор дребезжащих зубчаток, шестерен и порш-

ней. Да и червяки в тебе водятся, – огрызнулся Гэллегер; он подразумевал, естественно, червячные передачи в теле робота.

– Я прекрасен. – Джо восхищенно вперился в зеркало.

– Разве что с твоей точки зрения. Чего ради я сделал тебя прозрачным?

– Чтобы мною могли полюбоваться и другие. У меня-то зрение рентгеновское.

– У тебя шарики за ролики заехали. И зачем я упрятал радиоактивный мозг к тебе в брюхо? Для лучшей сохранности?

Джо не отвечал. Невыносимо скрипучим истошным голосом он напевал какую-то песню без слов. Некоторое время Гэллегер терпел, подкрепляя силы джином из сифона.

– Да замолчи ты! – не выдержал он наконец. – Все равно что древний поезд метро на повороте.

– Ты просто завидуешь, – поддел его Джо, но послушно перешел на ультразвуковую тональность. С полминуты стояла тишина. Потом во всей округе взвыли собаки.

Гэллегер устало поднялся с тахты. Надо уносить ноги. Покоя в доме явно не будет, пока одушевленная груда металлолома бурно источает себялюбие и самодовольство. Джо издал немелодичный, кудахтающий смешок. Гэллегер вздрогнул:

– Ну что еще?

– Сейчас узнаешь.

Логика причин и следствий, подкрепленная теорией веро-

ятности, рентгеновским зрением и прочими перцепциями, несомненно присущими роботу. Гэллегер тихонько выругался, схватил бесформенную черную шляпу и пошел к двери. Открыв ее, он нос к носу столкнулся с толстым коротышкой, и тот больно стукнул его головой в живот.

– Ох! Ф-фу. Ну и чувство юмора у этого кретина-робота. Здравствуйтесь, мистер Кенникотт. Рад видеть вас. К сожалению, некогда предложить вам рюмочку.

Смуглое лицо мистера Кенникотта скривилось в злобной гримасе.

– Не надо мне рюмочки, мне нужны мои кровные доллары. Деньги на бочку. И зубы не заговаривайте.

Гэллегер задумчиво посмотрел сквозь гостя:

– Собственно, если на то пошло, я как раз собирался получить деньги по чеку.

– Я продал вам бриллианты. Вы сказали, что хотите из них что-то сделать. И сразу дали мне чек. Но по нему не платят ни гроша. В чем дело?

– Он не стоит ни гроша, – пробормотал Гэллегер себе под нос. – Я невнимательно следил за своим счетом в банке. Перерасход.

Кенникотт чуть не хлопнулся там, где стоял, – на пороге.

– Тогда гоните назад бриллианты.

– Да я их уже использовал в каком-то опыте. Забыл, в каком именно. Знаете, мистер Кенникотт, положи руку на сердце: ведь я покупал их в нетрезвом виде?

– Да, – согласился коротышка. – Налакались до бесчужества, факт. Ну и что с того? Больше ждать я не намерен. Вы и так долго водили меня за нос. Платите-ка, или вам не поздоровится.

– Убирайтесь прочь, грязная личность, – донесся из лаборатории голос Джо. – Вы омерзительны.

Гэллегер поспешно оттеснил Кенникотта на улицу и запер входную дверь.

– Попугай, – объяснил он. – Никак не соберусь свернуть ему шею. Так вот, о деньгах. Я ведь не отрекаюсь от долга. Только что мне сделали крупный заказ, и, когда заплатят, вы свое получите.

– Нет уж, дудки! Вы что, безработный? Вы ведь служите в крупной фирме. Вот и попросите там аванс.

– Просил, – вздохнул Гэллегер. – Выбрал жалованье за полгода вперед. Ну вот что, я приготовлю вам деньги на днях. Может быть, получу аванс у своего клиента. Идет?

– Нет.

– Нет?

– Ну так и быть. Жду еще один день. От силы два. Хватит. Найдете деньги – порядок. Не найдете – упеку в долговую тюрьму.

– Двух дней вполне достаточно, – с облегчением сказал Гэллегер. – Скажите, а есть тут поблизости контрабандные театры?

– Вы бы лучше принимались за работу и не тратили время

черт знает на что.

– Но это и есть моя работа. Мне надо написать о них статью. Как найти контрабандный притон?

– Очень просто. Пойдете в деловую часть города. Увидите в дверях парня. Он продаст вам билет. Где угодно. На каждом шагу.

– Отлично, – сказал Гэллегер и попрощался с коротышкой.

Зачем он купил у Кенникотта бриллианты? Такое подсознание стоило бы ампутировать. Оно проделывает самые невообразимые штуки. Работает по незыблемым законам логики, но сама эта логика совершенно чужда сознательному мышлению Гэллегера. Тем не менее результаты часто бывают поразительно удачными и почти всегда – поразительными. Нет ничего хуже положения ученого, который не в ладах с наукой и работает по наитию.

В лабораторных ретортах осталась алмазная пыль – следы какого-то неудачного опыта, поставленного подсознанием Гэллегера, в памяти сохранилось мимолетное воспоминание о том, как он покупал у Кенникотта драгоценные камни. Любопытно. Быть может... Ах да! Они ушли в Джо! На подшипники или что-то в этом роде. Разобрать робота? Поздно, огранка наверняка не сохранилась. С какой стати бриллианты чистейшей воды – неужто не годились промышленные алмазы? Подсознание Гэллегера требовало самых лучших товаров. Оно знать не желало о масштабах цен и основ-

ных принципах экономики.

Гэллегер бродил по деловой части города, как Диоген в поисках истины. Вечерело, над головой мерцали неоновые огни – бледные разноцветные полосы света на темном фоне. В небе над башнями Манхэттена ослепительно сверкала реклама. Воздушные такси скользили на разной высоте, подбирая с крыш пассажиров. Скучища.

В деловом квартале Гэллегер стал присматриваться к дверям. Нашел наконец дверь, где кто-то стоял, но оказалось, что тот просто-напросто торгует открытками. Гэллегер отошел от него и двинулся в ближайший бар, так как почувствовал, что надо подзаправиться. Бар был передвижной и сочетал худшие свойства ярмарочной карусели и коктейлей, приготовленных равнодушной рукой. Гэллегер постоял в нерешительности на пороге. Но кончилось тем, что он поймал проносившийся мимо стул и постарался усесться поудобнее. Заказал три «рикки» и осушил их один за другим. Затем подзвал бармена и справился о контрабандных кинотеатрах.

– Есть, черт меня побери, – ответил тот и извлек из фартука пачку билетов. – Сколько надо?

– Один. А где это?

– Два двадцать восемь. По этой же улице. Спросить Тони.

– Спасибо.

Гэллегер сунул бармену непомерно щедрые чаевые, сполз со стула и поплелся прочь. Передвижные бары были новин-

кой, которую он не одобрял. Он считал, что пить надо в состоянии покоя, так как все равно рано или поздно этого состояния не миновать.

Дверь с зарешеченной панелью находилась у подножия лестницы. Когда Гэллегер постучался, на панели ожил видеоэкран, скорее всего односторонний, так как лицо швейцара не показывалось.

– Можно пройти к Тони? – спросил Гэллегер.

Дверь открылась, появился усталый человек в пневмобрюках, но даже эта одежда не придавала внушительности его тощей фигуре.

– Билет есть? Ну-ка, покажи. Все в порядке, друг. Прямо по коридору. Представление уже началось. Выпить можно в баре, по левой стороне.

В конце недлинного коридора Гэллегер протиснулся сквозь звуконепроницаемые портьеры и очутился в фойе старинного театра постройки конца двадцатого века; в ту эпоху царило повальное увлечение пластиком. Он нюхом отыскал бар, выпил дрянного виски по бешеной цене и, подкрепив таким образом силы, вошел в зрительный зал – почти полный. На огромном экране – очевидно, системы «Магна» – вокруг космолета толпились люди. «Не то приключенческий фильм, не то хроника», – подумал Гэллегер.

Только азарт нарушения законов мог завлечь публику в контрабандный театр. Это было заведение самого низкого пошиба. На его содержание денег не тратили, и билетеров

там не было. Но театр стоял вне закона и потому хорошо посещался. Гэллегер сосредоточенно смотрел на экран. Никаких полос, ничего не двоится. На незарегистрированном телевизоре «Вокс-вью» стоял увеличитель «Магна», и одна из талантливейших звезд Брока успешно волновала сердца зрителей. Просто грабеж среди бела дня. Точно.

Чуть позже, пробираясь к выходу, Гэллегер заметил, что на приставном стуле сидит полисмен в форме, и сардонически усмехнулся. Фараон, конечно, не платил за вход. И тут политика.

На той же улице, на расстоянии двух кварталов, ослепительные огни реклам гласили: «СОНАТОН-БИЖУ». Это, разумеется, театр легальный и потому дорогой. Гэллегер безрассудно промотал целое состояние, купив билет на хорошее место. Он хотел сравнить впечатления. Насколько он мог судить, в «Бижу» и в нелегальном театре аппараты «Магна» были одинаковы. Оба работали безупречно. Сложная задача увеличения телевизионных экранов была успешно разрешена.

Все остальное в «Бижу» напоминало дворец. Лощеные билетеры склонялись в приветственном поклоне до самого ковра. В буфетах бесплатно отпускали спиртное (в умеренных количествах). При театре работали турецкие бани. Гэллегер прошел за дверь с табличкой «Для мужчин» и вышел, совершенно одурев от тамошнего великолепия. Целых десять минут после этого он чувствовал себя сибаритом.

Все это означало, что те, кому позволяли средства, шли в легализованные театры «Сонатон», а остальные посещали контрабандные притоны. Все, кроме немногочисленных домоседов, которых не захлестнула повальная мода. В конце концов Брок вылетит в трубу, потому что у него не останется зрителей. Его фирма перейдет к «Сонатону», который тут же вздует цены и начнет делать деньги. В жизни необходимы развлечения; людей приучили к телевидению. Никакой замены нет. Если в конце концов «Сонатону» удастся все же задушить соперника, публика будет платить и платить за второсортную продукцию.

Гэллегер покинул «Бижу» и поманил воздушное такси. Он назвал адрес студии «Вокс-вью» на Лонг-Айленде, безотчетно надеясь вытянуть из Брока первый чек. Кроме того, он хотел кое-что выяснить.

Здания «Вокс-вью» буйно заполняли весь Лонг-Айленд беспорядочной коллекцией разномастных домов. Безошибочным инстинктом Гэллегер отыскал ресторан, где принял горячительного в порядке предосторожности. Подсознанию предстояла изрядная работа, и Гэллегер не хотел стеснять его недостатком свободы. Кроме того, виски было отличное.

После первой же порции он решил, что пока хватит. Он же не сверхчеловек, хотя емкость у него почти невероятная. Надо лишь достигнуть объективной ясности мышления и субъективного растормаживания...

– Студия всегда открыта ночью? – спросил он у официан-

та.

– Конечно. Какие-то павильоны всегда работают. Это же круглосуточная программа.

– В ресторане полно народу.

– К нам приходят и из аэропорта. Повторить?

Гэллегер покачал головой и вышел. Визитная карточка Брока помогла ему пройти за ворота, и прежде всего он посетил кабинеты высшего начальства. Брока там не было, но раздавались громкие голоса, пронзительные чисто по-женски.

Секретарша сказала: «Подождите минутку, пожалуйста» – и повернулась к внутреннему служебному видеофону. И тотчас же: «Прошу вас, проходите».

Гэллегер так и сделал. Кабинет был что надо, одновременно роскошный и деловой. В нишах вдоль стен красовались объемные фотографии виднейших звезд «Воксью». За письменным столом сидела миниатюрная, хорошенькая, взволнованная брюнетка, а перед ней стоял разъяренный светловолосый ангел. В ангеле Гэллегер узнал Силвер О’Киф.

Он воспользовался случаем:

– Салют, мисс О’Киф! Не нарисуете ли мне автограф на кубике льда? В коктейле?

Силвер стала похожа на кошечку:

– К сожалению, дорогой, мне приходится самой зарабатывать на жизнь. И я сейчас на службе.

Брюнетка провела ногтем по кончику сигареты:

– Давай утрясем это дело чуть позже, Силвер. Папаша велел принять этого типа, если он заскочит. У него важное дело.

– Все утрясется, – пообещала Силвер. – И очень скоро. – Она демонстративно вышла.

Гэллегер задумчиво присвистнул ей вслед.

– Этот товар вам не по зубам, – сообщила брюнетка. – Она связана контрактом. И хочет развязаться, чтобы заключить контракт с «Сонатомом». Крысы покидают тонущий корабль. Силвер рвет на себе волосы с тех самых пор, как уловила штормовые сигналы.

– Вот как?

– Садитесь и закуривайте. Я Пэтси Брок. Вообще тут заправляет папаша, но, когда он выходит из себя, я хватаюсь за штурвал. Старый осел не выносит скандалов. Считает их личными выпадами.

Гэллегер сел.

– Значит, Силвер пытается дезертировать? И много таких?

– Не очень. Большинство хранят нам верность. Но, само собой, если мы обанкротимся... – Пэтси Брок пожала плечами. – То ли переметнутся к «Сонатону» зарабатывать на хлеб с маслом, то ли обойдутся без масла.

– Угу. Ну что ж, надо повидать ваших инженеров. Хочу ознакомиться с их мыслями об увеличении экрана.

– Дело ваше, – сказала Пэтси. – Толку будет немного. Невозможно изготовить увеличитель к телевизору, не ущемляя патентных прав «Сонатона».

Она нажала кнопку, что-то проговорила в видеофон, и из щели на письменном столе появились два высоких бокала.

– Как, мистер Гэллегер?

– Ну раз уж это коктейль «Коллинз»...

– Догадалась по вашему дыханию, – туманно пояснила Пэтси. – Папаша рассказывал, как побывал у вас. По-моему, он немножко расстроился, особенно из-за вашего робота. Кстати, что это за чудо?

– Сам не знаю, – смешался Гэллегер. – У него масса способностей... по-видимому, какие-то новые чувства... но я понятия не имею, на что он годен. Разве только любоваться собою в зеркале.

Пэтси кивнула:

– При случае я бы не прочь на него взглянуть. Но вернемся к проблеме «Сонатона». Вы думаете, вам удастся найти решение?

– Возможно. Даже вероятно.

– Но не безусловно?

– Пусть будет безусловно. Сомневаться, вообще-то, не стоит, даже самую малость.

– Для меня это очень важно. «Сонатон» принадлежит Элии Тону. Это вонючий пират. К тому же бахвал. У него сын Джимми. А Джимми – хотите верьте, хотите нет – читал

«Ромео и Джульетту».

– Хороший парень?

– Гнида. Здоровенная мускулистая гнида. Хочет на мне жениться.

– Нет повести печальнее на свете...

– Пощадите, – прервала Пэтси. – И вообще, я всегда считала, что Ромео – размазня. Если бы у меня хоть на секунду мелькнула мысль выйти за Джимми, я бы тут же взяла билет в один конец и отправилась в сумасшедший дом. Нет, мистер Гэллегер, все совсем иначе. Никакого флердоранжа, Джимми сделал мне предложение... между прочим, сделал как умел, а умеет он сгрести девушку по-борцовски в полухвате и объяснить, как он ее осчастливил.

– Ага, – промычал Гэллегер и присосался к коктейлю.

– Вся эта идея – монополия на патенты и контрабандные театры – идет от Джимми. Голову даю на отсечение. Его отец, конечно, тоже руку приложил, но Джимми Тон – именно тот гениальный ребенок, который все начал.

– Зачем?

– Чтобы убить двух зайцев. «Сонатон» станет монополистом, а Джимми, как он себе представляет, получит меня. Он слегка помешанный. Не верит, что я ему отказала всерьез, и ждет, что я вот-вот передумаю и соглашусь. А я не передумаю, что бы ни случилось. Но это мое личное дело. Я не могу сидеть сложа руки и допустить, чтобы он сыграл с нами такую штуку. Хочу стереть с его лица самодовольную

усмешку.

– Он вам просто не по душе, да? – заметил Гэллегер. – Я вас не осуждаю, если он таков, как вы рассказываете. Что ж, буду из кожи вон лезть. Однако мне нужны деньги на текущие расходы.

– Сколько?

Гэллегер назвал цифру. Пэтси выписала чек на гораздо более скромную сумму. Изобретатель принял оскорбленный вид.

– Не поможет, – сказала Пэтси с лукавой улыбкой. – Мне о вас кое-что известно, мистер Гэллегер. Вы совершенно безответственный человек. Если дать больше, вы решите, что вам достаточно, и тут же обо всем забудете. Я выпишу новые чеки, когда потребуется... но попрошу представить детальный отчет об издержках.

– Вы ко мне несправедливы, – повеселел Гэллегер. – Я подумывал пригласить вас в ночной клуб. Естественно, не в какую-нибудь дыру. А шикарные заведения обходятся дорого. Так вот, если бы вы мне выписали еще один чек...

Пэтси рассмеялась:

– Нет.

– Может, купите робота?

– Во всяком случае не такого.

– Будем считать что у меня ничего не вышло, – вздохнул Гэллегер. – А как насчет...

В этот миг загудел видеофон. На экране выросло бес-

смысленное прозрачное лицо. Внутри круглой головы быстро щелкали зубчатки. Пэтси тихонько вскрикнула и отшатнулась.

– Скажи Гэллегеру, что Джо здесь, о счастливое создание, – провозгласил скрипучий голос. – Можешь лелеять память о моем облике и голосе до конца дней своих. Проблеск красоты в тусклом однообразии мира...

Гэллегер обошел письменный стол и взглянул на экран:

– Какого дьявола! Как ты ожил?

– Мне надо было решить задачу.

– А откуда ты узнал, где меня искать?

– Я тебя опространствил.

– Что-что?

– Я опространствил, что ты в студии «Вокс-вью», у Пэтси Брок.

– Что такое «опространствил»? – осведомился Гэллегер.

– Это у меня такое чувство. У тебя нет даже отдаленно похожего, так что я не могу тебе описать его. Что-то вроде смеси сагражи с предзнанием.

– Сагражи?

– Ах да, у тебя ведь и сагражи нет. Ладно, не будем терять время попусту. Я хочу вернуться к зеркалу.

– Он всегда так разговаривает? – спросила Пэтси.

– Почти всегда. Иногда еще менее понятно. Ну хорошо, Джо. Так что тебе?

– Ты уже не работаешь на Брока, – заявил робот. – Будешь

работать на ребят из «Сонатона».

Гэллегер глубоко вздохнул:

– Говори, говори. Но учти, ты спятил.

– Кенникотта я не люблю. Он слишком уродлив. И его вибрации раздражают мое сагражи.

– Да бог с ним, – перебил Гэллегер, которому не хотелось посвящать девушку в свою деятельность по скупке бриллиантов. – Не отвлекайся от...

– Но я знал, что Кенникотт будет ходить и ходить, пока не получит свои деньги. Так вот, когда в лабораторию пришли Элия и Джеймс Тоны, я взял у них чек.

Рука Пэтси напряглась на локте Гэллегера.

– А ну-ка! Что здесь происходит? Обыкновенное надувательство?

– Нет. Погодите. Дайте мне докопаться до сути дела. Джо, черт бы побрал твою прозрачную шкуру, что ты натворил? И как ты мог взять чек у Тонов?

– Я притворился тобой.

– Вот теперь ясно, – сказал Гэллегер со свирепым сарказмом в голосе. – Это все объясняет. Мы же близнецы. Похожи как две капли воды.

– Я их загипнотизировал, – разъяснил Джо. – Внушил им, что я – это ты.

– Ты умеешь?

– Да. Я и сам немного удивился. Хотя, если вдуматься, я мог бы опространствовать эту свою способность.

– Ты... Да, конечно. Я бы и сам опространствил такую штуковину. Так что же произошло?

– Должно быть, Тоны – отец и сын – заподозрили, что Брок обратился к тебе за помощью. Они предложили контракт на особо льготных условиях: ты работаешь на них и больше ни на кого. Обещали кучу денег. Вот я и прикинулся, будто я – это ты, и согласился. Подписал контракт (между прочим, твоей подписью), получил чек и отослал Кенникотту.

– Весь чек? – слабым голосом переспросил Гэллегер. – Сколько же это было?

– Двенадцать тысяч.

– И это все, что они предложили?

– Нет, – ответил робот, – они предложили сто тысяч единовременно и две тысячи в неделю; контракт на пять лет. Но мне было нужно только рассчитаться с Кенникоттом, чтобы он больше не ходил и не приставал. Я сказал, что хватит двенадцати тысяч, и Тоны были очень довольны.

В горле Гэллегера раздался нечленораздельный булькающий звук. Джо глубокомысленно кивнул:

– Я решил поставить тебя в известность, что отныне ты на службе у «Сонатона». А теперь вернись-ка я к зеркалу и буду петь для собственного удовольствия.

– Ну погоди, – пригрозил изобретатель, – ты только погоди. Я своими руками разберу тебя по винтику и растопчу обломки.

– Суд признает этот контракт недействительным, – сказа-

ла Пэтси, судорожно глотнув.

– Не признает, – радостно ответил Джо. – Можешь полюбоваться на меня последний раз, и я пойду.

Он ушел.

Одним глотком Гэллегер осушил свой бокал.

– Я до того потрясен, что даже протрезвел, – сказал он девушке. – Что я вложил в этого робота? Какие патологические чувства в нем развил? Загипнотизировать людей до того, чтобы они поверили, будто я – он... он – я... Я уже заговариваюсь.

– Это шуточка, – заявила Пэтси, помолчав. – Вы, случайно, не столкнувались ли с «Сонатом» сами и не заставили робота сострять вам алиби? Мне просто... интересно.

– Не надо так. Контракт с «Сонатом» подписал Джо, а не я. Но... посудите сами: если подпись – точная копия моей, если Джо гипнозом внушил Тонам, что они видят меня, а не его, если есть свидетели заключения контракта... Отец и сын, конечно, годятся в свидетели, поскольку их двое... Ну и дела.

Пэтси прищурилась:

– Мы заплатим вам столько же, сколько предлагал «Сонатон». После выполнения работы. Но вы на службе у «Воксвю» – это решено.

– Конечно.

Гэллегер тоскливо покосился на пустой бокал. Конечно,

он на службе у «Вокс-вью». Но с точки зрения закона он подписал контракт, по которому в течение пяти лет обязан работать только на «Сонатон». И всего за двенадцать тысяч долларов! Ну и ну! Сколько они предлагали? Сто тысяч на кон и... и...

Дело было не в принципе, а в деньгах. Теперь Гэллегер связан по рукам и ногам, как стреноженная лошадь. Если «Сонатон» обратится в суд с иском и выиграет дело, Гэллегер будет обязан отработать свои пять лет. Без дополнительного вознаграждения. Надо как-то выпутаться из этого контракта... и заодно разрешить проблему Брока.

А Джо на что? Своими удивительными талантами робот впутал Гэллегера в неприятность. Пусть теперь и распутывает. Иначе робот-зазнайка скоро будет любоваться металлическим крошечком, которое от него останется.

– Вот именно, – пробормотал Гэллегер себе под нос. – Поговорю с Джо. Пэтси, налейте мне скоренько еще бокал и проводите в конструкторский отдел. Хочу взглянуть на чертежи.

Девушка подозрительно посмотрела на него:

– Ладно. Но только попробуйте нас предать...

– Меня самого предали. Продали с потрохами. Боюсь я этого робота. В хорошенькую историю он меня опространствовал. Правильно, мне «Коллинз».

Гэллегер пил медленно и смачно. Потом Пэтси отвела его в конструкторский отдел. Чтение объемных чертежей упро-

щал сканер – устройство, не допускающее никакой путаницы. Гэллегер долго и внимательно изучал проекты. Были там и кальки чертежей к патентам «Сонатона»; судя по всему, «Сонатон» исследовал данную область на редкость добросовестно. Никаких лазеек. Если не открыть нового принципа...

Однако новые принципы на деревьях не растут. Да они и не помогут полностью разрешить проблему. Даже если бы «Вокс-вью» обзавелся новым увеличителем, не ущемляющим патентных прав «Магны», останутся контрабандные театры, которые отнимают львиную долю дохода. Теперь ведь главный фактор – ЭМП, эффект массового присутствия. С ним нельзя не считаться. Задача не была отвлеченной и чисто научной. В нее входили уравнения с человеческими неизвестными.

Гэллегер спрятал полезные сведения в своем мозгу, аккуратно разделенном на полочки. Позднее он воспользуется тем, что нужно. Пока же он был в тупике. И что-то сверлило мозг, не давая покоя.

Что именно?

История с «Сонатоном».

– Мне надо связаться с Тонами, – сказал он Пэтси. – Что вы посоветуете?

– Можно вызвать их по видеофону.

Гэллегер покачал головой:

– Психологический проигрыш. Им легко будет прервать

разговор.

– Если это срочно, можно их найти в каком-нибудь ночном клубе. Постараюсь уточнить.

Пэтси торопливо вышла, а из-за экрана появилась Силвер О’Киф.

– Я не щепетильна, – объявила она. – Всегда подглядываю в замочную скважину. Нет-нет да услышу что-нибудь занятное. Если хотите увидеть Тонов, то они сейчас в клубе «Кастл». И я решила поймать вас на слове – помните, насчет коктейля?

Гэллегер ответил:

– Отлично. Садитесь в такси. Я только скажу Пэтси, что мы уходим.

– Ей это не придется по вкусу, – заметила Силвер. – Встречаемся у входа в ресторан через десять минут. Заодно побрейтесь.

Пэтси Брок в кабинете не было, но Гэллегер оставил ей записку. Затем он посетил салон обслуживания, где покрыл лицо невидимым кремом для бритья, выждал две минуты и вытерся особо обработанным полотенцем. Щетина исчезла вместе с кремом. Принявший чуть более благообразный вид Гэллегер встретился в условленном месте с Силвер и подождал воздушное такси. Через десять минут оба сидели, откинувшись на подушки, дымили сигаретами и настороженно поглядывали друг на друга.

– Итак? – нарушил молчание Гэллегер.

– Джимми Тон пытался назначить мне свидание на сегодняшний вечер. Поэтому я случайно знаю, где его искать.

– Ну и что?

– Сегодня вечером я только и делала, что задавала вопросы. Как правило, посторонних в административные корпуса «Вокс-вью» не пускают. Я повсюду спрашивала: «Кто такой Гэллегер?»

– Что же вы узнали?

– Достаточно, чтобы домыслить остальное. Вас нанял Брок, верно? А зачем, я сама сообразила.

– Что отсюда следует?

– Я, как кошка, всегда падаю на все четыре лапы, – сказала Силвер, пожимая плечами. Это у нее очень хорошо получалось. – «Вокс-вью» летит в трубу. «Сонатон» приставил ему нож к горлу. Если только...

– Если только я чего-нибудь не придумаю.

– Именно. Я должна знать, по какую сторону забора стоит падать. Может быть, подскажите? Кто победит?

– Вот как, вы всегда ставите на победителя? Разве у тебя нет идеалов, женщина? Неужто тебе не дорога истина? Ты когда-нибудь слыхала об этике и порядочности?

Силвер просияла:

– А ты?

– Я-то слыхал. Обычно я слишком пьян, чтобы вдумываться в эти понятия. Вся беда в том, что подсознание у ме-

ня совершенно аморальное, и, когда оно берет во мне верх, остается один закон – логика.

Силвер швырнула сигарету в Ист-Ривер.

– Хоть намекни, какая сторона забора вернее?

– Восторжествует правда, – нравоучительно ответил Гэллегер. – Она неизменно торжествует. Однако правда – величина переменная, и, значит, мы вернулись к тому, с чего начали. Так и быть, детка. Отвечу на твой вопрос. Если не хочешь прогадать, оставайся на моей стороне.

– А ты на чьей стороне?

– Кто знает? – вздохнул Гэллегер. – Сознанием я на стороне Брока. Но возможно, у моего подсознания окажутся иные взгляды. Поживем – увидим.

У Силвер был недовольный вид, но она ничего не сказала. Такси спикировало на крышу «Кастла» и мягко опустилось. Сам клуб помещался под крышей в исполинском зале, по форме напоминающем опрокинутую половинку тыквы. Столики были установлены на прозрачных площадках, которые можно было передвигать вверх по оси на любую высоту. Маленькие служебные лифты развозили официантов, доставляющих напитки. Такая архитектура зала не была обусловлена особыми причинами, но радовала новизной, и лишь самые горькие пьяницы сваливались из-под столиков вниз. В последнее время администрация натягивала под площадками предохранительную сетку.

Тоны – отец и сын – сидели под самой крышей, выпивали

с двумя красотками. Силвер отбуксировала Гэллегера к служебному лифту, и изобретатель зажмурился, взлетая к небесам. Все выпитое им бурно возмутилось. Он накренился вперед, уцепился за лысую голову Элии Тона и плюхнулся на стул рядом с магнатом. Рука его нащупала бокал Джимми Тона, и он залпом проглотил содержимое.

– Какого дьявола!.. – только и выговорил Джимми.

– Это Гэллегер, – объявил Элия. – И Силвер. Приятный сюрприз. Присоединяйтесь к нам.

– Только на один вечер, – кокетливо улыбнулась Силвер.

Гэллегер, приободренный чужим бокалом, взгляделся в мужчин. Джимми Тон был здоровенный, загорелый, красивый детина с выдвинутым подбородком и оскорбительной улыбкой. Отец представлял собой помесь Нерона с крокодиллом.

– Мы тут празднуем, – сказал Джимми. – Как это ты передумала, Силвер? А говорила, что будешь ночью работать.

– Гэллегер захотел с вами повидаться. Зачем – не знаю.

Холодные глаза Элии стали совсем ледяными.

– Так зачем же?

– Говорят, мы с вами подписали какой-то контракт, – ответил Гэллегер.

– Точно. Вот фотокопия. Что дальше?

– Минутку. – Гэллегер пробежал глазами документ. Подпись была явно его собственная. Черт бы побрал робота! – Это подлог, – сказал он наконец.

Джимми громко засмеялся:

– Все понял. Попытка взять нас на пушку. Жаль мне вас, приятель, но вы никуда не денетесь. Подписали в присутствии свидетелей.

– Что же, – тоскливо проговорил Гэллегер. – Полагаю, вы не поверите, если я буду утверждать, что мою подпись подделал робот...

– Ха! – вставил Джимми.

– ...который гипнозом внушил вам, будто вы видите меня.

Элия погладил себя по лысой блестящей макушке:

– Откровенно говоря, не поверим. Роботы на это не способны.

– Мой способен.

– Так докажите. Докажите это на суде. Если вам удастся, тогда, конечно... – Элия хмыкнул. – Тогда, возможно, вы и выиграете дело.

Гэллегер сощурился:

– Об этом я не подумал. Но я о другом. Говорят, вы предлагали мне сто тысяч долларов сразу, не считая еженедельной ставки.

– Конечно предлагали, разиня, – ухмыльнулся Джимми. – Но вы сказали, что с вас и двенадцати тысяч довольно. Вы их и получили. Однако утешьтесь. Мы будем выплачивать вам премию за каждое изобретение, полезное «Сонатону».

Гэллегер встал.

– Эти рожи неприятны даже моему беспринципному под-

сознанию, – сообщил он Силвер. – Пошли отсюда.

– Я, пожалуй, еще побуду здесь.

– Помните о заборе, – таинственно предостерег он. – Впрочем, воля ваша. Я побегу.

Элия сказал:

– Не забывайте, Гэллегер, вы работаете у нас. Если до нас дойдет слух, что вы оказали Брокку хоть малейшую любезность, то вы и вздохнуть не успеете, как получите повестку из суда.

– Да ну?

Тоны не удостоили его ответом. Гэллегер невесело вошел в лифт и спустился к выходу.

А теперь что? Джо.

Спустя четверть часа Гэллегер входил в свою лабораторию. Там были зажжены все лампы. В близлежащих кварталах собаки исходили лаем – перед зеркалом беззвучно распевал Джо.

– Я решил пройтись по тебе кувалдой, – сказал Гэллегер. – Молился ли ты на ночь, о незаконнорожденный набор шестеренок? Да поможет мне Бог, я иду на диверсию.

– Ну и ладно, ну и бей, – заскрипел Джо. – Увидишь, что тебя не боюсь. Ты просто завидуешь моей красоте.

– Красоте!

– Тебе не дано познать ее до конца – у тебя только шесть чувств.

– Пять!

– Шесть. А у меня много больше. Естественно, мое величие полностью открывается только мне. Но ты видишь и слышишь достаточно, чтобы хоть частично осознать мою красоту.

– Ты скрипишь, как несмазанная телега, – огрызнулся Гэллегер.

– У тебя плохой слух. А мои уши сверхчувствительны. Богатый диапазон моего голоса для тебя пропадает. А теперь – чтоб было тихо. Меня утомляют разговоры. Я люблюсь своими зубчатками.

– Предавайся иллюзиям, пока можно. Погоди, дай только мне найти кувалду.

– Ну и ладно, бей. Мне-то что?

Гэллегер устало прилег на тахту и уставился на прозрачную спину робота:

– Ну и заварил же ты кашу. Зачем подписывал контракт с «Сонатом»?

– Я же тебе объяснял. Чтобы меня больше не беспокоил Кенникотт.

– Ах ты, самовлюбленная, тупоголовая... эх! Так вот, из-за тебя я влип в хорошенькую историю. Тоны вправе требовать, чтобы я соблюдал букву контракта, если не будет доказано, что не я его подписывал. Ладно. Теперь ты мне поможешь. Пойдешь со мной в суд и включишь свой гипнолизм, или что там у тебя такое. Докажешь судье, что умеешь пред-

ставляться мною и что дело было именно так.

– И не подумаю, – отрезал робот. – С какой стати?

– Ты ведь втянул меня в этот контракт! – взвизгнул Гэллегер. – Теперь сам и вытягивай!

– Почему?

– «Почему»? Потому что... э-э-э... да этого требует простая порядочность!

– Человеческая мерка к роботам неприменима, – возразил Джо. – Какое мне дело до семантики? Не буду терять время, которое могу провести, созерцая свою красоту. Встану перед зеркалом на веки вечные...

– Черта лысого! – рассвирепел Гэллегер. – Да я тебя на атомы раскрошу.

– Пожалуйста. Меня это не трогает.

– Не трогает?

– Ох уж этот мне инстинкт самосохранения, – произнес робот, явно глумясь. – Хоть вам он, скорее всего, необходим. Существа, наделенные столь неслыханным уродством, истребили бы друг друга из чистой жалости, если бы не страховка – инстинкт, благодаря которому они живы до сих пор.

– А что, если я отниму у тебя зеркало? – спросил Гэллегер без особой надежды в голосе.

Вместо ответа Джо выдвинул глаза на кронштейнах:

– Да нужно ли мне зеркало? Кроме того, я умею пространствить себя локторально.

– Не надо подробностей. Я хочу пожить еще немножко в

здравом уме. Слушай, ты, зануда. Робот должен что-то делать. Что-нибудь полезное.

– Я и делаю. Красота – это главное.

Гэллегер крепко зажмурил глаза, чтобы получше сосредоточиться.

– Вот слушай. Предположим, я изобрету для Брока увеличенный экран нового типа. Его ведь конфискуют Тоны. Мне нужно развязать себе руки, иначе я не могу работать...

– Смотри! – вскрикнул Джо в экстазе. – Вертятся! Какая прелесть! – Он загляделся на свои жужжащие внутренности.

Гэллегер побледнел в бессильной ярости.

– Будь ты проклят! – пробормотал он. – Уж я найду способ прищемить тебе хвост. Пойду спать. – Он встал и злорадно погасил свет.

– Не важно, – сказал робот. – Я вижу и в темноте.

За Гэллегером хлопнула дверь. В наступившей тишине Джо беззвучно напевал самому себе.

В кухне Гэллегера целую стену занимал холодильник. Он был наполнен в основном жидкостями, требующими охлаждения, в том числе импортным консервированным пивом, с которого неизменно начинались запои Гэллегера. Наутро невыспавшийся и безутешный Гэллегер отыскивал томатный сок, брезгливо глотнул и поспешно запил его виски. Поскольку головкружительный запой продолжался вот уже неделю, пиво теперь было противопоказано – Гэллегер все-

гда накапливал эффект, действуя по нарастающей. Пищевой автомат выбросил на стол герметически запечатанный пакет с завтраком, и Гэллегер стал угрюмо тыкать вилкой в полусырой бифштекс.

– Ну-с?

По мнению Гэллегера, единственным выходом был суд. В психологии робота он разбирался слабо. Однако таланты Джо, безусловно, ошеломят любого судью. Выступления роботов в качестве свидетелей законом не предусмотрены... но все же, если представить Джо как машину, способную гипнотизировать, суд может признать контракт с «Сонатомом» недействительным и аннулировать его.

Чтобы взяться за дело не мешкая, Гэллегер воспользовался видеофоном. Харрисон Брок все еще сохранял некоторое политическое влияние и вес, так что предварительное слушание дела удалось назначить на тот же день. Однако что из этого получится, знали только Бог да робот.

Несколько часов прошли в напряженных, но бесплодных раздумьях. Гэллегер не представлял себе, как заставить робота повиноваться. Если бы хоть вспомнить, для какой цели создан Джо... но Гэллегер забыл. А все-таки...

В полдень он вошел в лабораторию.

– Вот что, дурень, – сказал он, – поедешь со мной в суд. Сейчас же.

– Не поеду.

– Ладно. – Гэллегер открыл дверь и впустил двух дюжих

парней в белых халатах и с носилками. – Грузите его, ребята.

В глубине души он слегка побаивался. Могущество Джо совершенно не изучено, его возможности – величина неизвестная. Однако робот был не очень-то крупный, и, как он ни отбивался, ни вопил, ни скрипел, его легко уложили на носилки и облачили в смирительную рубашку.

– Прекратите! Вы не имеете права! Пустите меня, понятно? Пустите!

– На улицу, – распорядился Гэллегер.

Джо храбро сопротивлялся, но его вынесли на улицу и погрузили в воздушную карету. Там он сразу утихомирился и бессмысленно уставился перед собой. Гэллегер сел на скамейку рядом с поверженным роботом. Карета взмыла в воздух.

– Ну что?

– Делай что хочешь, – ответил Джо. – Ты меня очень расстроил, иначе я бы вас всех загипнотизировал. Еще не поздно, знаешь ли. Могу заставить вас всех бегать по кругу и лаять по-собачьи.

Гэллегер поежился:

– Не советую.

– Да я и не собираюсь. Это ниже моего достоинства. Буду просто лежать и любоваться собой. Я ведь говорил, что могу обойтись без зеркала? Свою красоту я умею пространствить и без него.

– Послушай, – сказал Гэллегер. – Ты едешь в суд, в зал

суда. Там будет тьма народу. Все тобой залюбуются. Их восхищение усилится, если ты покажешь им, как гипнотизируешь. Как ты загипнотизировал Тонов, помнишь?

– Какое мне дело до того, сколько людей мною восхищаются? – возразил Джо. – Если люди меня увидят, тем лучше для них. Значит, им повезло. А теперь помолчи. Если хочешь, можешь смотреть на мои зубчатки.

Гэллегер смотрел на зубчатки робота, и в глазах его тлела ненависть. Ярость не улеглась в нем и тогда, когда карета прибыла к зданию суда. Служители внесли Джо под руководством Гэллегера, бережно положили на стол и после непродолжительного судебного совещания сочли «вещественным доказательством № 1».

Зал суда был полон. Присутствовали и главные действующие лица: у Элии и Джимми Тонов вид был неприятно самоуверенный, а у Пэтси Брок и ее отца – встревоженный. Силвер О'Киф, как всегда осторожная, уселась ровнехонько посередине между представителями «Сонатона» и «Вокс-вью». Председательствующий – судья Хэнсон – отличался педантизмом, но, насколько знал Гэллегер, был человеком честным. А это уже немало.

Хэнсон перевел взгляд на Гэллегера:

– Не будем злоупотреблять формальностями. Я ознакомился с краткой пояснительной запиской, которую вы мне направили. В основе дела лежит вопрос, заключили ли вы некий контракт с корпорацией «Сонатон телевижн эмьюз-

мент». Правильно?

– Правильно, ваша честь.

– По данному делу вы отказались от услуг адвоката. Правильно?

– Совершенно верно, ваша честь.

– В таком случае дело будет слушаться без участия адвоката. Решение может быть обжаловано любой из сторон. Не будучи обжалованным, оно вступит в законную силу в десятидневный срок.

Позднее эта новая форма упрощенного судебного разбирательства стала очень популярной: она всем и каждому берегала время, не говоря уж о нервах. Кроме того, после недавних скандальных историй адвокаты приобрели дурную славу. К ним стали относиться с предубеждением.

Судья Хэнсон опросил Тонов, затем вызвал на свидетельскую скамью Харрисона Брока. Магнат, казалось, волновался, но отвечал без запинки.

– Восемь дней назад вы заключили с заявителем соглашение?

– Да. Мистер Гэллегер подрядился выполнить для меня работу.

– Контракт был заключен письменно?

– Нет. Словесно.

Хэнсон задумчиво посмотрел на Гэллегера:

– Заявитель был в то время пьян? С ним это, по-моему, часто случается.

Брок запнулся:

– Испытаний на алкогольные пары я не проводил. Не могу утверждать с уверенностью.

– Поглощал ли он в вашем присутствии спиртные напитки?

– Не знаю, были ли напитки спиртными...

– Если их потреблял мистер Гэллегер, значит были. Что и требовалось доказать. Я когда-то приглашал этого джентльмена в качестве эксперта... Значит, доказательств того, что вы заключили с мистером Гэллегером соглашение, не существует. Ответчик же – «Сонатон» – представил письменный контракт. Подпись Гэллегера признана подлинной.

Хэнсон знаком отпустил Брока со свидетельской скамьи.

– Теперь вы, мистер Гэллегер. Подойдите, пожалуйста. Спорный контракт был подписан вчера, приблизительно в восемь часов вечера. Вы категорически отрицаете свою причастность. Утверждаете, будто вещественное доказательство номер один, прибегнув к гипнозу, притворилось вами и успешно подделало вашу подпись. Я консультировался с экспертами, и все они единодушно считают, что роботы на такие чудеса не способны.

– Мой робот – нового типа.

– Очень хорошо. Пусть ваш робот загипнотизирует меня так, чтобы я поверил, будто он – это вы или кто-нибудь третий. Пусть предстанет передо мной в любом облике, по своему выбору.

– Попытаюсь, – сказал Гэллегер и покинул свидетельское место. Он подошел к столу, где лежал робот в смирительной рубашке, и мысленно прочел молитву. – Джо!

– Да?

– Ты слышал?

– Да.

– Загипнотизируешь судью Хэнсона?

– Уйди, – ответил Джо. – Я занят – люблюсь собой.

Гэллегер покрылся испариной.

– Послушай. Я ведь немного прошу. Все, что от тебя требуется...

Джо закатил глаза и томно сказал:

– Мне тебя не слышно. Я пространствлю.

Через десять минут судья Хэнсон напомнил:

– Итак, мистер Гэллегер...

– Ваша честь! Мне нужно время. Я уверен, что заставлю этого пустоголового нарцисса подтвердить мою правоту, дайте только срок.

– Здесь идет справедливый и беспристрастный суд, – заметил судья. – В любое время, как только вам удастся доказать, что вещественное доказательство номер один умеет гипнотизировать, я возобновлю слушание дела. А пока что контракт остается в силе. Вы работаете на «Сонатон», а не на «Вокс-вью». Судебное заседание объявляю закрытым.

Он удалился. С противоположного конца зала Тоны бросали на противников ехидные взгляды. Потом они тоже

ушли в сопровождении Силвер О'Киф, которая наконец-то смекнула, кого выгоднее держаться. Гэллегер посмотрел на Пэтси Брок и беспомощно пожал плечами.

– Что делать, – сказал он.

Девушка криво усмехнулась:

– Вы старались. Не знаю, усердно ли, но... Ладно. Кто знает, может быть, все равно вы бы ничего не придумали.

Шатаясь, подошел Брок, на ходу утирая пот со лба:

– Я погиб. Сегодня в Нью-Йорке открылись еще шесть контрабандных театров. С ума сойти.

– Хочешь, я выйду замуж за Тона? – сардонически осведомилась Пэтси.

– Нет, черт возьми! Разве что ты обещаешь отравить его сразу же после венчания. Эти гады со мной не справятся. Что-нибудь придумаю.

– Если Гэллегер не может, то ты и подавно, – возразила девушка. – Ну так что теперь?

– Вернусь-ка я в лабораторию, – сказал ученый. – *In vino veritas*¹⁴. Все началось, когда я был пьян, и, возможно, если я как следует напьюсь опять, все выяснится. Если нет, продайте мой труп, не торгуясь.

– Ладно, – согласилась Пэтси и увела отца.

Гэллегер вздохнул, распорядился об отправке Джо в той же карете и погрузился в безнадежное теоретизирование.

¹⁴ Истина в вине (*лат.*).

Часом позже Гэллегер валялся на тахте в лаборатории, с увлечением манипулировал алкогольным органом и бросал свирепые взгляды на робота, который скрипуче распевал перед зеркалом. Запой грозил стать основательным. Гэллегер не был уверен, под силу ли такая пьянка простому смертному, но решил держаться, пока не найдет ответа или не свалится без чувств.

Подсознание знало ответ. Прежде всего, на кой черт он сделал Джо? Уж наверняка не для того, чтобы потакать нарциссову комплексу! Где-то в алкогольных дебрях скрывалась другая причина, здравая и логичная.

Фактор x . Если знать этот фактор, можно найти управу на Джо. Тогда бы робот стал послушен; x – это главный выключатель. В настоящее время робот, если можно так выразиться, не объезжен и потому своенравен. Если поручить ему дело, для которого он предназначен, может наступить психологическое равновесие; x – катализатор, x низведет Джо до уровня вменяемости.

Отлично. Гэллегер хлебнул крепчайшего рома. Ух!

Суета сует и всяческая суета. Как найти фактор x ? Дедукцией? Индукцией? Осмосом? Купанием в шампанском?.. Гэллегер пытался собраться с мыслями, но те стремительно разбегались. Что же было в тот вечер, неделю назад?

Он пил пиво. Брок пришел, Брок ушел. Гэллегер стал делать робота... Ага. Опьянение от пива отличается от опьянения, вызванного более крепкими напитками. Может быть,

он пьет не то, что нужно? Вполне вероятно. Гэллегер встал, принял тиамин, чтобы протрезветь, извлек из кухонного холодильника несколько десятков жестянок с импортным пивом и сложил их столбиками в подоконном холодильнике возле тахты. Он воткнул в одну банку консервный нож, и пиво брызнуло в потолок.

Фактор x . Робот-то знает, чему равен x . Но Джо ни за что не скажет. Вон он стоит, нелепо прозрачный, разглядывает вертящиеся колесики в своем чреве.

– Джо!

– Не мешай. Я погружен в размышления о прекрасном.

– Ты не прекрасен.

– Нет, прекрасен. Разве тебя не восхищает мой тарзил?

– А что это такое?

– Ах, я и забыл, – с сожалением ответил Джо. – Твои чувства его не воспринимают, не так ли? Если на то пошло, я построил тарзил сам, уже после того, как ты меня сделал. Он необычайно красив.

– Угу.

Пустых банок из-под пива скапливалось все больше. В мире осталась только одна фирма – какая-то европейская, – которая по-прежнему продавала пиво в жестянках, а не в вездесущих пластиколбах. Гэллегер предпочитал жестянки: они придают пиву особый вкус. Но вернемся к Джо. Джо знает, для чего создан. Или нет? Сам Гэллегер не знает, но его подсознание...

Стоп! А как насчет подсознания у Джо?

Есть ли у робота подсознание? Ведь если у него есть мозг...

Гэллегер грустно раздумывал о том, что нельзя подействовать на Джо «наркотиком правды». Черт! Как растормозить подсознание робота?

Гипнозом.

Но Джо невозможно загипнотизировать. Он слишком ловок.

Разве что...

Самогипноз?

Гэллегер поспешно долил себя пивом. К нему возвращалась ясность мышления. Предвидит ли Джо будущее? Нет. Его удивительные предчувствия основаны на неумолимой логике и на законах вероятности. Более того, у Джо есть ахиллесова пята – самовлюбленность.

Возможно (не наверняка, но возможно), выход есть.

Гэллегер сказал:

– Мне ты вовсе не кажешься красавцем, Джо.

– Какое мне дело до тебя. Я действительно красив, и я это вижу. С меня достаточно.

– М-да. Возможно, у меня меньше чувств. Я недооцениваю твоих возможностей. Но все же теперь я вижу тебя в новом свете. Я пьян. Просыпается мое подсознание. Я сужу о тебе и сознанием, и подсознанием. Понятно?

– Тебе повезло, – одобрил робот.

Гэллегер закрыл глаза:

– Ты видишь себя полнее, чем я тебя вижу. Но все-таки не полностью, верно?

– Почему? Я вижу себя таким, каков я на самом деле.

– С полным пониманием и всесторонней оценкой?

– Ну да, – насторожился Джо. – Конечно. А разве нет?

– Сознательно и подсознательно? У твоего подсознания, знаешь ли, могут оказаться другие чувства. Или те же, но более развитые. Я знаю, что, когда я пьян или под гипнозом или когда подсознание как-нибудь еще берет во мне верх, мое восприятие мира количественно и качественно отличается от обычного.

– Вот как. – Робот задумчиво поглядел в зеркало. – Вот как.

– Жаль, что тебе не дано напиться.

Голос Джо заскрипел сильнее, чем когда-либо:

– Подсознание... Никогда не оценивал своей красоты с этой точки зрения. Возможно, я что-то теряю.

– Что толку об этом думать, – сказал Гэллегер, – ведь ты же не можешь растормозить подсознание.

– Могу, – заявил робот. – Я могу сам себя загипнотизировать.

Гэллегер боялсядохнуть:

– Да? А подействует ли гипноз?

– Конечно. Займусь-ка этим сейчас же. Мне могут открыться неслыханные достоинства, о которых я раньше и не

подозревал. К вящей славе... Ну поехали.

Джо выпятил глаза на шарнирах, установил их один против другого и углубился в самосозерцание. Надолго воцарилась тишина.

Но вот Гэллегер окликнул:

– Джо!

Молчание.

– Джо!

Опять молчание. Где-то залаяли собаки.

– Говори так, чтобы я мог тебя слышать.

– Есть, – откликнулся робот; голос его скрипел, как обычно, но доносился словно из другого мира.

– Ты под гипнозом?

– Да.

– Ты красив?

– Красив, как мне и не мечталось.

Гэллегер не стал спорить.

– Властвует ли в тебе подсознание?

– Да.

– Зачем я тебя создал?

Никакого ответа. Гэллегер облизал пересохшие губы и сделал еще одну попытку:

– Джо! Ты должен ответить. В тебе преобладает подсознание – помнишь, ты ведь сам сказал. Так вот, зачем я тебя создал?

Никакого ответа.

– Припомни. Вернись к тому часу, когда я начал тебя создавать. Что тогда происходило?

– Ты пил пиво, – тихо заговорил Джо. – Плохо работал консервный нож. Ты сказал, что сам смастеришь консервный нож, побольше и получше. Это я и есть.

Гэллегер чуть не свалился с тахты:

– Что?

Робот подошел к нему, взял банку с пивом и вскрыл с невероятной ловкостью. Пиво не пролилось. Джо был идеальным консервным ножом.

– Вот что получается, когда играешь с наукой в жмурки, – вполголоса подытожил Гэллегер. – Сделать сложнейшего в мире робота только для того, чтобы... – Он не договорил.

Джо вздрогнул и очнулся.

– Что случилось? – спросил он.

Гэллегер сверкнул на него глазами.

– Открой вон ту банку! – приказал он.

Чуть помедлив, робот подчинился.

– Ага. Вы, значит, догадались. В таком случае я попал в рабство.

– Ты прав, как никогда. Я обнаружил катализатор – главный выключатель. Попался ты, дурень, как миленький, будешь теперь делать ту работу, для какой годен.

– Ну что ж, – стоически ответил робот, – по крайней мере, буду любоваться своей красотой в свободное время, когда вам не понадобятся мои услуги.

Гэллегер проворчал:

– Слушай, ты, консервный нож – переросток! Предположим, я отведу тебя в суд и велю загипнотизировать судью Хэнсона. Тебе ведь придется так и сделать, правда?

– Да. Я потерял свободу воли. Я ведь запрограммирован на выполнение единственной команды – на открывание банок с пивом. Пока мне никто не приказывал открывать банки, я был свободен. А теперь я должен повиноваться вам во всем.

– Угу, – буркнул Гэллегер. – Слава богу. Иначе я бы через неделю свихнулся. Теперь, по крайней мере, избавлюсь от контракта с «Сонатомом». Останется только решить проблему Брока.

– Но вы ведь уже решили, – вставил Джо.

– Чего?

– Когда сделали меня. Перед тем вы беседовали с Брокком, вот и вложили в меня решение его проблемы. Наверное, подсознательно.

Гэллегер потянулся за пивом.

– Ну-ка, выкладывай. Каков же ответ?

– Инфразвук, – доложил Джо. – Вы наделили меня способностью издавать инфразвуковой сигнал определенного тона, а Брок в ходе своих телепередач должен транслировать его через неравные промежутки времени...

Инфразвуки не слышны. Но они ощущаются. Сначала чувствуешь легкое, необъяснимое беспокойство, потом

оно нарастает и переходит в панический страх. Это длится недолго. Но в сочетании с ЭМП – эффектом массового присутствия – дает превосходные результаты.

Те, у кого телевизор «Вокс-вью» стоял дома, почти ничего не заметили. Все дело было в акустике. Визжали коты; траурно выли собаки. Семьи же, сидя в гостиных у телевизоров, считали, что все идет как полагается. Ничего удивительного – усиление было ничтожным.

Другое дело – контрабандный театр, где на нелегальных телевизорах «Вокс-вью» стояли увеличители «Магна»...

Сначала появлялось легкое, необъяснимое беспокойство. Оно нарастало. Люди устремлялись к дверям. Публика чего-то пугалась, но не знала, чего именно. Знала только, что пора уносить ноги.

Когда во время очередной телепередачи «Вокс-вью» впервые воспользовался инфразвуковым свистком, по всей стране началось паническое бегство из контрабандных театров. О причине никто не подозревал, кроме Гэллегера, Брока с дочерью и двух-трех техников, посвященных в тайну.

Через час инфразвуковой сигнал повторился. Поднялась вторая волна паники, люди опять бежали из залов.

Через несколько недель ничем нельзя было заманить зрителя в контрабандный театр. Куда спокойнее смотреть телевизор у себя дома! Резко повысился спрос на телевизоры производства «Вокс-вью». Контрабандные театры перестали посещать. У эксперимента оказался и другой, неожиданный

результат: немного погодя все перестали посещать и легальные театры «Сонатона». Закрепился условный рефлекс.

Публика не знала, отчего, сидя в контрабандных театрах, все поддаются панике. Слепой, нерассуждающий страх люди объясняли всевозможными причинами, в частности большими скоплениями народа и боязнью замкнутого пространства.

В один прекрасный вечер некая Джейн Уилсон, особа ничем не примечательная, сидела в контрабандном театре. Когда был подан инфразвуковой сигнал, она бежала вместе со всеми.

На другой вечер Джейн отправилась в великолепный «Сонатон-Бижу». В середине драматического спектакля она поглядела по сторонам, увидела, что ее окружает бесчисленная толпа, перевела полные ужаса глаза на потолок и вообразила, будто он сейчас рухнет. Джейн захотела немедленно, во что бы то ни стало выйти!

Ее пронзительный крик вызвал небывалую панику. В зале присутствовали и другие зрители, которым довелось послушать инфразвук. Во время паники никто не пострадал: в соответствии с законом о противопожарной безопасности двери театра были достаточно широки. Никто не пострадал, но всем вдруг стало ясно, что у публики создан новый рефлекс – избегать толп в сочетании со зрелищами. Простейшая психологическая ассоциация...

Четыре месяца спустя контрабандные театры исчезли, а

супертеатры «Сонатона» закрылись из-за низкой посещаемости. Отец и сын Тоны не радовались. Зато радовались все, кто был связан с «Вокс-вью».

Кроме Гэллегера. Он получил от Брока головокружительный чек и тут же по телефону заказал в Европе невероятное количество пива в жестянках. И вот он хандрил на тахте в лаборатории и прополаскивал горло виски с содовой. Джо, как всегда, разглядывал в зеркале крутящиеся колесики.

– Джо, – позвал Гэллегер.

– Да? Чем могу служить?

– Да ничем. В том-то и беда.

Гэллегер выудил из кармана и перечитал скомканную телеграмму. Пивоваренная промышленность Европы решила сменить тактику. Отныне, говорилось в телеграмме, пиво будет выпускаться в стандартных пластиколбах в соответствии со спросом и обычаем. Конец жестянкам.

В эти дни, в этот век ничего не упаковывают в жестянки. Даже пиво.

Какая же польза от робота, предназначенного и запрограммированного для открывания жестянок?

Гэллегер со вздохом смешал с содовой еще одну порцию виски – на этот раз побольше. Джо гордо позировал перед зеркалом.

Внезапно он выпятил глаза, устремил их один в другой и быстро растормозил свое подсознание при помощи самогипноза. Таким образом Джо мог лучше оценить собственные

достоинства.

Гэллегер снова вздохнул. В окрестных кварталах лаяли собаки. Ну да ладно.

Он выпил еще и повеселел. «Скоро, – подумал он, – запою „Фрэнки и Джонни“». А что, если они с Джо составят дуэт – один баритон и одно неслышное ультразвуковое или инфразвуковое сопровождение? Будет полная гармония.

Через десять минут Гэллегер уже пел дуэтом со своим консервным ножом.

Гэллегер-Штрих

Мутный взгляд Гэллегера был устремлен сквозь окно туда, где должен был находиться задний двор. Ощущение при этом было тошнотворное, как будто желудок проваливался в ту нелепую, невероятную яму, что неожиданно-негаданно образовалась за окном. Ох и широка же эта яма! Ох и глубока! Пожалуй, достаточно глубока, чтобы вместить колоссальное похмелье изобретателя.

Или все-таки недостаточно?

Гэллегер хотел было заглянуть в календарь, но передумал. Отчего-то казалось, что похмелье длится уже несколько тысячелетий. Даже для человека его с его способностью к поглощению алкоголя это был поистине дьявольский бодун.

– Бодун, – жалобно произнес Гэллегер, ковывая к дивану и заваливаясь на него. – Отходняк – куда более выразительное слово. Бодун наводит на мысли о быках и будильниках, и да, они у меня в голове, режут и звенят хором. – Он вяло потянулся к крану алкогольного органа, но заколебался и вступил в разговор с желудком.

Гэллегер. Ну самую чуточку, ладно?

Желудок. Поосторожнее!

Гэллегер. Только опохмелки ради.

Желудок. О-хо-хонюшки!

Гэллегер. Ну перестань. Мне нужно выпить. У меня зад-

ний двор сгинул.

Желудок. Как я ему завидую...

Тут отворилась дверь, и вошел робот: под прозрачной шкурой быстро крутились шестеренки, колесики и валики. Гэллегер глянул на него и закрыл глаза, потея.

– Убирайся, – прорычал он. – Я проклинаяю тот день, когда соорудил тебя. Ненавижу твои мельтешащие потроха.

– Не умеешь ты ценить красоту, – обиженно произнес робот. – А я, между прочим, принес тебе пива.

– Гм... – Гэллегер взял из руки робота пластиковую бутылку и с жадностью к ней присосался, освежая глотку прохладной жидкостью с мятным вкусом. – Ахх... – выдохнул он, усаживаясь. – Полегчало. Правда, самую малость.

– Как насчет укола тиамина?

– У меня на него аллергия развилась, – уныло ответил роботу Гэллегер. – Жажда – мое проклятие. Гм... – Он посмотрел на алкогольный орган. – Может быть...

– По твою душу явился полицейский.

– Кто?

– Полицейский. Он уже давно здесь.

– О черт!.. – Гэллегер уставился в угол возле растворенного окна. – А это что за диво?

«Диво» было похоже на машину, но весьма необычную. Гэллегер разглядывал ее с недоумением, любопытством и толикой иронии. Не могло быть никаких сомнений, что он собрал собственноручно чертову штуковину. О чем напрочь

забыл. Именно так работал его сумбурный разум. Гэллегер не получил серьезного технического образования, но по какой-то непостижимой причине природа наделила его гениальностью. Точнее, гениальность досталась его подсознанию. Рассудок у Гэллегера был вполне нормальным, разве что изрядно рассеянным и зачастую одурманенным алкоголем. Но когда брало верх демоническое подсознание, руки могли сотворить все, что угодно. В один из таких запоев они сотворили робота, а потом несколько недель Гэллегер гадал, чем этому творению предполагалось заниматься. В конце концов выяснилось, что ничем особо полезным. Но Гэллегер все же оставил робота у себя, притерпевшись к его манере выискивать зеркала и тщеславно позировать перед ними, восхищаясь своими металлическими внутренностями.

«Значит, опять я мастерила, будучи в стельку пьян», – подумал Гэллегер.

А вслух сказал:

– Эй, дурак, сгоняй-ка еще за пивком. Да пошустрей!

Когда робот удалился, Гэллегер распрямил свое долговязое тело и побрел к машине, чтобы с любопытством ее рассмотреть. Она была выключена. Перекинутые через подоконник бледные гибкие щупальца толщиной с большой палец свисали этак на фут с края ямы, заменившей собой задний двор. А на концах у них...

Гм... Гэллегер вытянул щупальце и уставился на него. На конце металлическое кольцо. А щупальце-то полое! Стран-

но.

Машина была примерно двух ярдов в длину и смахивала на ожившую мусорную кучу. За Гэллегером водилась привычка пускать в дело все, что подвернется под руку. Если не находился нормальный соединитель, изобретатель хватал ближайший пригодный предмет – крючок с ботинка или плечики для пальто.

По этой причине качественный анализ уже собранного устройства никогда не бывал прост. Вот, к примеру, что умеет делать эта опутанная проводами волокнистая утка, с самодовольным видом угнездившаяся на антикварной вафельнице?

– В этот раз я совсем спятил, – сделал вывод Гэллегер. – Но вопреки обыкновению не влип в неприятности. Где же пиво?

Робот стоял перед зеркалом, зачарованно разглядывая содержимое живота.

– Что? Пиво? Да вот же оно. Я лишь на секундочку задержался, чтобы чуть-чуть полюбоваться собой.

Гэллегер назвал робота нехорошим словом, но пластиковую бутылку у него забрал. Озадаченно моргая и кривя костистое вытянутое лицо, он смотрел на стоящее у окна устройство. Что же собой представляет конечный продукт?

Волнистые трубки тянулись от большой загрузочной коробки, в которую Гэллегер превратил мусорное ведро. Коробка была закрыта наглухо, и от нее шла изогнутая трубка

к миниатюрной динамо-машине. Или к ее эквиваленту?

«Вряд ли это динамо-машина, – размышлял Гэллегер. – Они вроде огромные. Или не обязательно? Эх, жаль, не получил я технического образования. Как же мне разобраться с этой штуковиной?»

Сплошные загадки. Взять хотя бы этот квадратный серый металлический шкафчик. Гэллегер ненадолго отвлекся на попытку измерить его объем в кубических футах. Получилось четыреста восемьдесят шесть, и это был явно неверный ответ, поскольку шкафчик имел размеры восемнадцать на восемнадцать на восемнадцать дюймов.

Шкафчик был заперт; Гэллегер решил заняться им позже. Он продолжил исследования. Сколько же тут узлов, непонятно как работающих... А на противоположном торце машины – колесико диаметром дюйма четыре, с узким желобом на ободке.

– Конечный продукт, конечный продукт... Что же ты за конечный продукт? Эй, Нарцисс!

– Меня зовут не Нарцисс, – обиженно отозвался робот.

– Что ты самый настоящий нарцисс, понятно с первого взгляда, а как тебя зовут, я и не помню, – прорычал Гэллегер. – И вообще, машинам имена без надобности. Подойди-ка.

– Чем могу служить? – спросил робот, приблизившись.

– Что это такое?

– Машина, – ответил робот. – И безусловно, ей далеко до

моей красоты.

– Надеюсь, пользы от нее будет побольше, чем от тебя. Что она умеет?

– Есть землю.

– Ух ты! Вот и объяснение ямы на заднем дворе.

– Тут нет заднего двора.

– Есть.

– Задний двор, – продекламировал робот в сумбурной манере Томаса Вулфа, – это не только задний двор, но и отрицание заднего двора. Это встреча в пространстве заднего двора и не заднего двора. Задний двор – локальная, ограниченная земля. Это явление, обусловленное своим собственным отрицанием.

– Сам-то хоть понял, что напел? – сурово спросил Гэллегер, которому не терпелось разобраться в ситуации.

– Да.

– Ну-ну. Ладно, не будем про задний двор. Я хочу знать, для чего построил эту машину.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? Я пару дней... да какое там, я целую неделю выключен.

– Ах да, помню. В то утро ты позировал перед зеркалом и не давал мне побриться.

– Это вопрос художественной целостности. Грани моего функционального лица куда гармоничней и драматичней, чем у твоей физиономии.

– Вот что, Нарцисс, – процедил Гэллегер, с трудом дер-

жа себя в руках, – я пытаюсь кое-что выяснить. Или этот факт отскакивает от граней твоего чертова мозга, как горох от стенки?

– Разумеется, я не могу тебе помочь, – холодно ответил Нарцисс. – Ты меня снова включил сегодня утром и забылся пьяным сном. Машина была уже достроена, но не действовала. Я прибрался в доме и любезно принес тебе пива, когда ты проснулся и стал, по своему обыкновению, жаловаться на похмелье.

– Ну а раз так, любезно принеси мне еще пива и заткнись.

– А как быть с полицейским?

– Ох... Я про него забыл. Пожалуй, надо с ним поговорить.

Нарцисс вышел, ступая бесшумно – хозяин оснастил его мягкими подошвами. Гэллегер подошел к окну и с содрогающим взглядом взглянул на невероятную яму. Как она возникла? Почему?

Напрасно он рылся в памяти. Разумеется, подсознание знало ответ, но держало его под надежным замком.

Как ни крути, не мог Гэллегер построить машину, не имея на то серьезной причины. Или мог? Его подсознание обладало логикой, но это была очень специфическая, вывихнутая логика. Нарциссу изначально отводилась роль идеальной откровенщицы для пивных банок.

Вернулся робот, а следом вошел мускулистый парень в щегольском мундире.

– Мистер Гэллегер?

– Ага.

– Мистер Галлоуэй Гэллегер?

– Ответ опять «ага». Чем могу помочь?

– Принять судебную повестку. – Полицейский вручил Гэллегеру сложенный лист бумаги.

Содержащиеся в повестке перлы юридической фразеологии почти ничего Гэллегеру не сказали.

– Кто такой Делл Хоппер? – спросил он. – Никогда не слышал.

– Вопрос не по адресу, – проворчал полицейский. – Мое дело – повестку вручить, а больше я ничего не знаю.

Он ушел. Гэллегер уткнулся в бумагу. Что за абракадабра?..

Так и не сообразив, что еще можно предпринять, он связался по видеofону с юрисконсультom, потом обратился в бюро юридической информации и узнал, что адвокатские услуги Хопперу оказывает некто Тренч, специалист по корпоративному праву. Звонки в его конторе принимала целая толпа секретарш, но путем угроз, ругани и мольбы Гэллегер прорвался к самому боссу.

На экране появилось лицо типичного сухаря: худоба, седина, усы щеточкой. Под стать оказался и голос, резкий, как скрежет напильника.

– Мистер Гэллегер? Я вас слушаю.

– Вот что, – сказал Гэллегер, – мне сейчас принесли су-

дебную повестку...

– А-а, так вы ее получили. Прекрасно.

– Что значит прекрасно? Я понятия не имею, почему должен явиться в суд.

– Забыли? – скептически произнес Тренч. – Надеюсь, мне удастся освежить вашу память. Мой клиент, человек мягко-сердечный, привлекает вас к суду не за оскорбления, не за угрозу физического насилия и даже не за нападение с целью нанесения увечий. Он всего лишь хочет вернуть свои деньги. Или получить равноценную компенсацию.

Гэллегер зажмурился и содрогнулся:

– Что-что?.. Оскорбление?

– Вы его назвали, – ответил Тренч, заглянув в пухлое dossier, – утколапым тараканом, грязным неандертальцем... а еще не то вонючим козлом, не то вонючей козявкой. Оба словосочетания являются уничижительными. Кроме того, вы отвесили ему пинка.

– Когда это случилось? – пролепетал Гэллегер.

– Три дня назад.

– И... вы упомянули деньги?

– Тысячу кредитов, выданных вам авансом.

– Аванс? На что?

– На заказ, который вы подрядились выполнить. В детали я не посвящен, но это не отменяет того факта, что заказ не выполнен и деньги не возвращены.

– О-ох... А кто такой этот Хоппер?

– «Хоппер энтерпрайзис инкорпорейтед». Делл Хоппер, антрепренер и импресарио. Впрочем, уверен, вы все это знаете. Увидимся в суде, мистер Гэллегер. А сейчас прошу извинить, я крайне занят. Сегодня мне выступать в качестве обвинителя, и я не сомневаюсь, что обвиняемый получит большой тюремный срок.

– А что он натворил? – вяло поинтересовался Гэллегер.

– Угрозы и побои, – ответил Тренч. – Простейшее дело. До свидания.

Его лицо исчезло с экрана. Гэллегер хлопнул себя по лбу и закричал, требуя пива. Он подошел к рабочему столу, присосался к пластиковой бутылке со встроенным охладителем и перерыл накопившуюся почту. Никакого намека.

Тысяча кредитов... Он совершенно не помнил, как брал их. Может, кассовая книга подскажет?

Она подсказала. Несколько недель назад в ней появились такие записи:

Зак. от Д. Х. – упл. 1000.

Зак. от Д. У. – упл. 1500.

Зак. от Толстяка – упл. 800.

Три тысячи триста кредитов! Но в банковской книжке эта сумма не отмечена. Там фигурирует только снятие семисот кредитов; на счету осталось около полутора тысяч.

Гэллегер застонал и снова обыскал рабочий стол. Под пресс-папье лежал ранее не замеченный конверт. В нем обнаружались акции, как привилегированные, так и обыкновенные.

венные – организации под названием «Устройства анлимитед». Прилагающееся письмо уведомляло о получении четырех тысяч кредитов, в обмен на которые согласно договоренности мистеру Галлоуэю Гэллегеру выданы акции...

– Обалдеть! – произнес Гэллегер и хлебнул пива.

Его мозг лихорадочно трудился. Как же случилось, что Д. Х. – Делл Хоппер – заплатил ему тысячу кредитов за изготовление не-знаю-чего, некто с инициалами Д. У. выдал полторы тысячи с аналогичной целью, а сквалыга Толстяк положил на счет всего лишь восемь сотен?

Почему?

Ответ знало только безумное подсознание. Эта смекалистая сущность ловко организовала сделки, собрала денежки с заказчиков, опустошила банковский счет Гэллегера и купила акции «Устройств анлимитед». Ну и дела!

Гэллегер снова воспользовался видеофоном, чтобы связаться со своим биржевым маклером.

– Эрни?

– Здорово, Гэллегер, – отозвался Эрни, глядя с настольного экрана. – Случилось что-то?

– Случилось. Я крепко влип. Скажи-ка, я в последнее время покупал какие-нибудь акции?

– Конечно. УА – «Устройства анлимитед».

– Ну а теперь я хочу их продать. Срочно понадобились наличные.

– Минутку. – Эрни понажимал кнопки.

Гэллегер знал, что текущие котировки высвечиваются у маклера на стене.

– Ну?

– Плохо дело. Они улетели вниз. Предлагаются по четыре, никто не берет.

– А я почему брал?

– По двадцать.

Из глотки Гэллегера исторгся вой раненого волка.

– По двадцать? И ты позволил?

– Я пытался тебя отговорить, – устало ответил Эрни. – Объяснял, что акции УА дешевеют. Задержка из-за проблем с конструированием важной техники, что-то вроде этого. А ты заявил, будто располагаешь инсайдерской информацией. Что я мог поделаться?

– Выбить мне мозги, – буркнул Гэллегер. – К черту, поздно жалеть. Я брал еще какие-нибудь акции?

– Сотню от «Марсианского золотого дна».

– Их можно сбыть?

– Можно. Получишь двадцать пять кредитов за весь пакет.

– О чем с утра трубят рожки?¹⁵ – пробормотал Гэллегер.

– Чего?

– Да это я с ужасом заглядываю в будущее.

– Знаю-знаю! – обрадовался Эрни. – «Дэнни Дивер».

– Точно, – подтвердил Гэллегер. – Споешь это на моих

¹⁵ Первая строка стихотворения Р. Киплинга «Дэнни Дивер», в котором рассказывается о казни солдата. Перевод С. Тхоржевского.

похоронах, дружище. – И он прервал связь.

Что, во имя всего святого и несвятого, побудило его купить акции УА?

И что он пообещал Деллу Хопперу, владельцу «Хоппер энтерпрайзис»?

Кто такие Д. У. (полторы тысячи кредитов) и Толстяк (восемьсот кредитов)?

Почему вместо заднего двора теперь дыра в земле?

Что и для чего изобрела непостижимая машина его подсознания?

Он включил на видеофоне режим телефонного справочника, покрутил колесико, нашел «Хоппер энтерпрайзис» и позвонил.

– Мне бы поговорить с мистером Хоппером.

– Ваша фамилия?

– Гэллегер.

– Обратитесь к нашему адвокату мистеру Тренчу.

– Уже обращался, – сказал Гэллегер. – Послушайте...

– Мистер Хоппер занят.

– Передайте ему, – торопливо произнес Гэллегер, – у меня есть то, что ему нужно.

Это подействовало. На экране сфокусировался Хоппер – бычьего сложения, седогривый, с беспощадными смоляными глазами, с носом точно клюв. Он двинул к экрану тяжелую челюсть и проревел:

– Гэллегер? Да я тебя в порошок сотру! – И вдруг сменил

тон: – Ты звонил Тренчу? Ага, значит, подействовало. Понял уже, что я могу в два счета упрятать тебя за решетку?

– Да, но, может...

– Не может! Думаешь, в моих привычках лично наведываться к каждому чокнутому изобретателю, подрядившемуся выполнить для меня работу? Если бы мне не прожужжали все уши, какой ты суперский спец, я бы еще неделю назад потащил тебя в суд!

Изобретатель?

– Дело в том, – кротко начал Гэллегер, – что я болел...

– Да ни черта подобного, – грубо перебил его Хоппер. – Ты был в стельку пьян. А я не имею обыкновения платить за пьянство. Или забыл, что та тысяча кредитов – только часть гонорара и что я обещал добавить еще девять?

– Девять? Н-нет... Девять тысяч?

– Да к тому же премию за срочность. Учти, у тебя еще есть шанс ее получить – прошла только пара недель. Но если не справишься в срок, пеняй на себя. Я уже выхлопотал разрешение на строительство заводов, мои разведчики ищут по всей стране подходящие кинотеатры. Это годится для небольших помещений, Гэллегер? Постоянный доход дадут они, а не громадные кинозалы.

– Тчвук... – булькнул горлом Гэллегер. – Э-э-э...

– Оно у тебя? Сейчас же приеду и посмотрю.

– Подождите! Может, все-таки позвольте мне ее малость подшлифовать?

– Концепция – вот что мне нужно, – сказал Хоппер. – Если она годится, дальше будет проще. Я позвоню Тренчу и велю отозвать иск. До скорого. – Он отключился.

– Пива! – вскричал Гэллегер. – И бритву, – добавил он, когда Нарцисс затопал к выходу из комнаты. – Хочу перерезать себе горло.

– Почему? – спросил робот.

– Чтобы тебя порадовать. Ступай за пивом.

Нарцисс принес пластиковую бутылку.

– Не понимаю, почему ты пребываешь в таком подавленном настроении, – произнес он. – Не лучше ли пребывать в восторженном любовании моей красотой?

– Бритва – это выход, – мрачно проговорил Гэллегер. – Самый лучший выход. Три клиента, двух из них я совершенно не помню. Каждый поручил мне задачу, которую я тоже начисто забыл. Кошмар...

– Давай попробуем прибегнуть к индукции, – предложил Нарцисс. – Эта машина...

– Ну машина. Что дальше?

– Получая заказы, ты обычно напиваешься до состояния, когда подсознание берет верх и выполняет работу. А когда дело сделано, ты трезвеешь и все забываешь. Видимо, так было и в этот раз. Ты соорудил машину, верно?

– Верно, – кивнул Гэллегер. – Но для кого из трех клиентов? Я даже не помню, для чего она предназначена.

– Можно это выяснить опытным путем?

– А-а... Ну да, можно. Что-то я нынче туплю.

– Ты всегда тупишь, – упрекнул Нарцисс. – А еще ты очень уродлив. Чем дольше я размышляю о моей идеальной красоте, тем сильнее мне жаль людишек.

– Все, молчок! – рявкнул Гэллегер, осознав бессмысленность спора с роботом.

Он подошел к загадочной машине и еще раз ее осмотрел. Но ничего не щелкнуло в мозгу.

Увидев кнопку, Гэллегер нажал ее. Машина запела «Сент-Джеймсскую больницу»¹⁶:

...навестить мою милашку.

Она лежала на мраморном столе...

– Я понял, – проговорил Гэллегер в приступе отчаяния. – Кто-то попросил меня изобрести фонограф.

– Подожди. – Нарцисс вытянул руку. – Выгляни в окно.

– В окно. Угу. Ну и что там, за окном? Ох!..

Гэллегер обессиленно оперся на подоконник. Он задыхался; ноги его не держали. Вот это да!

И все же чего-то такого следовало ожидать.

Трубки, пучком выходящие из машины, оказались телескопическими. Невероятным образом протянувшись до дна ямы, аж на тридцать футов, они ходили там кругами, точно шланги взбесившихся пылесосов. Кружение это было таким стремительным, что Гэллегер видел лишь расплывчатые по-

¹⁶ «Сент-Джеймсская больница» – американский блюз неизвестного происхождения, прославившийся в исполнении Луиса Армстронга.

лосы.

Как будто наблюдаешь за мечущимися в пляске святого Витта змеями горгоны Медузы.

– Видишь, как они носятся? – задумчиво произнес Нарцисс, тяжело навалившись на Гэллегера. – Теперь понятно, откуда взялась яма. Они пожирают землю.

– Ага, – согласился изобретатель, отстраняясь от окна. – Интересно зачем. Земля... Гм... Сырье?

Он повернулся к машине, которая плаксиво выводила:

...Она может обыскать весь огромный мир,
Но никогда не найдет такого мужчину, как я...

– Электрические соединители, – размышлял Гэллегер, разглядывая машину. – Земля поступает сюда, в бывшее мусорное ведро. А что потом? Бомбардировка электронами? Протоны, нейтроны, позитроны... Хотел бы я знать смысл этих слов, – посетовал он. – Эх, если б я учился в колледже...

– Позитрон – это...

– Не рассказывай! – взмолился Гэллегер. – У меня ведь только с семантикой проблемы. Мне доступен только интенционал, но его не выразить словами.

– А экстенционал на что? – возразил Нарцисс.

– Мне он не помощник. «Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин», – сказал Шалтай-Болтай¹⁷. В моем случае хозяин –

¹⁷ В книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

слово. Меня страшат эти проклятые слова, я просто невосприимчив к их экстенциональным значениям.

– Ну и глупо, – сказал робот. – У слова «позитрон» абсолютно ясный смысл.

– Это для тебя он ясен. А для меня элементарные частицы – ватага малышей с рыбьими хвостами и зелеными усами. Вот почему я никогда не смогу разобраться, на что способно мое подсознание. Я вынужден прибегать к символической логике, а символы... Баста! – рыкнул Гэллегер. – Что еще за дискуссии о семантике с роботом?

– Ты первый начал, – сказал Нарцисс.

Гэллегер метнул в него недобрый взгляд и вернулся к таинственной машине. Та по-прежнему пожирала землю и пела «Сент-Джеймсскую больницу».

– Интересно, почему именно эта песня?

– Так ты сам ее напеваешь, когда пьян. Предпочтительно в этом помещении, где орган.

– Это ничего не объясняет, – буркнул Гэллегер.

Он вернулся к изучению машины. Та работала быстро и ровно, заметно выделяя тепло и местами дым. Гэллегер нашел смазочный клапан, схватил банку с маслом, налил. Дым прекратился, а с ним заодно и слабый запах гари.

– И ничего-то она не выдает на-гора, – произнес Гэллегер после долгой паузы, посвященной сумбурным размышлениям.

– Посмотри сюда, – указал робот на шустро вращающееся

желобчатое колесо.

Гэллегер пригляделся. Сразу над колесом обнаружилось узкое круглое отверстие в гладком цилиндрическом корпусе. Но и оттуда ничего не выходило.

– Опусти рубильник, – велел Гэллегер.

Нарцисс подчинился. Лязгнула заслонка, остановилось колесо, утихла музыка. Протянувшиеся за окно щупальца перестали кружиться и сократились до первоначальной длины.

– Да, конечный продукт явно отсутствует, – отметил Гэллегер. – Она ест землю и, сколько бы ни съела, все переваривает. Абсурд...

– Уверен?

– Абсолютно. В земле содержатся химические элементы. Кислород, азот... Нью-Йорк стоит на граните, а это алюминий, натрий, кремний – уйма всего. Так что никакими физическими или химическими трансформациями деятельность этой машины не объяснить.

– Хочешь сказать, из машины что-нибудь непременно должно выходить?

– Вот именно, – ответил Гэллегер. – И если бы обстояло так, мне было бы куда легче на душе. Пусть бы она выдавала обыкновенную грязь.

– Она выдает музыку, – заметил Нарцисс. – Если только можно назвать музыкой этот визг.

– Мне не напрячь мозг так сильно, чтобы он взялся обду-

мывать столь идиотскую гипотезу, – отчеканил Гэллегер. – Не спорю, мое подсознание маленько того. Но у него есть логика, пускай и вывихнутая. Я бы никогда в жизни не изобрел машину, предназначенную для превращения земли в музыку, даже будь это возможно в принципе.

– Но ведь она ничем другим не занимается, согласись.

Гэллегер не удостоил робота контраргументом. Он хотел было потребовать еще пива, но отверг эту идею и велел алкогольному органу соорудить тонизирующий коктейль из нескольких алкогольных напитков. После чего уселся на генератор, украшенный броской табличкой со словом «Монстр». Однако вскоре исправил ошибку – переместился на меньший генератор, по прозвищу Бурчун. На Бурчуне Гэллегеру всегда размышлялось лучше.

Коктейль смазал ему мозги, подстегнул их спиртовыми парами. Машина, не дающая конечного продукта... Земля, превращающаяся в ничто... Гм... Не может материя исчезать, точно кролик в шляпе фокусника. Она куда-то девается. Превращается в энергию? Очевидно, нет. Машина не вырабатывает энергию. Напротив, гнезда и провода говорят о том, что она потребляет электричество.

Из этого следует...

Да ничего из этого не следует.

А если взглянуть под другим углом?

Подсознание Гэллегера, Гэллегер-Штрих, изобрело устройство, исходя из каких-то логичных соображений. Эти

соображения подкреплялись денежными авансами. Три человека независимо друг от друга заплатили три тысячи триста кредитов, по всей вероятности, для того, чтобы Гэллегер сделал три разных устройства.

Кто из этих троих заказал машину, пожирающую землю?

Что, если посмотреть на это как на уравнение? Назовем клиентов a , b и c . Цель изготовления машины – конечно, не саму машину – обозначим как x . Тогда a (или) b (или) c равняется x .

Не совсем так. Не может a соответствовать Деллу Хопперу; a – это то, чего он хочет. А то, чего он хочет, по логике и есть предназначение машины.

То же самое можно сказать и о таинственном Д. У. и не менее загадочном Толстяке.

Впрочем, Толстяк чуть менее загадочен. Была у Гэллегера какая-никакая ниточка. Если Д. У. мы обозначили буквой b , то этот Толстяк – c плюс добавочный вес. Присвоим добавочному весу символ d и что получим?

Дозу алкоголя.

Гэллегер потребовал пива, и Нарциссу пришлось отвлечься от позирования перед зеркалом. Изобретатель стучал пятками по Бурчуну и морщил лоб, забыв смахнуть упавшую на глаза длинную прядь темных жидких волос.

Тюрьма?

Ну уж дудки! Должен существовать какой-то другой вариант, надо только его отыскать. А что там с акциями фирмы

УА? Почему Гэллегер-Штрих потратил на них четыре тысячи кредитов?

Если найдется ответ на этот вопрос, возможно, дальше будет проще. Гэллегер-Штрих ничего просто так не делает.

Кстати, что собой представляют «Устройства анлимитед»? Изобретатель сел за видеофон и включил «Кто есть кто в Манхэттене». Ему повезло: «Устройства анлимитед» были зарегистрированы в штате Нью-Йорк и имели на его территории офисы. На экране появилась страница фирмы:

УСТРОЙСТВА АНЛИМИТЕД
КОНСТРУИРУЕМ ВСЕ!
КРАСНЫЙ 5-1400-М

Номер видеофона? Это уже кое-что.

Едва Гэллегер нажал на красную клавишу, подал голос дверной звонок и вынудил Нарцисса отлипнуть от зеркала. Вскоре робот вернулся в компании бизоноподобного мистера Хоппера.

– Прости, что задержался, – громыхнул гость. – Мой шофер погнался на красный свет, и нас остановил полицейский. Ох и задал же я ему!

– Шоферу?

– Полицейскому. Ну и где оно?

Гэллегер облизал губы. Неужели и вправду Гэллегер-Штрих отвесил пинка этому человеку-горе?

Мысль не из тех, которым хочется уделить время.

Гэллегер указал в сторону окна:

– Вот.

Угадал ли он? Неужели и вправду Хоппер заказал машину для поедания земли?

У здоровяка округлились от изумления глаза. Подозрительно покосившись на Гэллегера, он подступил к устройству, рассмотрел его с разных ракурсов. Выглянул в окно, но зрелище не вызвало интереса. Наконец он с недоуменной миной на лице повернулся к изобретателю.

– Ты это имел в виду? Абсолютно новый принцип, да?

Не получивший никакой подсказки Гэллегер изобразил чахлую улыбку. Хоппер выжидающе смотрел на него.

– Ладно, – процедил гость, – что насчет практического применения?

Гэллегер отчаянно искал выход из безнадежной ситуации.

– Я продемонстрирую, – сказал он наконец.

Изобретатель пересек помещение и повернул рубильник. Машина в тот же миг затянула «Сент-Джеймсскую больницу», выпростала щупальца и принялась поглощать землю. Открылось отверстие в цилиндре, закрутилось желобчатое колесо.

Хоппер ждал. Некоторое время спустя он спросил:

– И что?

– Вам не нравится?

– Что значит – не нравится? Я еще даже не знаю, что она делает. У нее хоть экран-то есть?

– Конечно, – ответил совершенно растерявшийся Гэлле-

гер. – Внутри вот этого цилиндра.

– Внутри чего? – Косматые брови надвинулись на смоляные глаза. – Цилиндра?

– Угу...

– Какого... – У Хоппера, похоже, сперло дыхание. – Какого черта он там делает? А где рентгеновские глаза?

– А что, они нужны? – пролепетал Гэллегер, слабея от непонимания. – Вы заказывали экран с рентгеновскими глазами?

– Да ты, я вижу, так и не протрезвел! – зарычал Хоппер. – Или свихнулся?

– Постойте-ка... Возможно, я ошибся...

– Ошибся?!

– Ответьте только на один вопрос. Что именно я должен был изготовить?

Хоппер сделал три глубоких вдоха, а затем ледяным тоном, чеканя слова, сказал:

– Я спрашивал, способен ли ты собрать устройство для проецирования трехмерных изображений, чтобы их можно было рассматривать спереди, сбоку, сзади, с любых углов и чтобы не было искажений. Ты ответил утвердительно, и я положил на твой счет тысячу кредитов. А еще заключил договоры с парой фабрик, чтобы незамедлительно приступить к производству аппаратов. Поручил агентам искать подходящие кинотеатры. Подготовил рекламную кампанию для продажи домашних телевизоров. А теперь, мистер Гэллегер, я

поеду к моему адвокату и потребую, чтобы он стер вас в порошок.

Хоппер вышел, возмущенно фыркая. Робот тихо затворил дверь, вернулся и, не дожидаясь приказа, сбегал за пивом. Гэллегер отмахнулся.

– Воспользуюсь органом, – простонал он и смешал ядреное пойло. – Нарцисс, выруби проклятую машину. Сил моих больше нет...

– Что ж, одна загадка уже решена, – ободряюще заговорил робот. – Устройство ты сделал не для Хоппера.

– Верно, верно. Я его сделал для... Или для Д. У., или для Толстяка. И как же мне узнать, кто они такие?

– Тебе надо отдохнуть, – сказал робот. – Почему бы не расслабиться и не насладиться моим мелодичным голосом? Я что-нибудь почитаю вслух.

– Он не мелодичный, – машинально ответил Гэллегер. – Скрипучий, как ржавая дверная петля.

– Только для твоих ушей. Мои органы чувств воспринимают его иначе. Между прочим, твоя речь для меня – кваканье жабы-астматички. Ты видишь меня совсем не так, как я сам себя вижу; то же относится и к слуховому восприятию. Но это, кстати, и к лучшему. Иначе бы ты лишился чувств от восхищения.

– Нарцисс, – терпеливо проговорил Гэллегер, – я пытаюсь думать. Не окажешь ли услугу, не захлопнешь ли металлическую пасть?

– Меня зовут не Нарцисс, – сказал робот. – Я Джо.

– Я тебя переименовал. Давай-ка попробуем связаться с «Устройствами анлимитед». Какой там номер?

– Красный пятьдесят один сорок эм.

– Точно.

Гэллегер засел за видеофон. Секретарша была весьма любезна, но смогла сообщить крайне мало полезного.

«Устройства анлимитед» – что-то вроде головной компании холдинга. Раскинула щупальца по всему миру. Когда появляется заказ, УА через своих агентов находит исполнителя и обтяпывает дельце. Фокус в том, что УА выделяет на это деньги из собственного фонда и зарабатывает на процентах. Подробности оказались настолько сложными, что Гэллегер предпочел не вникать.

– И что, никаких бумаг с моей фамилией? Жаль... Может, подскажите, кто такой Д. У.?

– Д. У.? Сожалею, сэр, но по одним инициалам...

– Я знаю только инициалы. И это очень важный вопрос, – настаивал Гэллегер.

Наконец он добился своего. В УА только один сотрудник имел инициалы Д. У. – Джексон Уорделл. В настоящий момент он находился на Каллисто.

– И давно он там?

– С рождения, – последовал обескураживающий ответ. – Ни разу в жизни не бывал на Земле. Уверена, мистер Уорделл – не тот, кто вам нужен.

Гэллегер тоже так решил. Не было смысла спрашивать о Толстяке, поэтому он отключился и печально вздохнул. Что теперь?

Затрезвонил видеофон. На экране появилась лысая, пухлощекая голова с тревожно нахмуренным лбом. При виде изобретателя незнакомец облегченно хохотнул.

– Вот вы где, мистер Гэллегер! А я уже битый час дозваниваюсь. Что-то со связью. Вообще-то, я был уверен, что вы сами мне позвоните.

Гэллегер обмер. Это же Толстяк!

Слава богу, удача наконец повернулась к изобретателю лицом. Толстяк, восемьсот кредитов. За заказ. За какой заказ? На конструирование машины? Может, Гэллегер-Штрих сумел решить проблему Толстяка? Или этого Д. У.? Господи, пусть окажется, что Толстяк заказывал штуковину, которая будет есть землю и петь «Сент-Джеймсскую больницу»!

Изображение потускнело и замерцало, аппарат тихо затрещал. Толстяк перешел на скороговорку:

– Да, связь барахлит. Мистер Гэллегер, у вас получилось? Вы нашли метод?

– Конечно, – ответил Гэллегер.

Может, удастся вытянуть из этого человека хотя бы намек на то, что он заказывал...

– Ах как здорово! А то мне из УА уже который день навзванивают. Я отбиваюсь, но вечно ждать они не будут. Кафф идет напролом, а мне никак не обойти устаревший кодекс...

Экран погас.

Гэллегер чуть не откусил себе язык в бессильной ярости. Он встал из-за стола и принялся мерить шагами лабораторию. Нервы вибрировали от волнения.

Через секунду видеофон снова зазвонит. Толстяк выйдет на связь. Иначе и быть не может. И на этот раз первый вопрос Гэллегера будет таким: «Вы кто?»

Шло время.

Гэллегер застонал и сел за аппарат. Попросил оператора выяснить, откуда пришел вызов.

– Сожалею, сэр. Звонили из уличного видеофона. Такие вызовы не отслеживаются.

Через десять минут Гэллегер прекратил ругаться, сорвал свою шляпу с головы чугунного пса, когда-то украшавшего собой газон, и круто повернулся к двери.

– Отлучусь, – коротко известил он Нарцисса. – Пригляди за машиной.

– Ладно, но только одним глазком, – ответил робот. – Второй будет занят наблюдениями за моими очаровательными внутренностями. А почему бы тебе не выяснить личность Каффа?

– Кого?

– Каффа. Толстяк упомянул это имя. Сказал, что Кафф идет напролом...

– Точно! И еще он сказал, что не может обойти устаревший кодекс.

– Это законодательный акт.

– Я в курсе, что такое кодекс, – прорычал Гэллегер. – Чай, не слюнявый кретин. Попробую дозвониться до этого Каффа.

В справочнике значились шесть Каффов; трех Гэллегер исключил по половому признаку. Отмел и «Кафф-Линкс, произв. кооп.» Остались двое: Макс и Фредерик. Фредерик оказался тощим, лупоглазым и явно еще не достигшим избирательного возраста. Гэллегер одарил юнца убийственным взглядом и отключился, предоставив Фредерику полчаса гадать, кто это возник на его экране, скорчил дьявольскую гримасу и исчез, не сказав ни слова.

Зато оставался Макс Кафф, а еще надежда, что это тот, кто нужен Гэллегеру. Сомнения исчезли, когда дворецкий переключил вызов на офис в центре Манхэттена, а секретарша сообщила, что мистер Кафф проводит день в «Клубе социального прогресса».

– Вот даже как? Скажите, этот Кафф, кто он такой?

– Прошу прощения?

– Чем промышляет? В смысле, какой у него бизнес?

– У мистера Каффа нет бизнеса, – холодно ответила девушка. – Он олдермен.

А вот это уже интересно.

Гэллегер поискал шляпу, обнаружил ее у себя на голове и попрощался с роботом, который не потрудился ответить.

– Если опять позвонит Толстяк, – проинструктировал

Нарцисса изобретатель, – узнай его имя. Понял? И следи за машиной, а то вдруг примется мутировать или еще что-нибудь выкинет.

Итак, вроде бы удастся связать концы с концами.

Гэллегер вышел из дома. Дул холодный осенний ветер, сверху, с обсаженных деревьями автострад, слетали хрупкие листья. Мимо проплыло несколько авиатакси, но Гэллегер остановил наземный автомобиль: хотел видеть дорогу. Почему-то он сомневался, что от видефонного разговора с Максом Каффом был бы прок. С тем, кто может «идти напролом», следует обращаться осторожно.

– Куда, приятель?

– «Клуб социального прогресса». Знаешь, где это?

– Не-а, – ответил водитель. – Но найду. – Он воспользовался телесправочником на приборной панели. – В центре. Едем?

– Угу, – ответил Гэллегер и, откинувшись на сиденье, погружился в мрачные раздумья.

Что же за клиенты ему в этот раз достались, почему их столь трудно находить? Сущие привидения. Толстяк так и остался безымянным – просто лицо на экране, которое Гэллегер даже не запомнил. Кто такой Д. У., поди догадайся. Один лишь Делл Хоппер на виду, но это нисколько не радует. В кармане хрустит повестка в суд.

– Выпивка, – заговорил сам с собой изобретатель, – вот чего мне не хватает. Я слишком давно трезв, и это причина

моих неудач. Ох, проклятие...

Такси остановилось перед хороминой из стекла и кирпича, некогда роскошной, а теперь грязной, как будто заброшенной. Гэллегер вышел из машины, расплатился с водителем и поднялся по пандусу. Небольшая табличка утверждала, что это и есть «Клуб социального прогресса». Не обнаружив звонка, Гэллегер просто отворил дверь и вошел.

Тотчас у него раздулись ноздри, как у боевого коня, учувшего запах кордита. В этом здании наливают! Инстинкт, подобный голубиному, повел изобретателя напрямиком к бару у стены в огромном зале, заполненном стульями, столиками и людьми. В углу грустный джентльмен в котелке играл с пинбольным автоматом. Заметив приближение Гэллегера, он сорвался с места, подбежал и спросил:

– Кого-то ищите?

– Ага, – ответил Гэллегер. – Макса Каффа. Мне сказали, что он здесь.

– Сейчас он отсутствует, – сказал грустный джентльмен. – А какое у вас к нему дело?

– Это насчет Толстяка, – рискнул Гэллегер.

– Насчет кого? – Взгляд грустного джентльмена сделался подозрительным.

– Вы его не знаете. Зато знает Макс.

– А Макс согласен встретиться с вами?

– Еще бы.

– Ладно, – неохотно уступил грустный джентльмен. – У

него тур по питейным заведениям – с ним такое бывает. Сейчас он в «Трех звездах».

– В «Трех звездах»? А где это?

– На Четырнадцатой, около Бродвея.

Гэллегер ушел, поблагодарив печального грустного и задержав тоскливый взгляд на баре. Дело прежде всего.

«Три звезды» оказались кабаком с неприличными стереоскопическими картинами на стенах. Изображения двигались в довольно жуткой манере. Поглазев на них в задумчивости, Гэллегер переключился на посетителей. Таковых было немного. Особо привлекал внимание человек, сидевший у конца стойки, – благодаря медвежьему телосложению, цветку гардении в петлице и блистающему бриллианту на перстне.

Гэллегер двинулся к нему.

– Мистер Кафф?

– Допустим. – Здоровяк, как Юпитер вокруг своей оси, развернулся на табурете и воззрился на Гэллегера, слегка пошатываясь. – А ты кто?

– Я...

– Да ладно, понял, – подмигнул Кафф. – Ты провернул темное дельце и не можешь представиться настоящим именем. В бегах, поди?

– Что?

– Я таких за версту чую. – Кафф наклонился вперед и принюхался. – Э-э, да ты попивающий?

– Попивающий – слишком мягко сказано, – с горечью подтвердил Гэллегер.

– Ну так составь компанию, – предложил здоровяк. – Сейчас идет «д»! Дайкири. Тим! – взревел он. – Еще один дайкири, для моего приятеля! И поживей! А потом будет «е».

Гэллегер устроился на соседнем табурете и изучающе взгляделся в собеседника. Олдермен был явно навеселе.

– Да, – сказал Кафф. – Алфавитный запой – ничего нет лучше. Начинаешь с «а», с абсента, а потом бренди, веспер, граппа, дайкири...

– А после дайкири?

– Ерш, разумеется, – слегка удивился Кафф. – Убойное пойло.

Они выпили.

– Вот что, – заговорил Гэллегер, – мне бы хотелось потолковать с вами о Толстяке.

– О ком?

– О Толстяке. – Гэллегер описал упомянутого человека, заговорщицки подмигнув. – Вы его знаете. Прижали его на днях – кодекс и все такое.

– А-а, вот ты о ком! – разразился гомерическим хохотом Кафф. – Толстяк, говоришь? Метко! Еще как метко! Толстяк – самое подходящее прозвище для этого субчика.

– А это разве не фамилия? – коварно поинтересовался Гэллегер.

– Да какая там фамилия! Толстяк! Ха-ха-ха!

– А в этой фамилии есть буква «е»? Или буква «и»?

– Обе имеются, – ответил Кафф. – Тим, где дайкири? А-а, уже готов? Бери, приятель: отличное пойло.

Гэллегер допил коктейль и взялся за второй, который от первого отличался только названием. Как действовать дальше?

– Так вот, что касается Толстяка, – осторожно произнес он.

– Ну?

– Как у него дела?

– Я никогда не отвечаю на вопросы. – Мигом протрезвев, Кафф настороженно уставился на Гэллегера. – Ты откуда взялся? Я тебя не знаю.

– Питтсбург. Сюда приехал только что, и мне порекомендовали этот клуб.

– Чепуха какая-то, – сказал Кафф. – Ладно, не имеет значения. Я наконец разобрался с проблемами, вот и праздную. Ты уже допил? Тим! Жженку нам! Между прочим, – воодушевленно сообщил Кафф, – это единственный на весь город шалман, где подают бухло с названием на «ж». Дальше придется перескакивать – я не знаю ничего на букву «з».

– Запеканка, – рассеянно произнес Гэллегер.

– Запе... Хе! А что это? – Кафф оглянулся на бармена и заорал: – Тим! У тебя есть запеканка?

– Нет, олдермен, – отозвался бармен. – Нам такого не привозят.

– Ну так найди того, кто будет привозить. А ты толковый парень, мне нужен такой, – обратился Кафф уже к Гэллегеру. – Давай помогай.

Изобретатель подчинился. Раз Кафф не хочет говорить о Толстяке, надо как-то заслужить доверие олдермена. Лучший способ – пить с ним. На «и» – ирландское виски, на «к» – киршвассер...

Увы, алфавитный запой с его фантастическими смесями давался Гэллегеру нелегко. Изобретателя и так одолевало похмелье, а жажда Каффа казалась неутолимой.

– «Л»? Что у нас на «л»?

– «Лакрима кристи»... А еще «Либфраумильх».

– Давай, давай!

Какое это было облегчение, когда они добрались до мартини. После «отвертки» Гэллегера развезло. Когда дошло до «р», он предложил рутбир, но Кафф был категорически против безалкогольных напитков.

– Ну тогда рисовое вино.

– Рисовое? Годится! Эй, мы пропустили «н»! Паршиво! Придется начинать сначала, с «а».

Гэллегер принялся отговаривать собутыльника от явной авантюры и добился успеха только благодаря тому, что заинтриговал олдермена экзотическим названием «негрони». Они двинулись дальше, через смэш, текилу, узо и фраппе. «Х» означало «Хеннесси».

– «Ц»?

Они тарасились друг на друга сквозь алкогольный туман. Гэллегер пожал плечами и огляделся. Когда они успели перебраться в этот роскошный приватный кабинет клуба?

– «Ц»? – допытывался Кафф. – Давай, приятель, не подведи меня!

– Цуйка, – выкрутился Гэллегер.

– Правильно! Остались пять букв: «ч»...

– Толстяк. Помнишь?

– Старина Смит, – ответил Кафф и разразился хохотом.

По крайней мере, фамилия прозвучала похоже на «Смит».

– Кличка Толстяк прекрасно ему подходит!

– А имя?

– Чье?

– Толстяка.

– Никогда не слышал, – хихикнул олдермен.

Подошел официант и тронул Каффа за руку:

– Вас хотят видеть, сэр. Ждут внизу.

– Понял. Приятель, я через минуту вернусь. Все всегда знают, где меня можно найти – особенно когда я здесь. Не уходи. У нас еще осталась «ч» и... и... что еще?

Он вышел. Гэллегер отодвинул стакан с выпивкой, которую даже не пригубил, встал и, шатаясь, вышел в холл. Там ему на глаза попала кабинка видеофона, и он, подчиняясь порыву, направился к ней.

– Опять надрался, – заключил появившийся на экране

Нарцисс.

– В дымину, – подтвердил Гэллегер. – Зато я вышел на след.

– Я бы тебе посоветовал обратиться в полицию, чтобы выделили охрану, – сказал робот. – Сразу после твоего ухода сюда вломились какие-то типы, искали тебя.

– Какие-то... кто? Ну-ка, повтори!

– Трое громил, – терпеливо уточнил Нарцисс. – Главный у них высокий, тощий, с соломенными волосами и золотым передним зубом. Носит костюм в клеточку. Другие...

– Не нужно описывать, – прорычал Гэллегер. – Просто скажи, что случилось.

– Больше ничего. Они хотели похитить тебя. Не застав, попытались украсть машину. Я их прогнал. Я ведь довольно силен для робота.

– Они не повредили машину?

– А насчет меня не желаешь поинтересоваться? – капризно спросил Нарцисс. – Ведь я куда важнее, чем эта штуковина.

– Я перезвоню, – буркнул Гэллегер. – А сейчас мне позарез нужен крепкий кофе.

Он встал и вывалился из кабинки. К нему направлялся Макс Кафф. Олдермена сопровождали трое мужчин. Один из них резко остановился, у него отпала челюсть.

– Ну и ну! – воскликнул он. – Босс, это же тот самый парень! Гэллегер! Так это с ним ты напился?

Гэллегер попытался сфокусировать зрение. Говоривший обрел контуры. Высокий, худой, с соломенными волосами и золотой фиксой. И в клетчатом костюме.

– Вырубите его, – приказал Кафф. – Да поживей, пока он не заорал и пока никто сюда не явился. Гэллегер, значит? Смышленный парень, да?

Гэллегер заметил, как что-то приближается к его голове, и попытался отпрянуть в кабинку – так улитка прячется в своей раковине. Не вышло. Ослепительно вспыхнули и закружились огни, и он вырубился.

У этой социальной культуры, сонно размышлял Гэллегер, есть две проблемы: чрезмерный рост экзодермы и ее же окостенение. Цивилизацию можно сравнить с цветочной клумбой. Каждое отдельное растение представляет собой значимый элемент композиции. Рост – это прогресс. Технология, многострадальный желтый нарцисс, получает корневую подкормку концентрированной бизнес-активностью, создаваемой войнами, что стимулирует бурное и бессмысленное развитие. Но ни один мир не будет нормальным, если сумма его частей не равна целому.

У растения, вынужденного жить в тени желтого нарцисса, развились паразитические тенденции. Отказавшись от бесполезных корней, оно вьется вокруг нарцисса, взбирается по его стеблям и листьям. Эта удушающая лиана, она же религия, политика, экономика, культура, слишком медленно ме-

няет свои формы, а потому ее обгоняет блистающая комета науки, беспрепятственно взмывшая на небосклон новой эры. В давние времена писатели теоретизировали о том, что в будущем – в их будущем – сложится совершенно иной социологический паттерн. До эпохи ракетных кораблей не доживут столь абсурдные явления, как разводненный акционерный капитал, грязная политика и гангстеризм. Но этим теоретикам картины грядущего рисовались слишком смутно. Ракетные корабли, полагали они, появятся еще очень и очень не скоро. А получилось так, что человек высадился на Луне раньше, чем из обихода вышли карбюраторные двигатели.

В начале двадцатого столетия великая война дала мощнейший толчок развитию технологий, и это развитие потом не прекращалось. Увы, большинство видов реального бизнеса зиждилось на таких фундаментах, как человеко-часы и устойчивые денежные системы. Единственная параллель – эпоха великих финансовых пузырей, «Миссисипского пузыря» и его собратьев. За ней последовал период хаоса, реорганизации, рискованный переход на новые денежные системы, неистовое метание из крайности в крайность. Юриспруденция усложнилась настолько, что требовались многочисленные команды экспертов, вооруженных калькуляторами Педерсона и мыслящими машинами «Механистры» для выстраивания изощреннейшей аргументации, так и норовившей снести границу символической логики и сорваться в

бездну абсурда. Убийца, не подписавший чистосердечного признания, имел все шансы выйти сухим из воды. А если и подписывал, существовали способы дискредитировать самые, казалось бы, надежные доказательства. В этой безумной каше власти пытались опираться на островки исторической тверди – судебные прецеденты, – и зачастую получалось только хуже. Поэтому от прецедентного права пришлось отказаться.

Вот так оно и шло. В какой-то момент стало казаться, что социология сможет догнать технологию. Но этого пока не случилось. Мировая история еще не знала такого масштаба азартных игр в экономике. Требовались гении, чтобы распутать создавшийся клубок. В конце концов у природы сработал механизм самозащиты и в результате мутаций такие гении появились, но их деятельность еще очень не скоро даст ощутимые результаты. У Гэллегера уже сложилось представление о том, что теперь необходимо человеку для успешного выживания: отменная приспособляемость и обширный багаж практических и непрактических знаний абсолютно во всех областях. Этот человек должен разбираться в растениях и животных, в минералах и...

Гэллегер открыл глаза. И почти ничего не увидел, главным образом потому, как он тотчас же понял, что сидел, уткнувшись лицом в стол. С трудом изобретатель выпрямился. Его не связали, но затащили на сумрачный чердак, заваленный всяким хламом. На потолке тускло светилась люми-

несцентная лампа. В одной из стен наличествовала дверь, но перед ней стоял тот тип с золотой фиксой. Сидевший за столом напротив Гэллегера Макс Кафф аккуратно наливал виски в стакан.

– Я тоже хочу, – слабым голосом произнес Гэллегер.

Кафф поднял на него взгляд:

– Что, отчухался? Блейзер слишком крепко тебе двинул – ну извини.

– Да ничего... Я бы все равно скоро вырубился. Убойная штука этот твой алфавитный загул.

– Валяй. – Кафф придвинул стакан к Гэллегеру и взял себе другой. – А ты хитер, приятель, – подловил меня в единственном месте, где ребята не догадались за мной присматривать.

– Да, я умный от природы, – скромно подтвердил Гэллегер.

Виски вернуло его к жизни, но в голове еще плавал туман.

– Это не твои ли... э-э-э... ассистенты, если можно так назвать гнусных громил, уже пытались меня похитить?

– Было дело. Но тебя не застали дома. Твой робот...

– Красавчик, да?

– Ага. Вот что, Блейзер рассказал мне о машине, которую ты соорудил. Мне бы ужасно не хотелось, чтобы Смит наложил на нее лапы.

Смит?.. Толстяк. Гм... Пазл вновь разваливался. Гэллегер тяжело вздохнул.

А что, если сыграть, прижимая карты к груди?

– Смит ее еще не видел.

– Я в курсе, – кивнул Кафф. – Мы прослушиваем его видеофон. Наш шпион узнал, что Смит позвонил в УА и сообщил: у него есть человек, который работает над заказом. Представляешь? Вот только он не назвал имени. Нам ничего другого не оставалось, как отслеживать звонки Смита и ждать, когда он свяжется с тобой. И мы дождались нужного разговора. Ты сказал Смицу, что устройство готово.

– И что дальше?

– Блейзер с парнями спешно отправился к тебе в гости. Говорю же, мне не нужно, чтобы Смит выполнил контракт.

– О контракте ты не упоминал, – сказал Гэллегер.

– Не прикидывайся дураком. Смит доложил УА, что он полностью ввел тебя в курс дела.

Может, и ввел. Вот только Гэллегер тогда был пьян, и слушал не он, а Гэллегер-Штрих, надежно упрятывая информацию в подсознание.

Кафф вдруг рыгнул и резко отодвинул стакан.

– Черт, я надрался. Плохо соображаю. Но одно понимаю четко: я не хочу, чтобы машина досталась Смицу. Твой робот не подпустит нас к ней. Ты свяжешься с ним по видеофону и куда-нибудь отправишь, чтобы парни могли забрать штуковину. Я сейчас уйду, но сначала ты скажешь «да» или «нет». Если «нет», то я вернусь.

– Нет, – ответил Гэллегер. – Ведь ты все равно меня

убьешь, чтобы я не сделал другую машину для Смита.

У Каффа медленно опустились веки. Некоторое время он сидел неподвижно, будто спал. Потом равнодушно взглянул на Гэллегера и встал.

– Значит, до встречи. – Он потер лоб и не очень внятно проговорил: – Блейзер, держи этого болвана здесь.

Человек с золотым зубом приблизился.

– Босс, ты в порядке?

– Да. Но мозги не варят. – Кафф поморщился. – Турецкая баня – вот что мне нужно. – Он направился к двери, увлекая за собой Блейзера.

Гэллегер видел, как у олдермена шевелятся губы. По ним удалось прочитать несколько слов:

– Напои хорошенько... Позвони роботу... Попытайся его...

Когда Кафф вышел, Блейзер вернулся, сел напротив Гэллегера и придвинул к нему бутылку.

– Расслабься, приятель, все будет хорошо, – сказал он. – Хлебни еще, тебе это нужно.

«Вот же хитрюги, – подумал Гэллегер. – Решили, что я, напившись в стельку, сделаю все, что потребуют. Ну посмотрим...»

Вот чего эти люди не знали. Когда Гэллегер находился под мощным влиянием алкоголя, его подсознание выбиралось на передний план. А Гэллегер-Штрих, как ни крути, научный гений. Безумный, но исключительно дееспособный.

Возможно, Гэллегеру-Штрих удастся найти выход из ситуации.

– Вот и молодчина, – похвалил Блейзер, когда стакан опустел. – Наливай еще. Макс добрый парень, плохого тебе не желает. Просто он терпеть не может, когда вмешиваются в его планы.

– Что за планы?

– Вроде этого дельца со Смитом.

– Понял.

Гэллегер ощутил знакомый зуд в конечностях. Скоро содержание алкоголя в его организме достигнет того порога, когда высвобождается подсознание. Он снова налил и выпил.

Пожалуй, не следовало так спешить. Обычно Гэллегер смешивал напитки осторожно. В этот же раз члены уравнения сложились в обескураживающий ноль. Он увидел медленно приближающийся к его носу стол, ощутил несильный, приятный даже удар и захрапел. Блейзер встал и потряс его.

– Дивлюсь тому, кто продает вино, ценней вина едва ли что найдешь... – пьяно забормотал Гэллегер. – Пей, пей вино, пурпурное вино, оно ланиты делает алей¹⁸.

– Вина хочет, – заключил Блейзер. – Сушья губка, а не человек.

Он снова потряс Гэллегера и не добился отклика. изобре-

¹⁸ Строки из сборника Э. Фицджеральда «Рубайят Омара Хайяма» в переводе О. Румера.

татель услышал недовольное ворчание и удаляющиеся шаги.

Вот затворилась дверь. Гэллегер попытался выпрямиться, но съехал со стула и больно стукнулся головой о ножку стола.

Подействовало лучше, чем холодная вода. Шатаясь, Гэллегер поднялся на ноги. Чердачная комната опустела, если не брать в расчет его самого и хранящегося в ней барахла. С чрезмерной осторожностью он добрался до двери. Заперто. Серьезная дверь, между прочим. Укрепленная железом.

– Отлично, – пробормотал Гэллегер. – В кои-то веки мне понадобилось подсознание, а оно знай себе прячется. Ну и как же, черт побери, я отсюда выберусь?

Похоже, что никак. Окон нет, с дверью не справиться. Гэллегер поплелся к залежам хлама. Старый диван, коробка с тряпьем, подушки, скатанный ковер. И прочий мусор.

В этом мусоре Гэллегер нашел кусок проволоки, плитку слюды, пластмассовую спираль, деталь кинетической скульптуры и еще кое-какую ерунду. Все это соединил. Получилась штучка, отдаленно смахивающая на пистолет; правда, сходства с яйцом было больше. Результат марсианского машинального конструирования, да и только.

Управившись с этим, Гэллегер вернулся к столу, уселся и исключительно волевым усилием попытался протрезветь. Но к тому моменту, когда за дверью вновь слышались шаги, в голове почти не прояснилось.

Распахнулась дверь, вошел Блейзер и бросил настороженный взгляд на Гэллегера, спрятавшего свое изделие под сто-

лом.

– А-а, это ты... Я думал, Макс вернулся.

– Он тоже придет, – пообещал Блейзер. – Как самочувствие?

– Не ахти... Надо еще выпить. С этой бутылкой я уже управился.

Блейзер запер дверь и направился к Гэллегеру, а тот встал. Изобретатель потерял равновесие и шатнулся вперед, и Блейзер не успел среагировать. Гэллегер вскинул руку с нелепым яйцом-пистолетом и сощурился, глядя вдоль «ствола».

Блейзер хотел было выхватить то ли пистолет, то ли дубинку из-под полы. Но диковинное устройство, направленное прямо в лицо, испугало громилу. Рука замерла, не добравшись до цели. Блейзер напряженно гадал, чем ему угрожают. Еще через секунду он бы обязательно что-нибудь предпринял.

Гэллегер не ждал, когда Блейзер перестанет таращиться на устройство. Проявив крайнее неуважение к правилам маркиза Куинсберри, он врезал ногой противнику ниже пояса. Блейзер скрючился, и Гэллегер поспешил развить успех, ринувшись на противника и обвив его в манере осьминога длинными конечностями. Блейзер все пытался добраться до своего оружия, но пропущенный первый удар основательно ослабил его.

Гэллегер был слишком пьян, чтобы должным образом ко-

ординировать свои движения. Но он компенсировал этот недостаток, оседлав противника и обрушив на его солнечное сплетение град ударов. Тактика себя оправдала. Вскоре Гэллегеру удалось вырвать из руки Блейзера короткую дубинку и крепко приложить ее к виску громилы.

Готово.

Гэллегер встал и взглянул на свое изделие. Интересно, за что Блейзер его принял? Может, за излучатель смертельной радиации? Гэллегер слабо ухмыльнулся. Он нашел ключ в кармане своей бесчувственной жертвы, выбрался из чердачной кладовки и нетвердой поступью спустился по лестнице.

Пока все идет неплохо.

Репутация человека, искушенного в изобретательстве, со служила ему добрую службу. По крайней мере, она заставила Блейзера отвлечься от очевидного.

Что теперь?

Оказалось, что Гэллегера держали в брошенном трехэтажном здании возле Бэттери-парка. Он сбежал через окно. Не останавливался, пока не забрался в авиатакси, которое помчало его прочь из центральной части города. Переведя дух, он опустил ветровой фильтр и позволил прохладному ночному ветерку охладить потные щеки. Высоко в черном осеннем небе висела полная луна. Внизу сквозь прозрачное днище машины виднелись сияющие ленты улиц, наискось пересеченные возвышенными скоростными автострадами.

Смит. Толстяк Смит. Как-то связанный с УА...

Безопасности ради он расплатился с пилотом и высадился на крыше здания в районе Уайтвей. Там были видеофонные кабинки, и Гэллегер позвонил в лабораторию. Ответил робот.

– Нарцисс...

– Джо, – поправил робот. – А ты еще сильнее напился. Когда же наконец протрезвешь?

– Заткнись и выслушай. Что произошло?

– Да практически ничего.

– Я про громил. Они приходили снова?

– Нет, – ответил Нарцисс, – но приходили полицейские, чтобы тебя арестовать. Помнишь, сегодня была повестка в суд? Ты должен был явиться в пять часов.

Повестка в суд? Ах да. Делл Хоппер, тысяча кредитов.

– Они еще там?

– Нет. Я сказал, что ты ударился в бега.

– Зачем?

– Чтобы они не болтались тут. Можешь возвращаться хоть сейчас – конечно, если примешь меры предосторожности.

– Это какие же, интересно?

– Ну придумай что-нибудь, – сказал Нарцисс. – Приклей фальшивую бороду. Это уже твои проблемы, я свое дело сделал.

– Ладно, – проворчал Гэллегер, – приготовь крепкий кофе, да побольше. Кто-нибудь звонил?

– Да, был звонок из Вашингтона. Начальник из космиче-

ской полиции. Не назвался.

– Космическая полиция?! Еще и эти по мою душу?! Что им нужно?

– Им нужен ты, – ответил робот. – Все, до встречи. Ты прервал чудесную песню, которую я пел самому себе.

– Вари кофе, – приказал Гэллегер, прежде чем с экрана исчезло изображение.

Он вышел из кабинки и постоял с минуту, в задумчивости глядя на небоскребы Манхэттена, на хаотичные узоры из освещенных окон: квадратных, овальных, круглых, серповидных и звездообразных.

Звонок из Вашингтона...

Хоппер, у которого лопнуло терпение...

Макс Кафф и его шайка...

Толстяк Смит...

Последний вариант – наилучший.

Гэллегер вернулся в кабинку и набрал УА.

– Извините, сегодня мы закрыты.

– Это важно! – воскликнул изобретатель. – Мне нужно кое-что выяснить. Я разговаривал с человеком по фамилии...

– Извините.

– С-м-и-т, – произнес Гэллегер, разделяя буквы. – Просто взгляните, нет ли его в ваших списках, ладно? Или хотите, чтобы я прямо у вас на глазах перерезал себе горло? – Он порылся в кармане.

– Если вы позвоните завтра...

– Завтра будет слишком поздно! Неужели вы мне откажете в таком пустяке? Пожалуйста! Дважды пожалуйста!

– Извините.

– Я держатель акций УА, – прорычал Гэллегер. – Не зли меня, девчонка!

– Ой!.. Ну ладно, хоть и не положено, но... С-м-и-т? Минутку. А имя?

– Не знаю я имени. Давайте всех Смитов.

Девушка исчезла и вернулась с каталожным ящиком под названием СМИ.

– О господи! – вздохнула она, перекидывая карточки. – Тут, похоже, несколько сот Смитов.

Гэллегер застонал.

– Мне нужен Толстяк! – выпалил он. – Но по этому признаку, наверное, выбирать невозможно.

Секретарша насупилась:

– Порочащие слова? Ну извините.

И отключилась.

Гэллегер сидел, тупо глядя на экран. Несколько сот Смитов! Плохи дела. Еще как плохи.

Минуточку! Ему ведь и правда случилось купить акции УА, когда те упали в цене. А зачем? Должно быть, рассчитывал на их рост. Но акции, если верить Эрни, продолжают дешеветь.

Может, это ниточка?

Он дозвонился до маклера – тот уже был дома. Гэллегер надел на него:

– А ну-ка, поработай на меня. Выясни, почему падают акции УА. Много времени это не займет. И позвони мне в лабораторию. Да поторопись! Не то шею сломаю, усек?

Эрни сказал, что сделает. Гэллегер выпил в баре крепкого кофе, взял такси, хорошенько осмотрелся возле дома и вошел, заперев дверь на два замка. В лаборатории перед большим зеркалом пританцовывал Нарцисс.

– Кто-нибудь звонил? – спросил Гэллегер.

– Нет. Ничего не случилось. Полюбуйся этим грациозным па.

– Позже. Если явятся гости, дай знать, я спрячусь и дождусь, когда ты их выгонишь. – Гэллегер крепко зажмурился. – Кофе готов?

– Черный, крепкий, в кухне.

Но сначала изобретатель направился в ванную. Там он принял холодный душ и кратковременное облучение. В голове прояснилось, и он вернулся в лабораторию с огромной кружкой, полной дымящегося кофе. Уселся на Бурчуна и сделал глоток.

– Ты похож на роденовского Мыслителя, – заметил Нарцисс. – Схожу за халатом – твое несуразное голое тело оскорбляет мой эстетический вкус.

Гэллегер этого не услышал. Он накинул халат, поскольку вспотел, а в помещении было холодновато, и вернулся к пи-

тью кофе и глядению в пустоту.

– Нарцисс! Еще кофе.

Итак, уравнение: a (или) b (или) c равняется x . Гэллегер пытается определить значение a , или b , или c . Возможно, это тупиковый путь. Пока что не удалось ничего выяснить о Д. У. Смит остается неуловимым призраком. А от Делла Хоппера (одна тысяча кредитов) никакой помощи.

А может, лучше сразу заняться иксом? Должна же проклятая машина иметь какой-то смысл! Известно, что она ест землю. Но что значит – ест? Материю уничтожить невозможно, она лишь переходит в другие формы.

В машину поступает земля, а на выходе – ничего.

Ничего видимого.

Свободная энергия?

Она незрима, но ее можно обнаружить с помощью приборов.

Вольтметр, омметр... Золотая фольга...

Гэллегер ненадолго включил машину. Она запела устрашающе громко, но никто не позвонил в дверь, и через минуту-другую изобретатель опустил рубильник. Ничего нового он не узнал.

На связь вышел Эрни, добывший затребованную информацию.

– Было непросто, пришлось напрячь кое-какие связи. Но теперь я знаю, почему все время падают акции УА.

– Хвала Всевышнему! Выкладывай.

– УА – что-то вроде генерального подрядчика. Распределяет заказы по субподрядчикам. Взялось организовать строительство большого офисного здания в центре Манхэттена. Однако субподрядчик все еще не может приступить к работе. Заморожены огромные деньги, и кто-то намеренно пускает слухи, вредящие акциям УА.

– Продолжай.

– Я собрал всю информацию, до какой только смог дотянуться. На этот заказ претендовали две фирмы.

– Какие?

– «Аякс» и компания некоего...

– Не Смита ли?

– Точно, – подтвердил Эрни. – Тэддиас Смит. Сам он произносит «Смейт».

Последовала долгая пауза.

– Смейт... – повторил наконец Гэллегер. – Вот почему та девчонка в УА не смогла... А? Нет, ничего.

Ну конечно. Когда Гэллегер спросил у Каффа, есть ли в фамилии Толстяка буквы «е» и «и», тот ответил, что есть обе. Смейт! Ха!

– Смейт получил контракт, – продолжал Эрни. – Перебил «Аяксу» цену. Но у «Аякса» имеются связи во властных кругах, он привлек какого-то олдермена, чтобы тот применил старый градостроительный кодекс и вывел Смейта из игры. Но олдермен не справился.

– Почему?

– Потому что закон не позволяет ему препятствовать движению транспорта в Манхэттене. Клиент Смейта – а правильное сказать, клиент УА – недавно купил участок, но право летать над ним еще раньше приобрела компания «Трансмир-страто» на срок девяносто девять лет. Рядом с этим участком стоит ангар стратолайнеров, а у них, как ты знаешь, взлет не вертикальный, нужно пройти путь разгона, прежде чем взмыть. И этот путь пролегает как раз над участком. У «Трансмира» железный контракт, в течение девяноста девяти лет лайнеры могут летать там на высоте не ниже пятидесяти футов.

Гэллегер задумчиво сощурился:

– Почему же Смейт решил, что сможет построить в этом месте здание?

– Новый владелец вправе строить что угодно от высоты пятьдесят футов над поверхностью планеты и вплоть до ее центра. Представляешь? Громадина в восемьдесят этажей, и большинство из них под землей. Такое делалось и раньше, но тогда этому не препятствовали шишки из правительства. Если Смейт не выполнит контракт, заказ перейдет к «Аяксу», а тот в сговоре с олдерменом.

– Макс Кафф, – кивнул Гэллегер. – Я уже познакомился с этим субчиком. А что это за кодекс, о котором ты говоришь?

– Он очень старый, почти утратил смысл, но из свода законов не изъят. Действует, я проверял. Нельзя препятствовать движению в центре Нью-Йорка и расшатывать ветхую

транспортную систему.

– Так-так?

– Если выкопать яму для домины в восемьдесят этажей, – сказал Эрни, – получится гора земли и камней. Как ты все это вывезешь, не мешая транспорту? Даже не представляю, сколько это тонн.

– Понятно, – тихо произнес Гэллегер.

– Вот тебе вся история, на серебряном блюдечке. Смейту повезло с заказом, но он загнан в угол. Не сможет избавиться от земли, которую необходимо вынуть. Очень скоро «Аякс» одержит верх и добьется разрешения на вывоз.

– Как, если Смейт не добился?

– А олдермен на что? С месяц назад в центре перегородили несколько улиц, якобы для ремонта. Движение транспорта было перенаправлено, он теперь идет впритирку к строительному участку. Там жуткая пробка, а если еще появятся самосвалы... Конечно, это временно, – хохотнул Эрни. – Как только выпихнут Смейта, транспорт пойдет прежними маршрутами, а «Аякс» будет беспрепятственно вывозить землю.

– Вот оно что... – Гэллегер оглянулся на машину. – А она, стало быть...

Зазвонил дверной звонок. Нарцисс сделал вопросительный жест.

– Эрни, окажи мне еще одну услугу, – сказал Гэллегер. – Договорись со Смейтом, чтобы встретился со мной в лабо-

ратории.

– Ладно, сейчас позвоню ему.

– У него видеофон прослушивается. Не будем рисковать. Давай-ка ты заскочишь к нему и привезешь сюда. И как можно скорее.

Эрни вздохнул:

– Ох и нелегко же мне достаются коммиссионные.

Он исчез с экрана. Гэллегер услышал повторный звонок, нахмурился и кивнул роботу.

– Глянь, кто там. Вряд ли Кафф, ему еще рано что-нибудь предпринимать, но... Короче, узнай. Я буду здесь, в шкафу.

Гэллегер ждал в темноте, напрягая слух и размышляя. Смейт... Он решил проблему Смейта. Машина ест землю. Это эффективный способ избавиться от земли, отличная альтернатива облаку азота.

Восемьсот кредитов за устройство или метод, позволяющий обеспечить пространство для строительства подземного офисного здания.

Хорошая цена.

Но куда эта земля девается – вот вопрос.

Вернулся Нарцисс и открыл дверцу шкафа.

– Это командер Джон Уолл. Он сегодня звонил из Вашингтона. Я говорил тебе, помнишь?

– Джон Уолл?

Д. У., полторы тысячи кредитов! Третий клиент!

– Впусти его! – взволнованно приказал Гэллегер. – Живо!

Он один?

– Да.

– Тогда веди.

Нарцисс неслышно вышел и вернулся с седоволосым коренастым мужчиной в мундире космической полиции. Уолл коротко ухмыльнулся Гэллегеру, а затем его острый взгляд впился в стоящую у окна машину.

– Это она?

– Здравствуйте, командер, – произнес Гэллегер. – Я... абсолютно уверен, что это она. Но хотелось бы сначала обсудить с вами кое-какие детали.

– Деньги? – нахмурился Уолл. – Вы не можете грабить государство. Или я вас недооценил? Пятьдесят тысяч кредитов должны вас на какое-то время удовлетворить. – С его лица сошла мрачность. – Пятнадцать вы уже получили. Я выпишу чек, как только увижу убедительную демонстрацию.

– Пятьдесят ты... – У Гэллегера сперло дыхание. – Нет, конечно, дело не в деньгах. Я хочу лишь удостовериться, что полностью выполнил условия нашего соглашения.

Вот бы узнать, что заказывал Уолл. Может, и ему понадобилась машина для уничтожения грунта?

Слишком уж смелая надежда: невозможны такие совпадения. Гэллегер указал на кресло.

– Но мы же самым подробным образом обсудили проблему...

– Контрольная проверка, – улыбнулся Гэллегер. – Нар-

цисс, принеси командеру выпивку.

– Спасибо, воздержусь.

– Кофе?

– Буду обязан. Ну что ж... Как я сообщил вам несколько недель назад, нам требуется средство механического управления органами космического корабля. Нужна тяга, у которой эластические свойства не уступали бы прочностным.

«Ой-ой-ой!» – подумал Гэллегер.

Уолл наклонился вперед, у него зажглись глаза.

– Космический корабль – это не обязательно нечто гигантское и архисложное. Кое-какие средства ручного управления ему совершенно необходимы. И не те, что могут двигаться только по прямой. Конструкция корабля требует, чтобы тяга пролежала по сильно изломанному маршруту...

– Попонятней бы.

– Вот представьте, – ответил Уолл, – что вам нужно закрыть водопроводный кран в доме, находящемся в двух кварталах. И сделать это вы хотите отсюда, из вашей лаборатории. Как вы справитесь с задачей?

– Веревка? Проволока?

– И то и другое может огибать углы. А жесткий прут может? Мистер Гэллегер, у крана тугая ручка. А поворачивать ее нужно часто, сто раз на день. Когда корабль летит в космическом пространстве, даже прочнейшие проволочные тросы быстро выходят из строя, лопаются из-за напряжений и деформаций. Понимаете?

– Конечно, – кивнул Гэллегер. – Если проволоку часто сгибать и разгибать, она сломается.

– Вот эту-то проблему я и просил вас решить. Вы ответили: да, смогу. А теперь скажите, дело сделано? И каким образом?

Тяга, огибающая углы и стойкая к повторяющимся деформациям?

Гэллегер оглядел машину. «Азот», – мелькнуло на задворках ума, но ухватиться за эту мысль не удалось.

Зазвонил дверной звонок. «Смейт», – предположил Гэллегер и кивнул Нарциссу. Тот вышел.

Когда он вернулся, за ним следовали четверо, из них двое в полицейской форме. Остальные – Смейт и Делл Хоппер.

Хоппер свирепо ухмыльнулся:

– Здорово, Гэллегер. А мы ждали. Не успели опередить его, – кивнул он на командера Уолла, – но ждали второго шанса.

На пухлой физиономии Смейта читалось недоумение.

– Мистер Гэллегер, как это понимать? Едва я позвонил в вашу дверь, меня окружили эти люди...

– Все в порядке, – ответил Гэллегер. – По крайней мере, вы сверху списка. Посмотрите в окно.

Смейт подчинился. И повернулся к изобретателю, сияя.

– Эта яма?..

– Точно. Не на тачке же я землю вывозил. Сейчас устрою демонстрацию.

– Сейчас ты отправишься в кутузку, – ехидно произнес Хоппер. – Гэллегер, я ведь предупреждал: со мной шутики плохи. Ты взял у меня тысячу кредитов, но не выполнил заказ и деньги не вернул.

Коммандер Уолл напряженно смотрел и слушал, в его руке покачивалась забытая кофейная чашка. Полицейский подошел к Гэллегеру и схватил его за запястье.

– Минутку! – начал Уолл, но Смейт оказался расторопнее.

– Кажется, я должен мистеру Гэллегеру некоторую сумму, – произнес он, выхватывая бумажник из кармана. – Тут не больше тысячи, но на остальное могу выписать чек. Если этому джентльмену нужны наличные, надеюсь, тысячи хватит.

Гэллегер судорожно сглотнул. Смейт ободряюще кивнул ему:

– Мой заказ выполнен, я могу приступить к земляным работам уже завтра. И мне не нужно разрешение на задержку транспорта.

Хоппер показал зубы:

– К черту деньги! Я хочу преподать этому прохвосту урок! Мое время стоит дорого, а он полностью сорвал мне рабочий график. Заводы, кинотеатры... Я был уверен, что Гэллегер меня не подведет, а теперь этот наглец рассчитывает выкрутиться? Не выйдет, мистер изобретатель. Сегодня тебе была вручена повестка в суд, но ты туда не явился, а за такое законом предусмотрено наказание, и будь я проклят, если ты

его не получишь.

Смейт растерянно смотрел на Хоппера:

– Но... я удовлетворен работой мистера Гэллегера. Я возьму...
мещу...

– Нет! – рявкнул Хоппер.

– Этот джентльмен говорит «нет», – тихо произнес Гэллегер. – Он не хочет денег, он хочет моей крови. Не человек, а злобный дьявол.

– А ты пьяный идиот! – прорычал Хоппер. – Полицейские, тащите его в кутузку! Сейчас же!

– Мистер Гэллегер, не беспокойтесь, – попытался утешить изобретателя Смейт. – Я живо вас вытащу. У меня есть кое-какие связи.

Вдруг у Гэллегера отпала челюсть, дыхание стало хриплым, как у астматика. Смейт попятился под его взглядом.

– Тяга, – прошептал изобретатель. – И стереоскопический экран, видимый с любой точки. Так говорите, тяга?

– Уведите его! – отрывисто приказал Хоппер.

Полицейские схватили Гэллегера. Тот пытался вырваться.

– Минуту! Дайте мне одну минуту! У меня есть ответы. Наверняка они правильные! Хоппер, я сделал то, что тебе нужно... и что заказывали вы, командер. Отпустите!

Хоппер зловеще ухмыльнулся и ткнул большим пальцем в сторону двери. Кошачьей поступью вперед двинулся Нарцисс.

– Хозяин, расколоть им черепа? – любезно осведомился

он. – Мне нравится кровь. Красный – один из основных цветов спектра.

Коммандер Уолл поставил чашку и поднялся на ноги; в его голосе зазвенела сталь:

– Ну все. Джентльмены, отпустите мистера Гэллегера.

– Не отпускать! – рявкнул Хоппер. – А вы кто такой? Космический шкипер?

Задубелые щеки Уолла потемнели от прилива крови. Он раскрыл маленькое кожаное портмоне и показал жетон.

– Коммандер Уолл, Космическая административная комиссия. Тебя, – указал он на Нарцисса, – временно назначаю правительственным агентом. Если эти полицейские не освободят мистера Гэллегера в течение пяти секунд, можешь разmozжить им голову.

Но в столь крутой мере не возникло необходимости. Гэллегер знал, что Космическая административная комиссия – очень серьезная организация, что за ней стоит правительство, что местные власти в сравнении с ней – мелкие сошки. Полицейские отпрянули от изобретателя и попытались сделать вид, будто оказались в его доме совершенно случайно.

Зато Хоппер готов был взорваться.

– По какому праву, коммандер, вы вмешиваетесь в работу представителей закона? – процедил он.

– По праву приоритета. Государство нуждается в устройстве, которое по его поручению изготовил мистер Гэллегер. А это обстоятельство как минимум подразумевает, что ми-

стера Гэллегера следует выслушать.

– Еще чего!

Уолл вонзил в Хоппера ледяной взгляд:

– Кажется, несколько минут назад он заявил, что выполнил и ваш заказ?

– Вы про это? – Хоппер кивнул на машину. – По-вашему, оно похоже на стереоскопический экран?

– Нужен ультрафиолет, – сказал Гэллегер. – Нарцисс, принеси флуоресцентную лампу.

Он приблизился к устройству, молясь, чтобы догадка оказалась верной. Впрочем, разве есть другие варианты? Извлеки из грунта азот, извлеки все остальные газы, и получишь инертную материю.

Гэллегер тронул рычаг, и машина запела «Сент-Джеймскую больницу». Выражение на лице командера Уолла сменилось на недоуменное и несколько менее благожелательное. Хоппер возмущенно фыркнул. Смейт подбежал к окну и восторженно уставился на удлинившиеся щупальца, которые принялись втягивать землю, остервенело кружась в затопленной лунным светом яме.

– Нарцисс, лампу!

Лампа-переноска уже была подвешена к крючку. Гэллегер медленно повел ею вдоль машины. Вот ультрафиолетовый свет добрался до желобчатого колеса на дальнем от окна торце корпуса.

Что-то засветилось.

Оно исходило из маленького клапана, имело синий оттенок, сбегало по желобу и свивалось в кольца на полу лаборатории. Гэллегер снова прикоснулся к рычагу. Машина прекратила работу, клапан закрылся со щелчком, прекратился ток таинственной синеватой субстанции. Гэллегер наклонился и подобрал виток. Тот исчез, стоило отстранить лампу. И вновь появился, когда лампа приблизилась.

– Вот она, командер, – сказал изобретатель. – Проверьте.

– Гибко-жесткая тяга? – спросил Уолл, вглядываясь.

– И ничто иное, причем в любом количестве, – ответил Гэллегер. – Это комплекс неорганических веществ, минеральное содержимое грунта, предельно уплотненное и вытянутое в проволоку. Вот только груз весом в тонну этой проволоке не удержать.

– Разумеется, – кивнул Уолл. – Она разрежет сталь, как нитка режет масло. Превосходно, мистер Гэллегер. Но нам необходимо провести испытания.

– Валяйте – испытания подтвердят мои слова. Эту проволоку можно протянуть по кораблю из конца в конец, обогнув любые углы, и она никогда не сломается от деформаций. Потому что слишком тонка. И не лопнет от натяжения, потому что, опять же, слишком тонка. Ни один проволочный трос на такое не способен. Вам нужна прочность на изгиб, которая не скажется на прочности при растяжении.

Командер ухмыльнулся. Он был доволен.

– Вам, наверное, теперь понадобятся деньги? Можем

оплатить любые материалы, в пределах разумного, конечно. Как насчет десяти тысяч?

Вперед рванулся Хоппер.

– Гэллегер, я проволоку не просил! Мой заказ не выполнен!

Гэллегер не ответил – он перенастраивал лампу. Голубая флуоресценция сменилась желтой, та – розовой.

– Вот тебе твой экран, зануда, – сказал Гэллегер. – Видишь эти миленькие цвета?

– Конечно вижу! Я же не слепой. Но...

– Цвет меняется в зависимости от того, сколько ангстрем я даю. Вот так – синий. Так – красный. Так – опять синий. А когда выключаю лампу...

Проволока, которую держал Уолл, осталась видимой.

Хоппер со щелчком закрыл рот. Наклонился вперед, свесив голову набок.

– У проволоки тот же показатель преломления, что и у воздуха. Я специально так сделал.

Гэллегеру хватило совести слегка покраснеть. Ничего, еще будет время поставить Гэллегеру-Штрих выпивку.

– Специально?

– Тебе нужен стереоскопический экран, на который можно смотреть с любого угла, и чтобы при этом не возникало оптических искажений. И чтобы показывал в цвете – иначе в наше время нельзя. Ну так вот он.

Хоппер задышал тяжело. Гэллегер продолжил, глядя на

него с ухмылкой:

– Возьми каркас ящика и сделай стенки из проволоки, чтобы получился сетчатый куб, причем сетка будет невидимой. Но это в обычном свете. Если же менять длину волны, появится изображение – цветное, в зависимости от количества ангстрем. Твой кинофильм или телепередача будет показываться в красках. Причем объемно, поскольку изображение создается невидимым кубом. И наконец, с любой точки оно будет смотреться без искажений, ведь это не оптическая иллюзия стереоскопического изображения, а настоящее трехмерное изображение. Дошло?

– Да, – слабым голосом ответил Хоппер. – Я понял. А почему... почему ты раньше об этом не сказал?

Гэллегер поспешил сменить тему:

– Коммандер Уолл, мне требуется защита полиции. Гангстер по имени Макс Кафф намерен прибрать эту машину к рукам. Сегодня его громилы пытались меня похитить...

– Вмешательство в дело государственной важности? – мрачно проговорил Уолл. – Знаю я этих хищных политиканов. Если разрешите воспользоваться вашим видеофоном, Макс Кафф вас больше не побеспокоит.

Узнав, что Макс Кафф крепко получит по шее, Смейт просиял. Жизнерадостный блеск его глаз подсказал Гэллегеру, что не мешало бы предложить гостям выпивку. В этот раз даже коммандер не устоял – закончив разговор по видеофону, принял из руки Нарцисса стакан.

– Ваша лаборатория будет охраняться, – сообщил он Гэллегеру. – Кафф для вас больше не опасен. – Он выпил и пожал Гэллегеру руку. – Я должен срочно доложить правительству о вашем успехе. Огромное спасибо и всего вам доброго. Завтра созвонимся?

Коммандер ушел, а с ним и полицейские. Залпом выпив коктейль, Хоппер сказал:

– Я должен извиниться. Надеюсь, старина, ты зла держать не будешь.

– Не буду, – ответил Гэллегер, – если заплатишь, что обещал.

– Получишь чек по почте. И... ох... И... – Хоппер умолк.

– Что с тобой?

– Ничего... – пролепетал позеленевший Хоппер. – Мне нужно на свежий воздух... Гррл...

За его спиной хлопнула дверь. Гэллегер и Смейт озадаченно переглянулись.

– Странно, – произнес Смейт.

– Должно быть, наказание свыше, – предположил Гэллегер. – Мельница богов...

– Ну что, убрался Хоппер? – спросил Нарцисс, вошедший с наполненными стаканами.

– Ага. Интересно, что это с ним?

– Я ему сделал «микки финн»¹⁹, – объяснил робот. – Он

¹⁹ Напиток с добавлением психоактивного вещества, например хлоралгидрата. Своим названием он обязан чикагскому бармену Майку Финну, который обви-

же ни разу на меня не взглянул. Я не особо тщеславен, но человек, настолько нечуткий к красоте, определенно заслуживает урока. А теперь прошу меня не беспокоить. Я иду на кухню, буду там отрабатывать танцевальные движения. Пользуйтесь алкогольным органом. Впрочем, не запрещаю прийти и полюбоваться.

Жужжа шестеренками и колесиками, Нарцисс покинул лабораторию. Гэллегер вздохнул:

– Куда все катится...

– Что именно?

– Да все. К примеру, я получил заказ на три совершенно разные вещи. А потом напился и собрал устройство, решающее все три проблемы. Мое подсознание их как орешки щелкает. Но, увы, протрезвев, я ничего не могу понять.

– Зачем же тогда трезветь? – серьезно осведомился Смейт. – Как работает этот алкогольный орган?

Гэллегер продемонстрировал.

– Погано себя чувствую, – пожаловался он. – Мне бы проспять целую неделю или...

– Или?

– Напиться. Пусть так и будет. Знаете, какой вопрос не дает мне покоя?

– Какой?

– Почему эта машина, когда работает, поет «Сент-

Джеймсскую больницу»?

– Хорошая же песня, – сказал Смейт.

– Спору нет, но ведь мое подсознание следует логике. И пусть это безумная логика, но...

– Да не берите в голову, – посоветовал Смейт.

Гэллегеру сразу полегчало. Он вновь почувствовал себя в своей тарелке. Вернее, в теплом розовом тумане. Теперь есть деньги в банке. Судиться не надо. Макс Кафф наверняка получит по заслугам. А тяжелый топот говорит о том, что на кухне отплясывает Нарцисс.

Уже миновала полночь, когда Гэллегер поперхнулся выпивкой и заявил:

– Вот я и понял!

– Свмпмф... – просипел разбуженный Смейт. – Вы о чем?

– Похоже, я люблю петь.

– И что с того?

– Похоже, я люблю петь «Сент-Джеймсскую больницу».

– Ну так пойте, – предложил Смейт.

– Но не в одиночку, – пояснил Гэллегер. – Я всегда пою, когда пьян, однако считаю, что в дуэте у меня получается лучше. Вот только я был один, пока работал над машиной.

– И?..

– Должно быть, вмонтировал в нее воспроизводящее устройство, – предположил Гэллегер, содрогнувшись при мысли о колоссальных возможностях и диковинных психи-

ческих девиациях Гэллегера-Штрих. – Подумать только, я сделал машину, способную одновременно выполнять четыре операции: есть землю, производить тягу для ручного управления космическим кораблем, изготавливать главную деталь для стереоскопического неискажающего экрана и петь со мной дуэтом. До чего же дико все это выглядит.

Поразмыслив, Смейт заключил:

– Вы гений.

– Ну это само собой. Гм...

Гэллегер встал, включил машину и возвратился на любимый насест, то есть на Бурчуна. Смит переместился на подоконник, чтобы зачарованно взирать, как мелькающие щупальца расправляются с землей. Желобчатое колесо тянуло невидимую проволоку из волочительного отверстия. Мелодичные, а то и не очень, тона «Сент-Джеймсской больницы» бередили ночную тишину.

Вдруг над скорбным голосом машины взмыл густой бас, неистово горя о той безымянной, кто

...Может обыскать весь огромный мир,

Но никогда не найдет такого мужчину, как я...

Это был Гэллегер-Штрих – ему вдруг захотелось петь.

Ex machina

20

– Идею мне подсказал флакончик с этикеткой «Выпей меня», – вяло произнес Гэллегер. – Я ведь не инженер... когда не пьян. Не знаю, в чем разница между электроном и электродом – кроме той, что один из них невидим. То есть бывают периоды, когда знаю, но потом все смешивается. У меня проблема с семантикой.

– У тебя проблема с алкоголем, – произнес робот с прозрачным корпусом и закинул с тихим хрустом ногу на ногу.

Гэллегер поморщился:

– Вовсе нет. Когда я пьян, все прекрасно получается, а когда трезвею, в голове каша. Это технологическое похмелье. Осмос вытягивает из глазных яблок жидкий юмор. Я что-то осмысленное сказал?

– Нет, – ответил робот по имени Джо. – Это просто слезы. Ты зачем меня включил, просто аудитории ради? Я, между прочим, сейчас делом занят.

– Каким еще делом?

– Анализом философии как таковой. Как бы ни были вы, люди, уродливы, а все же иногда у вас рождаются толковые идеи. Чистая интеллектуальная логика рафинированной фи-

²⁰ Часть латинского выражения «Deus ex machina» (букв. «бог из машины»).

лософии стала для меня настоящим открытием.

Гэллегер брякнул что-то насчет твердого самоцветного пламени. Время от времени его прошибала слеза, напоминая о флакончике «Выпей меня», который, в свою очередь, напоминал о стоящем возле дивана алкогольном органе.

Гэллегер заставил свое долговязое тело деревянными шагами двинуться через лабораторию, огибая три громоздких предмета. Это были генераторы: Монстр, Бурчун и...

Откуда взялся третий?

Вопрос лишь слабенько блеснул в похмельном мозгу. Поскольку генераторы смотрели прямо на Гэллегера, он поспешил отвести взгляд, усесться на диван и нажать несколько клавиш. Однако спиртосодержащая жидкость не соизволила оросить иссушенную жаждой глотку. Изобретатель вынул изо рта краник, растерянно потарачился на него и велел Джо принести пива.

Стакан был полон до краев, когда изобретатель подносил его к губам. Но опустел, не дав Гэллегеру сделать и глотка.

– Это очень странно, – проговорил Гэллегер. – Ощущения, как у Тантала.

– Кто-то выпил твое пиво, – объяснил Джо. – А теперь оставь меня в покое. Кажется, я теперь могу еще выше оценить мою дивную красоту – потому что постиг сущность философии.

– Не сомневаюсь, – проворчал Гэллегер. – Ну-ка, отвали от зеркала! Кто выпил мое пиво? Крошечный зеленый чело-

вечек?

– Мелкое коричневое животное, – загадочно ответил Джо и вернулся к самолюбованию, предоставив Гэллегеру скрипеть зубами от злости.

Уже в который раз у изобретателя возникло желание крепко связать робота и положить под капельницу с соляной кислотой. Вместо этого он снова потребовал пива.

И снова результат оказался обескураживающим.

Разозлившись, изобретатель встал и прошел в кухню за бутылкой газировки. Должно быть, такого рода напитки мелкое коричневое животное жаловало даже меньше, чем сам Гэллегер: мистического исчезновения воды не произошло. Малость утолив жажду, зато придя в еще большее недоумение, Гэллегер окинул третий генератор взглядом ясных синих глаз, а затем угрюмо перевел этот взгляд на рабочий стол. Помимо всякой технической всячины там стояли бутылки с разными жидкостями, явно безалкогольными, хотя этикетки ни о чем не говорили. Этой ночью подсознательное «я» Гэллегера, освобожденное спиртным от оков, промаркировало бутылки для упрощения ориентации. Но поскольку Гэллегер-Штрих, даром что гениальный техник, смотрел на мир сквозь невероятно кривую призму, для просто Гэллегера этикетки оказались бесполезны. Одна сообщала: «Только для кроликов». Вторая вопрошала: «Почему бы и нет?» А на третьей было написано: «Рождественская ночь».

А еще на столе обреталось нечто мудреное, собранное из

колесиков, шестеренок, шлангов, цепных передач и трубчатых ламп и подключенное к розетке.

– Cogito, ergo sum, – пробормотал Джо. – Даже когда на дворе ни души²¹. Гм...

– А что скажешь насчет коричневого зверька? – поинтересовался Гэллегер. – Он реален? Или всего лишь плод воображения?

– Что есть реальность? – произнес Джо, добавив в разговор сумбура. – Я еще не пришел к удовлетворительному решению этого вопроса.

– К решению он не пришел! – фыркнул Гэллегер. – Я проснулся с десятибалльным бодуном, а ты не можешь ничего мне дать на опохмелку. Сначала рассказываешь сказки о каких-то коричневых животных, крадущих мою выпивку, а теперь излагаешь заплесневелые философские концепции. Видишь фомку? Если я за нее возьмусь, ты прекратишь и существовать, и мыслить, причем в самое ближайшее время.

Джо с достоинством пошел на попятный:

– Это на удивление резвое животное. Так быстро двигается, что ты его не видишь.

– Сам-то как видишь?

– Не вижу, а *вариширую*, – ответил Джо, чей набор чувств далеко не исчерпывался пятью человеческими.

– И где же оно сейчас?

²¹ Строка из «Берклианского лимерика» Роберта Нокса. Стихотворение иллюстрирует теорию Джорджа Беркли о материальных объектах.

– Недавно вышло.

– Н-да... – Гэллегер замялся, не зная, что и сказать. – Должно быть, ночью что-то случилось?

– Разумеется. Но ты меня выключил, когда явился этот лопоухий уродливый мужчина.

– Помню. Ты ни на секунду не закрывал свой пластиковый рот. Что за мужчина?

– Уродливый. Ты предлагал дедуле выйти проветриться, но он никак не желал разлучаться с бутылкой.

– Дедуля?.. Гм... И где же он?

– Может, вернулся к себе в Мэн? – предположил Джо. – Он все грозился это сделать.

– Он бы ни за что не уехал, не опустошив погреб, – сказал Гэллегер, после чего включил аудиосистему и проверил все комнаты.

Никто не откликнулся на его зов. Тогда Гэллегер встал и обыскал дом. Дедуля отсутствовал.

Изобретатель вернулся в лабораторию и, стараясь не коситься на синеглазый третий генератор, без всякой надежды снова осмотрел сооружение на рабочем столе. Джо, позируя перед зеркалом, заявил, что он, пожалуй, уверовал в фундаментальную философию под названием интеллектуализм. А поскольку, добавил он, интеллект Гэллегера явно пребывает в состоянии неопределенности, возможно, есть смысл включить устройство аудиовидеозаписи и выяснить, что произошло ночью.

Изобретатель счел совет дельным. Трезвому Гэллегеру никогда не удавалось вспомнить приключения Гэллегера пьяного, поэтому недавно первому пришла в голову спасительная идея: установить умную систему, которая сама будет включаться в соответствующих обстоятельствах. Как именно работает эта система, Гэллегер представлял себе довольно слабо. Наверняка знал лишь одно: она неким чудесным образом анализирует содержание алкоголя в его крови и по достижении определенного процента включает запись. В данный момент машина была укутана одеялом. Гэллегер сорвал покров, развернул экран и приготовился увидеть и услышать то, что его интересовало.

Итак, Джо стоит неподвижно в углу – должно быть, мыслит. Дедуля, сморщенный коротышка с физиономией раздраженного Щелкунчика, сидит на табурете в обнимку с бутылкой. Гэллегер вынимает изо рта краник алкогольного органа – он достаточно нализался, чтобы пошла запись.

Тощий мужчина средних лет с большими ушами и выражением крайнего нетерпения на лице аж приплясывает, наблюдая за Гэллегером.

– Вздор, – звучит скрипучий голос Дедули. – Когда я был мальчишкой, мы охотились на гризли, убивали их собственными руками. А эти новомодные идейки...

– Дедуля, умолкни, – велит Гэллегер. – Не так уж ты и стар, зато врать горазд.

– Вот был случай: иду я по лесу, а навстречу гризли. И нет

при мне ружья. Сказать тебе, что я с ним сделал? Ухватился за пасть...

– У тебя пойло кончилось, – пускается на хитрость Гэллегер.

Пауза: озадаченный Дедуля изучает бутылку.

– Мистер Гэллегер, у вас самые лучшие рекомендации, – говорит лопухий незнакомец. – Надеюсь, вы поможете мне. Мы с партнером в безвыходном положении.

Гэллегер озадаченно смотрит на него:

– У вас есть партнер? Кто он? И раз уж на то пошло, кто вы?

Повисает мертвая тишина – лопухому надо справиться с изумлением. Дедуля опускает бутылку и говорит:

– Она была не пуста, зато теперь пуста. А еще у тебя есть? Лопухий растерянно моргает.

– Мистер Гэллегер, – лепечет он, – я вас не понимаю. Мы же все обсудили...

– Верно, – кивает Гэллегер. – Извините. Просто я не слишком силен в технических задачках, когда не... гм... простимулирован. А когда простимулирован, я гений. Но ужасно рассеянный. Уверен, я могу решить вашу проблему, но вот беда: забыл, что она собой представляет. Предлагаю начать сначала. Кто вы? И получал ли я от вас какие-нибудь деньги?

– Я Джонас Гардинг, – представляется гость. – У меня в кармане пятьдесят тысяч кредитов, но мы еще не заключили сделку.

– Ну так выкладывайте наличку, и ударим по рукам, – с плохо скрываемой алчностью предлагает Гэллегер. – Денегки мне нужны.

– Вот уж точно, – подтверждает Дедуля, оторвавшись от поисков бутылки. – Ты настолько превысил кредит, что в банке, завидев твое приближение, запирают двери. Я хочу выпить.

– Проверь, может, в органе что-нибудь есть, – советует Гэллегер. – Итак, мистер Гардинг...

– Мне бутылка нужна, – брюзжит Дедуля. – Не доверяю я этим твоим штучкам-дрючкам.

Гардинг, при всей его нетерпеливости, не может скрыть растущий скептицизм.

– Что касается оплаты, – заявляет он, – думаю, мы сначала кое-что обсудим. Рекомендации у вас прекрасные, но, возможно, нынче у вас неудачный день.

– Нормальный день! Выкладывайте...

– С какой стати я должен платить, прежде чем мы договоримся? – возражает Гардинг. – Особенно если учесть тот факт, что вы забыли, кто я и чего хочу.

Гэллегер тяжело вздыхает:

– Ладно, будь по-вашему. Рассказывайте, кто вы такой и что вам от меня нужно.

– Домой уеду! – грозит Дедуля. – Где бутылка?

– Вот что, мистер Гэллегер, – негодует Гардинг, – есть предел моему терпению. То ваш робот меня оскорбляет, то дед

требует, чтобы я с ним выпил...

– До чего же я соскучился по кукурузной самогонке, – бормочет Дедуля. – Вы, молокососы, даже не представляете, какая это вкуснятина...

– Тогда перейдем к делу, – бодро предлагает Гэллегер. – Мне уже вроде получше. Я прилягу, а вы расскажете все по порядку.

Он вытягивается на диване и сует в рот краник алкогольного органа, чтобы посасывать коктейль «джин бак». Дедуля ругается.

– Приступайте, – говорит изобретатель.

Гардинг вздыхает:

– Что ж... Я совладелец компании «Надпочечники инкорпорейтед». Мы предоставляем услугу. Это роскошная услуга, как раз в духе времени. Я уже говорил вам...

– А я все забыл, – хмыкает Гэллегер. – Надо было вам рассказать под копирку. Так что у вас за бизнес? Воображение мне рисует крошечные сборные домишки, у которых вместо фундаментов почки, но я чувствую, что ошибаюсь.

– Вы ошибаетесь, – подтверждает Гардинг. – Вот вам копия. Наш бизнес – стимулирование выработки адреналина. Жизнь современного человека спокойна и безопасна...

– Ну да, как же, – с горечью перебивает Гэллегер.

– ...Благодаря технологиям защиты, прогрессу медицины и общей архитектуре социальной жизни. А ведь адреналиновые железы выполняют важную функцию, они необходи-

мы человеку для здоровья. – Гардинг явно оседлал любимого рекламного конька. – Тысячелетия назад мы жили в пещерах, и, когда из джунглей выскакивал саблезубый тигр, у нас молниеносно срабатывали надпочечники, или glandula suprarenalis, наполняя адреналином кровеносную систему. Столь же молниеносно человек делал выбор, сражаться ему или бежать, и эта периодическая встряска давала тонус всему организму. Я уже не говорю о психологическом преимуществе. Человек – животное, эволюционировавшее в конкурентной среде. И пусть наш состязательный инстинкт давно спит, его можно пробудить путем искусственной стимуляции надпочечников.

– Выпивкой? – с надеждой спрашивает Дедуля, почти ничего не понявший из объяснений Гардинга.

У того на лице появляется хитрое выражение. Он подается вперед и говорит заговорщицким тоном:

– Романтика – вот ответ. Мы предлагаем приключение. Безопасное, но драматичное, будоражащее, воодушевляющее, романтическое приключение заеденному рутинной современному мужчине или женщине. Не пресную суррогатную эмоциональность телевидения, а нечто настоящее! «Надпочечники инкорпорейтед» поможет вам встряхнуться и заодно поправить физическое и психическое здоровье. Вы наверняка видели нашу рекламу: «Попали в колею? Закисло от обыденности? Отправьтесь на Охоту – и вернетесь посвежевшим, окрепшим, счастливым и готовым покорить весь мир!»

– Охота?

– Самая популярная наша программа, – отвечает Гардинг, перейдя на более деловой тон. – Вообще-то, в этом нет ничего нового. Когда-то бюро путешествий зазывали публику на увлекательную охоту на тигра в Мексике...

– Нету в Мексике тигров, – заявляет Дедуля. – Бывал я там. Предупреждаю: если не дадите мне бутылку, сейчас же отправлюсь домой, в Мэн!

Но Гэллегер уже сосредоточился на проблеме:

– Не понимаю, почему вам понадобился именно я. Ловить для вас тигров не возьмусь.

– Мексиканский тигр на самом деле не тигр, а другой представитель семейства кошачьих. Пума, кажется. У нас по всему миру разбиты специальные заповедники, и там мы проводим Охоту – разумеется, по очень тщательно разработанным сценариям. Риск должен быть сведен к минимуму... даже к нулю. Но требуется иллюзия опасности, иначе клиент не получит своей встряски. Мы пытались формировать поведение зверей, чтобы они не могли причинить человеку вреда, однако... э-э-э... серьезного успеха не достигли. Потеряли несколько клиентов, как это ни печально. Деньги в предприятие вложены гигантские, и нам необходимо возместить убытки. Но, как выяснилось, мы не можем использовать тигров, да и любых других крупных хищников. Это просто-напросто небезопасно. А как же быть с иллюзией опасности? Не можем же мы деградировать в клуб стрельбы по

тарелочкам. Что в ней рискованного, в такой стрельбе?

– Что, желаешь поразвлечься? – спрашивает Дедуля. – По-ехали со мной в Мэн, я тебе покажу настоящую охоту. В наших горах медведи все еще водятся.

– Кажется, начинаю понимать, – говорит Гэллегер. – Но если посмотреть на проблему с личной точки зрения... Занятно. Что такое, по сути, опасность?

– Опасность – это когда кто-то пытается тебя сожрать, – заявляет Дедуля.

– Неизвестное, таинственное тоже опасно, по той простой причине, что мы его не понимаем. Этим, к примеру, объясняется всегдашняя популярность историй о привидениях. Рев во тьме пугает сильнее, чем появление тигра при свете дня.

– Я понял вашу мысль, – кивает Гардинг. – Но есть еще одно обстоятельство. Игра не должна быть слишком легкой. Много ли нужно ума, чтобы перехитрить кролика? И разумеется, мы вынуждены предоставлять нашим клиентам самое современное оружие.

– Зачем?

– Мера предосторожности. Проблема в том, что с таким оружием, да со сканером, да с анализатором запахов любой дурак сможет выследить и убить зверя. Даже тигр-людоед не успеет его как следует напугать.

– Так чего же вы хотите?

– Сам не знаю толком, – медленно произносит Гар-

динг. – Может, нового зверя? Чтобы соответствовал критериям «Надпочечников инкорпорейтед». И что же это за зверь? У меня нет ответа, иначе бы я не обратился к вам.

– Новые звери из ничего не рождаются.

– Откуда же вы их берете?

– Хороший вопрос. С других планет? Из иных секторов времени? Из вероятностных миров? Помнится, однажды я выловил несколько забавных зверьков, либбл, из марсианского будущего, но они для вас уж точно не годятся.

– Как насчет других планет?

Гэллегер встает и подходит к рабочему столу. Соединяет друг с другом какие-то штырьки и трубки.

– Я вот о чем думаю. У человеческого мозга есть скрытые возможности. Сейчас мои скрытые возможности просыпаются. Ну-ка, ну-ка... Возможно...

Гэллегер умолкает, полностью сосредоточившись. Его руки споро сооружают устройство. Вдруг, выругавшись, он отбрасывает сделанное и направляется к алкогольному органу. Там уже пристроился Дедуля, но поперхнулся от первого же глотка «джина бак». Он грозит вернуться домой и захватить с собой Гардинга, чтобы показать ему настоящую охоту.

Гэллегер сгоняет пожилого джентльмена с дивана.

– Вот что, мистер Гардинг, – говорит он, – к утру я сделаю то, что вам нужно. Мне предстоит хорошенько подумать...

– В смысле, хорошенько выпить, – хмыкает Гардинг, извлекая из кармана пачку кредитов. – Я слышан о ваших

повадках, мистер Гэллегер. Вы работаете только из-под палки. Палец о палец не ударите, если не назначен жесткий срок. Ну а как вы посмотрите вот на это? Пятьдесят тысяч кредитов. – Он глядит на наручные часы. – Даю вам один час. Если не решите проблему за это время, денег не получите.

Гэллегер взвивается с дивана как ужаленный.

– Один-единственный час?! Да вы издеваетесь!

– Я человек методичный, – берет непреклонный тон Гардинг. – А вы – нет; я вас изучил достаточно. Мне не составит труда найти другого специалиста, толкового инженера. Один час! Или я выйду через эту дверь и унесу пятьдесят тысяч кредитов!

Гэллегер жадно взирает на деньги. Наконец, хлебнув спиртного и тихо выругавшись, возвращается к рабочему столу.

Некоторое время спустя там ослепительно полыхает. Гэллегер вскрикивает и отшатывается, схватившись за глаза.

– Что с вами? – вскакивает на ноги Гардинг.

– Ничего, – рычит Гэллегер, щелкнув выключателем. – Вроде наклеывается. Этот свет... Уй! Я обжег глаза! – Он смаргивает слезы и подходит к алкогольному органу.

Хорошенько приняв на грудь, Гэллегер кивает Гардингу:

– Вроде понял, чего вы хотите. Но не могу сказать, сколько еще мне понадобится времени. – Он кривится. – Дедуля, ты что, перенастроил орган?

– Не делал я этого! Всего лишь нажал несколько кнопок.

– Так я и думал. Это не «джин бак». Фу-ух...

– Что, круто пробрало? – Заинтересовавшийся Дедуля возвращается к органу.

– Ничуть, – отвечает Гэллегер и на коленях ползет к аудиовидеозаписывающему устройству. – Это еще что такое? А-а, шпион! Ну что ж, гнусный соглядатай, в этом доме знают, как расправляться со шпионами. – С этими словами он встает, хватая одеяло и набрасывает на аппарат.

– Как же ловко мне удастся всякий раз перехитрить самого себя, – посетовал Гэллегер, выключая ставшее бесполезным устройство. – Я не пожалел труда, чтобы соорудить эту штуку, а потом ослепил ее в самый важный момент. И теперь знаю еще меньше, чем раньше, поскольку в уравнение добавилось несколько неизвестных величин.

– Люди способны постичь природу вещей, – пробормотал Джо.

– Очень важная идея, – согласился Гэллегер. – Правда, до нее уже додумались греки, причем давным-давно. И ты, если хорошенько поработаешь мозгами, вскоре придешь к блестящему открытию, что два плюс два равно четырем.

– Умолкни, невзрачный человечешко, – сказал Джо. – Я предаюсь абстракциям. Пойди, отвори дверь, а меня оставь в покое.

– Дверь? С какой стати? Я не слышал звонка?

– Сейчас услышишь, – пообещал робот. – А вот и он.

– Гости в такую рань? – Гэллегер тяжело вздохнул. – Хотя, может, это Дедуля?

Он нажал кнопку, взгляделся в экран дверной камеры и не узнал лицо с косматыми бровями и квадратной челюстью.

– Ладно, входите, – разрешил изобретатель. – Топайте по указательной линии. – И, побуждаемый жаждой, повернулся к алкогольному органу, успев забыть о танталовой напасти.

Человек с квадратной челюстью вступил в лабораторию.

– Выкладывайте, с чем пришли, да поживее, – потребовал Гэллегер. – Мне недосуг. Какое-то мелкое коричневое животное вылакало все спиртное в этом доме. Хватает и других проблем, но эта самая худшая. Если я срочно не выпью, то помру. А значит, чем раньше вы отсюда уйдете, тем раньше я начну разбираться с моими неприятностями. Надеюсь, денег я вам не задолжал?

– Это как посмотреть, – ответил гость с сильным шотландским акцентом. – Меня зовут Мердок Макензи, а вы, полагаю, мистер Гэллегер. Ваша внешность не располагает к доверию. Где мой партнер? Где пятьдесят тысяч кредитов, что были при нем?

Гэллегер задумчиво наморщил лоб:

– Партнер, говорите? Не Джонаса ли Гардинга имеете в виду?

– Его самого. Совладельца фирмы «Надпочечники инкорпорейтед».

– Не знаю я никакого...

Тут вмешался Джо, как всегда не вовремя:

– Низкорослый мужчина с большими ушами. Какой же это был урод!

– Истинная правда, – кивнул Макензи. – Вижу, мистер Гэллегер, вы употребили прошедшее время, а точнее, это сделала ваша громоздкая лязгающая машина. Следует ли понимать так, что вы умертвили моего партнера и избавились от трупа посредством ваших научных изобретений?

– Эй, полегче! – возмутился Гэллегер. – С чего вдруг такое бредовое предположение? У меня что, каинова печать на лбу? Или вы спятили?

Макензи почесал мощную челюсть и ощупал Гэллегера взглядом из-под кустистых седых бровей.

– Если честно, это была бы не бог весть какая потеря, – сказал он. – В бизнесе от Джонаса толку мало, больно уж он методичен. Но этой ночью, когда он сюда пришел, при нем было пятьдесят тысяч кредитов. Где они, спрашивается? Ну и насчет тела имеется вопросец. Оно же застраховано на огромную сумму. Мистер Гэллегер, послушайте меня. Я готов закрыть глаза на то, что вы уколошили моего злополучного партнера и прикарманили пятьдесят тысяч. Более того, меня вполне устроит, если вы решите дать деру... скажем, с десятью тысячами, вернув мне остальное. Но это при условии, что я получу от вас убедительное доказательство кончины Джонаса, которое удовлетворит страховую компанию.

– А ведь логично, – одобрил Джо. – Даже удивительно, что

на такую красивую логику способен обладатель столь ужасной внешности.

– Дружище, я бы выглядел куда ужаснее, если бы обладал прозрачной шкурой, как у тебя, – ухмыльнулся Макензи. – Это если верить анатомическому атласу. Но сейчас мы обсуждаем не мое тело, а тело моего партнера.

– Просто фантастика! – изумился Гэллегер. – Вы хоть понимаете, что станете соучастником преступления, если я соглашусь?

– То есть вы признаетесь в преступлении?

– Ни в чем я не признаюсь! Мистер Макензи, вы чересчур самонадеянны. Готов спорить, что вы сами убили Гардинга, а теперь пытаетесь повесить это на меня. Откуда вам известно, что он мертв?

– Что ж, вопрос вполне закономерный, – кивнул Макензи. – Придется объяснить. Видите ли, Джонас человек методичный. Даже слишком. Я не припомню случая, чтобы он не явился на условленную встречу. У него были назначены встречи на это утро. Одна из них – со мной. Более того, к вам он направился, имея при себе пятьдесят тысяч кредитов.

– А с чего вы взяли, что он добрался сюда?

– Так я сам же его и подвез, на авиамобиле. Высадил у ваших дверей. И видел, как он входил.

– Но не видели, как выходил, а это было, – парировал Гэллегер.

Макензи совершенно невозмутимо принялся загибать

костлявые пальцы.

– Нынче утром, мистер Гэллегер, я ознакомился с вашими персональными данными, и едва ли они характеризуют вас как добропорядочного гражданина. Это раз. Вы нестабильны, если не сказать хуже. Это два. Впутывались в темные дела, обвинялись в преступлениях – три. Ни одно из них не было доказано, но это, как я подозреваю, заслуга вашей изворотливости. Уверен, полиция считает так же.

– Полиция ничего не сможет мне предъявить. Гардинг, должно быть, у себя дома, в постели.

– Он не дома. Пятьдесят тысяч кредитов – это куча денег. А страховка жизни моего партнера – даже не куча, а целая гора. Если Джонас не объявится, наш бизнес ляжет и меня потащат в суд страховщики. Судебные тяжбы – удовольствие не из дешевых.

– Да не убивал я вашего партнера! – вскричал Гэллегер.

– Как скажете, – пожал плечами Макензи. – Но если мне удастся доказать, что вы это сделали, кто из нас останется в выигрыше, а кто потеряет все? Теперь вы знаете расклад, мистер Гэллегер. Почему бы не объяснить, куда вы дели труп, и не сбежать с пятью тысячами кредитов?

– Только что речь шла о десяти.

– Да вы спятили, – твердо произнес Макензи. – Не говорил я этого. Во всяком случае, вы не сможете доказать.

– Вот что, – сказал Гэллегер, у которого возникла идея, – почему бы нам не обсудить это за выпивкой?

– Отличное предложение!

Гэллегер повозился с алкогольным органом. От предложенного стакана Макензи отказался и потянулся за другим.

– Может, отравить хотите, – сказал он. – Ваше лицо не вызывает доверия.

Гэллегер даже бровью не повел. Он надеялся, что две порции собьют таинственного коричневого зверька с панталыку. И попытался проглотить виски как можно быстрее, но лишь одна мучительно дразнящая капля упала ему на язык.

Он поставил стакан и взглянул на Макензи.

– Примитивный фокус с исчезновением, – произнес тот, опуская свой стакан на рабочий стол. – Я прекрасно обойдусь без вашего виски. Ну и как же вы это проделали?

Взбешенный неудачей Гэллегер прорычал:

– Я колдун! Душу дьяволу продал! За пару центов и вас заставлю исчезнуть.

Макензи пожал плечами:

– Не напугаете. Если б вы могли, уже бы от меня избавились. Что до колдовства, то я далек от скептицизма – с той минуты, как заметил вот это чудище. – Он указал на третий генератор, который не был генератором.

– Что?! Хотите сказать, вы тоже его видите?

– Я вижу гораздо больше, чем вам бы хотелось, мистер Гэллегер, – зловеще проговорил Макензи. – И я еду в полицию.

– Постойте! Ну кому будет от этого прок?

– А какой мне прок от общения с вами? Раз вы на сделку не идете, я попытаю счастья с полицией. Если она докажет, что Джонас мертв, мне по крайней мере достанется страховка.

– Да подождите же! – взмолился Гэллегер. – Ваш партнер был здесь. Хотел, чтобы я решил его проблему.

– Та-ак... И вы решили?

– Н-нет... То есть...

– Значит, вы для меня бесполезны, – твердо произнес Макензи и повернулся к двери. – Очень скоро снова обо мне услышите.

Он ушел. Гэллегер в изнеможении опустился на диван и погрузился в горестные раздумья.

Вдруг он поднял голову и впился взглядом в третий генератор. Значит, он ошибался и это не галлюцинация. И не генератор. Приземистое бесформенное нечто. Ну, не совсем бесформенное – вроде усеченной пирамиды, успевшей изрядно оплыть. И у нее два больших синих глаза, наблюдающих за Гэллегером. То ли агаты, то ли крашеный металл. Высота приметно три фута, такой же диаметр основания.

– Джо, – окликнул Гэллегер, – почему ты мне ничего не сказал про эту штуковину?

– Думал, ты ее заметил, – объяснил Джо.

– Заметил, но... что это такое?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Откуда она взялась?

– Только твое подсознание знает, чем ты занимался минувшей ночью. Возможно, еще Дедуля и Джонас Гардинг в курсе, но они явно отсутствуют.

Гэллегер уселся за видеофон и отправил в Мэн запрос.

– Должно быть, Дедуля отправился восвояси. Вряд ли он потащил с собой Гардинга, но чем черт не шутит. Проверю. Одно хорошо: у меня больше не слезятся глаза. Что же за чертовщину я ухитрился собрать? – Он подошел к рабочему столу и воззрился на загадочную конструкцию. – И зачем вставил в контур ложку для обуви?

– Если бы ты всегда держал здесь запас материалов, Гэллегеру-Штрих не приходилось бы изощряться с заменителями, – назидательно произнес Джо.

– Ну да... Я могу напиться и разнуздать подсознание... Нет, не могу. Джо, мне уже не напиться! Я за руки и за ноги прикован к водяной цистерне!

– Вот о чем я размышляю: может, Джон Дальтон все-таки был прав?

– Может, направишь наконец на меня выпуклые зенки? – вспылил Гэллегер. – Мне нужна помощь.

– Думаю, это весьма умно для черепахи²², – сказал Джо.

– Черепаха? По мне, так больше похоже на броненосца. Ладно. Итак, задача: как убить или поймать зверя с очень твердой экзодермой, малоподвижного... Вот он, ответ, Джо!

²² «Весьма умно для черепахи» – строка из сатирического стихотворения «Черепаха» Огдена Нэша.

Существо, выживающее не за счет своей способности убежать или драться. Черепаха! Барракуда свихнется, пытаясь ее сожрать. Идеальная добыча для обленившегося интеллектуала, жаждущего острых ощущений. Но как быть с адреналином?

Джо не ответил. Гэллегер задумался – и вдруг забегал по лаборатории, хватая разные приборы и реактивы. Молоток, алмазное сверло, кислоты – он все перепробовал, пытаясь разбудить синеглазого зверя.

– Ну и что с адреналином? – саркастически спросил Джо.

– Заткнись! – рявкнул Гэллегер. – Ничего не получается! Эта тварь знай себе сидит и таращится на меня. Адрен... Что-что?

– Да будет тебе известно, гнев стимулирует надпочечники не хуже страха. Думаю, продолжительное пассивное сопротивление взбесит любого человека.

– Это верно, – признался вспотевший Гэллегер и отвесил жертве последний пинок. – Усиль в достаточной мере степень досады, и получишь вместо страха гнев. Но при чем тут коричневый зверек? На него я не злюсь.

– А ты попробуй выпить, – предложил Джо.

– Ну допустим, я злюсь на этого клептомана. Ну и что толку? Ты сказал, что он слишком быстро двигается и поэтому его невозможно увидеть. Как же его поймать?

– Наверняка можно найти способ.

– Зверек настолько же увертлив, насколько вторая тварь

неуязвима. Может, он остановится, если я дам ему налакаться до отказа?

– Метаболизм.

– То есть он слишком быстро сжигает свое топливо, а потому не пьянеет? Допустим. Но тогда ему нужна уйма пищи.

– А ты давно заглядывал в кухню? – спросил Джо.

У Гэллегера в воображении мигом нарисовался опустошенный продуктовый шкаф. Изобретатель встал. Но возле синеглазого предмета он задержался.

– У этого-то нет метаболизма, достойного упоминания. Но и ему не обойтись без пищи. И чем же он питается? Воздухом? Такое возможно?

Прозвучал дверной звонок.

– Ну кто еще? – застонал Гэллегер и разрешил впустить посетителя.

Вошел мужчина с воинственным выражением на пунцовом лице. Он заявил, что с этой минуты Гэллегер находится под предварительным арестом, и позвал своих помощников, которые незамедлительно приступили к обыску.

– Макензи позаботился, я угадал? – спросил Гэллегер.

– Правильно угадали. Я Джонсон, отдел недоказанных насильственных преступлений. Хотите позвонить своему адвокату?

– Да, – ухватился за предоставленную возможность Гэллегер.

Он воспользовался видеофоном, чтобы известить юриста

о визите полиции и рассказать о других своих проблемах. Но законник перебил его:

– Простите, но я не работаю задарма. Мои расценки вам известны.

– Задарма? Кто говорит о...

– Банк не принял ваш последний чек. Так что деньги на бочку, или больше на меня не рассчитывайте.

– Э-э-э... Постойте! Я только что выполнил заказ, скоро получу большие деньги. Я смогу вам заплатить...

– Как только я увижу цвет ваших кредитов, снова стану вашим адвокатом, – пообещал бесчувственный голос, и экран потемнел.

Детектив Джонсон похлопал Гэллегера по плечу:

– Так вы превысили кредит в банке? Сидите на мели?

– Насчет кредита – это никакой не секрет. И деньги у меня будут, я только что...

– Выполнил заказ. Да, это я тоже услышал. Разбогатеете, значит? Сколько вам отвалят, тысяч пятьдесят?

Гэллегер глубоко вздохнул и выпалил:

– Ни слова больше не скажу.

Он улегся на диван и постарался не обращать внимания на полицейских, обыскивавших лабораторию.

Нужен адвокат. Позарез нужен. Но без денег его не нанять. Что, если поговорить с Макензи?

Дозвониться удалось сразу. Макензи выглядел бодро.

– Приветик, – сказал он. – Вижу, полиция уже на месте.

– Послушайте, – зачастил Гэллегер, – ваша проблема решена, у меня есть то, что вам нужно.

– Вы про труп Джонаса? – живо воодушевился Макензи.

– Нет! О зверях, которых вы заказывали. Об идеальной добыче.

– А-а... Что ж вы раньше не сказали?

– Приезжайте сюда, а полицейским скажите, чтобы ума тывали, – потребовал Гэллегер. – Говорю вам, у меня есть идеальные звери для вашей Охоты.

– Не знаю, смогу ли отозвать легавых, – сказал Макензи, – но сам приеду. Только не рассчитывайте на большой гоно-рар.

– Тьфу ты! – рыкнул Гэллегер и прервал связь.

Видеофон сразу же зазвонил. Изобретатель нажал кнопку, и на экране появилось женское лицо.

– Мистер Гэллегер, вы обращались к нам с просьбой связать вас с вашим дедом, проживающим в штате Мэн. Нам удалось выяснить, что в своем доме он отсутствует. Это все.

Женщина исчезла.

– Ваш дед? – спросил Джонас. – И где же он?

– Я его съел, – огрызнулся Гэллегер. – Почему бы вам не оставить меня в покое?

Джонсон застрочил в блокноте карандашом.

– Ваш дед... Ладно, проверю. Кстати, что это за штукови-на? – Он кивнул на синеглазого зверя.

– Изучаю любопытный случай дегенеративного остеоми-

элита у редкого цефалопода.

– Понятно. Спасибо. Фред, займись-ка поиском деда этого парня. На что это ты тарачишься?

– На экран, – ответил Фред. – Он в режиме воспроизведения.

Джонсон подошел к устройству аудиовидеозаписи:

– Этим мы займемся. Вряд ли есть что-нибудь интересное, но вдруг... – Он нажал кнопку.

Экран померк, но раздался голос Гэллегера:

– А-а, шпион! Ну что ж, гнусный соглядатай, в этом доме знают, как справляться со шпионами.

Джонсон посмотрел на изобретателя, сохраняя бесстрастное выражение на пунцовом лице, и молча включил обратную перемотку.

– Джо, принеси тупой нож, – велел роботу Гэллегер. – Хочу перерезать себе горло, и чтобы получилось не слишком легко. Такая уж у меня манера – все усложнять.

Но Джо, погруженный в философские размышления, не отозвался.

Джонсон запустил воспроизведение. Он достал из кармана фотографию и сравнил ее с изображением на экране.

– Да, это Гардинг, – сказал он. – Спасибо за подарок, мистер Гэллегер.

– Не за что, – буркнул Гэллегер. – Я даже объясню палачу, как лучше затянуть петлю на моей шее.

– Ха-ха! Фред, ты записываешь? Молодец.

По экрану бежали безжалостные кадры. Гэллегер изо всех сил внушал себе, что запись не содержит ничего изобличающего.

Надежды развеялись, когда экран потемнел – ночью устройство, на которое Гэллегер набросил одеяло, продолжало работать. Джонсон вскинул руку, требуя тишины. Экран по-прежнему ничего не показывал, но через минуту-другую явственно зазвучали голоса.

– Мистер Гэллегер, у вас тридцать семь минут, чтобы уйти.

– Ни с места! Хватит одной минуты. Уж очень мне нужны ваши пятьдесят тысяч кредитов.

– Но...

– Спокойно! Я знаю, что делаю. Все закончится очень скоро.

«Неужели это я сказал? – в панике подумал Гэллегер. – Какой же идиот! Почему не выключил аудио, когда закрывал объектив?»

– Мальчишка, ты ж меня замучаешь до смерти, – упрекнул Дедуля.

«А ведь старый осел всего-то навсего хотел получить бутылку, – мысленно простонал Гэллегер. – Но попробуй докажи этим чертовым копам! Впрочем... – Он приободрился. – Вдруг получится выяснить, что на самом деле произошло с Дедулей и Гардингом? Если я запулил их в другой мир, то мог остаться какой-то след...»

– А теперь внимание, – заговорил ночной Гэллегер. – По ходу дела буду объяснять. Стоп! Подождите минутку. Я намерен это запатентовать, так что нужно принять меры безопасности. Вы двое не проговоритесь, но устройство все еще пишет звук. А то бы я завтра включил его, послушал и сказал себе: «Гэллегер, ты слишком много болтаешь». Есть только один способ сохранить тайну: чик, и готово.

Раздался возглас, но он был оборван на середине. Устройство прекратило гудеть, наступила мертвая тишина.

Тут отворилась дверь, и вошел Мердок Макензи, взволнованно потирая руки.

– Звали – прибыл, – отрывисто произнес он. – Так говорите, мистер Гэллегер, наша проблема решена? Что ж, коли так, попробуем сделать на этом бизнес. В конце концов, твердых улик вашей причастности к смерти Джонаса нет, поэтому я отзываю обвинение, если получу от вас то, что нужно «Надпочечникам инкорпорейтед».

– Фред, дай-ка мне наручники, – потребовал Джонас.

– Не имеете права! – запротестовал Гэллегер.

– Ложная посылка, – подал голос Джо, – заметьте, опровергаемая эмпирически. До чего же вы, уродливые людишки, нелогичны!

Социальные тенденции всегда имели свойство отставать от технологических. И если в те времена технологии стремились к упрощению, то социальное устройство усложнилось

чудовищно, поскольку оно, частично сохранив свою историческую основу, вобрало в себя бесчисленные научные достижения эпохи. Взять хотя бы юриспруденцию. Кокберн, Блеквуд и десятки других адвокатов подчинили патентование определенным законам, как общего характера, так и специфическим, но одно-единственное устройство могло сделать эти законы совершенно неприменимыми. Интеграторы создавались ради решения проблем, слишком мудреных для человеческого мозга, и в эти полумеханические коллоиды приходилось встраивать различные средства контроля. А электронный дубликатор посягал не только на патентное право, но и на право собственности, и адвокаты написали пухлые тома на тему «раритетных прав»: являются ли они реальной собственностью; является ли техническое устройство, созданное дубликатором, имитацией или копией; является ли массовое копирование шиншилл нечестной конкуренцией в отношении заводчика шиншилл, зависящего от традиционных биологических принципов. Мир, изрядно «поплывший» под натиском технологий, отчаянно пытался идти по прямой, надеясь, что суматоха однажды уляжется.

Пока что она не улеглась.

Юридическая машина до того усложнилась, что затмила даже интегратор. Прецедент сражался с абстрактной теорией подобно тому, как адвокат сражался с адвокатом. Для технарей все было предельно ясно, но консультироваться с этими людьми не имело смысла по причине их абсолютной неправ-

тичности. «Что-что? Мое изобретение нарушает право собственности? А на черта тогда это право вообще нужно?»

Действительно, на черта нужно право собственности? В мире, обретшем какую-никакую безопасность за счет жестких прецедентов социальных отношений? Древняя плотина формальной культуры пошла трещинами, и, если приглядеться, можно было увидеть сотни крошечных фигурок: охваченные паникой, они метались от одного опасного места к другому и доблестно пытались заткнуть течи пальцами, кулаками или даже головами. Однажды люди узнают, что за плотиной не было готового обрушиться на них океана, но этот день еще неблизок.

Пожалуй, это играло на руку Гэллегеру. Чиновники предпочитали не рисковать: выдашь ордер на необоснованный арест, и последствия могут быть фантастически тяжелыми. Расчетливый Мердок Макензи воспользовался этим обстоятельством. Он привез своего адвоката – все равно что засунул в шестеренки юридической машины разводной ключ. Адвокат потолковал с Джонсоном. Трупа нет. Аудиозапись – слабая улика. А еще есть серьезные вопросы насчет habeas corpus и ордера на обыск.

Джонсон позвонил в Управление юриспруденции, и в присутствии Гэллегера и невозмутимого Макензи разразился бешеный спор. Кончилось тем, что разъяренный Джонсон убрался вместе со своей командой, прихватив катушку с записью и пригрозив вернуться, как только получит от судьи

необходимые бумаги. А пока, сказал он напоследок, возле дома подежурят полицейские.

– А теперь к делу, – потребовал Макензи, потирая ладони. – Между нами, – наклонился он к Гэллегеру, – я ничуть не расстроен тем, что избавился от партнера. Даже если вы его не убивали, надеюсь, он уже не вернется. Наконец-то смогу вести бизнес по-своему.

– Рад за вас, – проворчал Гэллегер. – Но как насчет меня? Скоро Джонсон выхлопочет бумаги, и я окажусь за решеткой.

– Но вам не смогут предъявить обвинение, – возразил Макензи. – Толковый адвокат мигом вас вытащит. Знаете, был похожий случай: подсудимый есть, а трупа нет. Адвокат пустился в метафизику и доказал, что убиенный никогда не существовал. Конечно, это чистой воды жульничество, но факт остается фактом: убийца вышел на свободу.

– Я обыскал весь дом, а потом это сделал Джонсон, – сказал Гэллегер. – Никаких следов Джонаса Гардинга и моего деда. Мистер Макензи, вот как на духу: я понятия не имею, что с ними случилось.

Макензи небрежно отмахнулся:

– Оставим эту тему. Вы упомянули, что решили определенную задачу для «Надпочечников». Что ж, признаюсь: я заинтересован.

Гэллегер молча указал на синеглазый генератор. Макензи задумчиво оглядел изделие.

– Ну и? – спросил он.

– Это она. Идеальная добыча.

Макензи подошел к штуковине, постучал по корпусу, заглянул в лазурные глаза и спросил с надеждой:

– Бегает быстро?

– Ей не надо бегать, – ответил Гэллегер. – Она, видите ли, неуязвима.

– Да? Гм... Пожалуй, вам следует объяснить...

Но объяснение Макензи не удовлетворило.

– Нет, – сказал он, – мне непонятно. Ну что может быть волнующего в охоте на подобную тварь? Или вы запомнили, что нашим клиентам подавай стимуляцию выработки адреналина?

– Они ее получают. Злость дает тот же эффект, что и страх. – Гэллегер углубился в детали.

Но Макензи замотал головой:

– И страх, и гнев вырабатывают у человека избыточную энергию, которую необходимо как-то расходовать. Это невозможно, если добыча пассивна. Попытки ничего, кроме невроза, не дадут. А мы не создаем неврозы – мы от них избавляем.

Гэллегер, почти отчаявшись, вдруг вспомнил о мелком коричневом животном и попытался его обсудить. Макензи вскоре потребовал предъявить это существо. Изобретателю пришлось изворачиваться.

– Нет, – сказал наконец Макензи, – едва ли это имеет

смысл. Как можно охотиться на того, кто невидим?

– Ультрафиолет. Анализаторы запахов. Это будет тест на находчивость...

– Нашим клиентам находчивость несвойственна. Да и разжиться ею они не захотят. Им подавай перемены, отдых от рутины, от тяжелой работы... или от легкой работы, у кого как. Они не придут в восторг от перспективы свихнуться в погоне за зверем, который носится резвей феи. Зверь, которого невозможно увидеть, их тоже не соблазнит. Мистер Гэллегер, у меня крепнет желание удовлетвориться страховкой за Джонаса.

– Погодите...

Макензи сурово сдвинул брови:

– Готов признать, эти существа могут – подчеркиваю слово «могут» – обладать кое-какими достоинствами. Но что толку от добычи, которую нельзя изловить? Если вам все же удастся найти способ поимки этих сказочных существ, мы попробуем договориться. Ну а пока я не готов покупать кота в мешке.

– Я найду способ! – пылко пообещал Гэллегер. – Но не смогу этого сделать, сидя в тюрьме.

– Ах, мистер Гэллегер! Вы начинаете меня раздражать. Заманили сюда, уверив, что решили проблему моей фирмы. А теперь выясняется, что это вовсе не так. Думайте о тюрьме. Пусть адреналин простимулирует вам мозги, авось вы изобретете способ ловли этих ваших зверей. Получится – звони-

те. А я пока не буду давать поспешных обещаний.

Мердок Макензи ухмыльнулся и вышел, тихо притворив за собой дверь.

– Люди способны постичь природу вещей, – произнес Джо тоном сугубой убежденности.

В этот момент ситуация еще больше усложнилась: на экране видефона появилось лицо седоволосого мужчины, заявившего, что один из чеков Гэллегера отклонен. «Триста пятьдесят кредитов, – сказал седоволосый. – И как это прикажете понимать?»

Гэллегер оторопело вчитался в возникшую на экране идентификационную карту.

– «Объединенные культуры»? А что это?

Седоволосый вкрадчиво ответил:

– Биологические, медицинские и лабораторные товары, мистер Гэллегер.

– И что я у вас заказывал?

– Мы получили заявку на шестьсот фунтов «Витаплазма» высшего качества. И срочно отправили их вам – даже часа не прошло.

– А зачем...

Седоволосый кое-что объяснил. Гэллегер дал несколько лживых обещаний и отвернулся от потемневшего экрана. Он обвел лабораторию диким взглядом.

– Шестьсот фунтов искусственной протоплазмы, – бормотал он. – Заказано Гэллегером-Штрих. Он явно переоценил

мое финансовое благосостояние.

– Заказ доставили, – сообщил Джо. – Ты подписал накладную. Это было в ту ночь, когда исчезли Джонас Гардинг и Дедуля.

– Но на кой черт мне понадобилась протоплазма? Она применяется в пластической хирургии и протезировании. Фальшивые конечности и тому подобное. Этот «Витаплазм» – искусственно выращенная клеточная ткань. Я что, пустил его на изготовление каких-то животных? Вроде биология такого не позволяет. Как я мог вылепить из «Витаплазма» крошечную бурую зверушку-невидимку? Что там с мозгом, с нервной системой? Джо, шестьсот фунтов протоплазмы – это же целая гора. Куда они подевались?

Джо не ответил.

Через пару часов Гэллегер исполнился энтузиазма.

– Идея в том, – объяснил он роботу, – чтобы разобраться по максимуму с этими тварями, узнать о них все, что только можно. Надеюсь, тогда я получу ответ, откуда они взялись. А это, в свою очередь, позволит выяснить, куда подевались Дедуля и Гардинг. Потом...

– Почему бы просто не посидеть и не поразмыслить?

– Вот в чем разница между нами. У тебя отсутствует инстинкт самосохранения. Ты можешь сидеть и размышлять, не замечая, как в ступнях зарождается цепная реакция и ползет вверх. А я слишком молод, чтобы умереть. Я не могу вы-

бросить из головы мысли о Редингской тюрьме. И мне необходимо выпить. Если бы я захмелел, мой подсознательный демон запросто решил бы проблему за меня. Глянь-ка, нет ли поблизости мелкого коричневого животного?

– Нет, – ответил Джо.

– Ну тогда, может, успею хлебнуть. – Гэллегер сорвался с места, но отчаянная попытка закончилась полным провалом. – Откуда у него такое фантастическое проворство?

– Это ускоренный метаболизм. Животное, должно быть, обоняет алкоголь. Или у него есть еще какие-нибудь органы чувств. Даже мне трудно его варишировать.

– А если подмешать керосина к виски? Может, такой коктейль мелкому бухарику не придется по вкусу? Впрочем, мне тоже не придется. Ладно, вернемся к нашему упряму.

Все новыми химреактивами Гэллегер поливал синеглазый генератор, но так и не достиг ни малейшего результата.

– Люди способны постичь природу вещей, – повторил Джо.

– Заткнись! Я вот что думаю: может, нанести толстое гальваническое покрытие? Оно, конечно же, обездвижит эту тварь. Но ведь она и так не шевелится. Интересно, как она ест?

– Логика подсказывает, что осмотически.

– Очень может быть. И что же она осмотически впитывает?

Джо раздраженно застрекотал:

– Есть десятки подходов к твоей проблеме. Инструментализм, детерминизм, путь от апостериори к априори... Для меня совершенно очевидно, что ты решил задачу, поставленную перед тобой фирмой «Надпочечники инкорпорейтед».

– Думаешь, решил?

– Не сомневаюсь.

– И как же?

– Да очень просто. Люди способны постичь природу вещей.

– Хватит повторять этот допотопный трюизм, попробуй в кои-то веки принести пользу. И вообще, ты не прав. Постигать природу вещей людям помогает эксперимент в сочетании со здравым смыслом.

– Чепуха! – не согласился Джо. – Философская некомпетентность. Если не сможешь доказать свою правоту посредством логики, ты проиграешь спор. Тот, кто полагается на эксперимент, даже презрения недостоин.

– Ну почему я тут сию и дискутирую с роботом на философские темы? – проговорил Гэллегер, ни к кому не обращаясь. – Хочешь, я докажу, что твоему мышлению придет конец, когда твой радиоатомный мозг рассыплется по полу?

– Что ж, убей меня, – предложил Джо. – Это будет великая потеря – и для тебя, и для мира. Планета Земля осиротеет. Но насилием меня не испугаешь, ведь я лишен инстинкта самосохранения.

– Вот что, дружище, – попробовал Гэллегер сменить под-

ход, – если тебе известен ответ, почему бы не поделиться со мной? Пр продемонстрируй эту твою чудесную логику. Убеди меня, не полагаясь на эксперимент. Обойдись одним здравым смыслом.

– Да с чего бы мне тебя убеждать? Сам я убежден, мне этого достаточно. Я такой прекрасный, такой совершенный. Восхищаться самим собой – вот высший смысл моего существования.

– Нарцисс, – прорычал Гэллегер. – Помесь нарцисса с ницшевским сверхчеловеком.

– Люди способны постичь природу вещей...

Вскоре прозрачный робот получил повестку в суд. Это пришла в движение юридическая машина – невероятной сложности устройство с логикой, вывихнутой даже покруче, чем у Джо. Самого Гэллегера она решила пока не трогать – видимо, в силу некой странной интерпретации некоего закона. Но государство блюло железный принцип: сумма частей должна быть равна целому. Робота сочли одной из частей, которые в сумме приравнивались к Гэллегеру. Вот так Джо оказался в зале суда, где внимал полемике с холодным презрением.

Рядом с ним сидел Гэллегер в плотном окружении Мердока Макензи и толпы адвокатов.

Это было предварительное слушание. Гэллегер почти не реагировал на речи, он все ломал голову, как вытянуть необ-

ходимую информацию из упрямого робота. Он пытался читать труды философов, чтобы сразиться с Джо его же оружием, но заработал лишь головную боль и почти невыносимую тоску по спиртному. Даже за стенами своей лаборатории он оставался Танталом. Невидимый коричневый зверек следовал за ним по пятам и неизменно похищал алкогольсодержащие напитки.

Вот взвился на ноги один из адвокатов Макензи:

– Я возражаю!

Последовала короткая пикировка на тему, кем считать робота Джо, свидетелем или главным вещественным доказательством. Если последним, то в суд он вызван необоснованно. Судья призадумался.

– Насколько я понимаю, – заявил он, – вопрос из разряда «детерминизм против волюнтаризма». Если этот... э-э-э... робот обладает свободой воли...

– Еще чего! – воскликнул Гэллегер.

На него зашикали адвокаты, он умолк и набычился.

– ...то он – или оно? – является свидетелем. С другой стороны, есть вероятность, что в его действиях, подразумевающих самостоятельный выбор, механически отражается наследственность и былая окружающая среда. Под наследственностью следуют понимать... э-э-э... изначальные механические основы.

– Господин судья, вопрос, является робот разумным существом или нет, к делу не относится, – вмешался прокурор.

– Не соглашусь. Закон зиждется на уважении к...

– Господин судья, могу я сказать? – спросил Джо.

– Безусловно, ваша способность говорить автоматически дает вам такое право, – произнес судья, озадаченно разглядывая робота. – Мы вас слушаем.

Похоже, Джо обнаружил связь между законом, логикой и философией. Он радостно заявил:

– Я со всем разобрался. Мыслящий робот – это разумное существо. Я мыслящий робот, а следовательно, я разумное существо.

– Ой, дурак! – простонал Гэллегер, истосковавшийся по трезвой логике электронов и химии. – Это же древний Сократов силлогизм. Даже я способен доказать его несостоятельность.

– Цыц! – шепнул Макензи. – Адвокаты протянут ноги от голода, если не будут запутывать до невозможности судебные дела. Возможно, ваш робот не так уж и глуп.

Завязался спор, на самом ли деле роботы – разумные существа. Гэллегер затосковал. Он не понимал, из-за чего юристы ломают копыя. Не стало яснее, даже когда из лабиринта противоречий выползло осторожное предположение, что Джо является разумным существом. Но оно несказанно обрадовало прокурора.

– Господин судья, – заявил он, – мы выяснили, что несколько суток назад мистер Гэллегер выключал робота у нас на глазах. Или это не так, мистер Гэллегер?

Рука Макензи удержала Гэллегера на стуле. Зато встал один из адвокатов защиты.

– Мы ничего не подтверждаем, – сказал он. – Впрочем, если это теоретический вопрос, мы ответим.

– Вопрос теоретический.

– Тогда, господин прокурор, теоретический ответ – да. Работа такого типа можно включать и выключать.

– А способен ли робот отключиться самостоятельно?

– Да.

– Но ведь в данном случае было не так? Мистер Гэллегер выключил робота позавчерашней ночью, когда в его лаборатории находился мистер Джонас Гардинг. Это верно?

– Теоретически – да. Но отключение было временным.

– В таком случае мы бы хотели допросить робота, только что классифицированного судом как разумное существо.

– Как предположительно разумное существо, – возразил защитник.

– Ну допустим. Ваша честь...

– Ладно, – сказал судья, все еще наблюдавший за Джо. – Можете задать ему вопросы.

– Э-э-э... – Глядя на робота, прокурор замялся.

– Зовите меня Джо.

– Спасибо. Э-э-э... так это правда? Мистер Гэллегер вас отключил в указанное время и в указанном месте?

– Да.

– А коли так, – торжествующе произнес прокурор, – я

намерен выдвинуть против мистера Гэллегера обвинение в нападении и избиении. Поскольку этот робот предварительно классифицирован судом как разумное существо, любая деятельность, имеющая целью лишить его сознания или подвижности, является предосудительной и может расцениваться как насильственная.

Зашушукались адвокаты Макензи.

– И что это означает? – спросил Гэллегер.

Адвокат ответил ему шепотом:

– Вас могут задержать. И робота тоже – как свидетеля. – Он встал. – Ваша честь! Наши утверждения основывались на чисто теоретических предположениях.

– Зато утверждение робота, – возразил прокурор, – является ответом на совершенно конкретный вопрос.

– Робот свидетельствовал не под присягой!

– Сейчас поправим, – пообещал прокурор, развеяв последнюю надежду Гэллегера и заставив его крепко задуматься. – Джо, вы торжественно клянетесь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет вам Бог?

Гэллегер вскочил:

– Ваша честь, я протестую!

– Да? А что вас не устраивает?

– Законность присяги.

– Ха-ха! – сказал Макензи.

Судья сдвинул брови:

– Мистер Гэллегер, не соблаговолите ли пояснить, по ка-

кой такой причине этот робот не может свидетельствовать под присягой?

– Эта присяга применима только к человеку.

– В смысле?

– Она подразумевает присутствие души. По крайней мере, в ней упоминается теизм, персональная религия. Ну как может робот сдерживать подобную клятву?

Судья пристально посмотрел на Джо:

– Определенно, это аргумент... Э-э-э... Джо, вы веруете в личное божество?

– Да.

Прокурор аж расцвел:

– Значит, мы можем двигаться дальше.

– Минутку, – поднялся Мердок Макензи. – Господин судья, позвольте задать роботу вопрос.

– Задавайте.

Макензи воззрился на Джо:

– Нельзя ли узнать, как выглядит это твое персональное божество?

– Охотно, – ответил Джо. – Точь-в-точь как я.

Процедура сразу же выродилась в теологический диспут. Предоставив адвокатам до хрипоты выяснять, сколько ангелов разом могут сплясать на острие иглы, Гэллегер вместе с Джо отправился домой. Арест ему пока не грозил – сначала юристы должны разобраться с религиозными воззрениями

робота. В авиатакси Макензи всю дорогу расхваливал перед Джо достоинства кальвинизма.

У дверей шотландец незло пригрозил Гэллегеру:

– Как вы наверняка понимаете, в мои намерения не входит снимать вас с крючка. Перспектива оказаться за решеткой должна послужить хорошим стимулом. Не знаю, долго ли еще я смогу спасти вас от ареста. Если не получу ответ...

– На какой вопрос?

– Ну, меня вполне удовлетворит подсказка, где спрятан труп Джонаса.

– Тьфу ты! – в сердцах бросил Гэллегер и вошел в лабораторию.

Там он уселся на диван, налил себе крепкого и с досадой вспомнил о коричневом зверьке.

Потом Гэллегер лежал, поглядывая то на синеглазый генератор, то на Джо. Наконец заговорил:

– Древняя китайская мудрость гласит: кто первым закончил спорить и начал махать кулаками, тот и проиграл в интеллектуальном поединке.

– И это истинная правда, – подтвердил Джо. – Важна аргументация; если для доказательства точки зрения тебе нужен эксперимент, значит ты никудышный философ и логик.

Гэллегер пустился в казуистику:

– Первая стадия: животное. Махание кулаками. Вторая стадия: человек. Чистая логика. Но как насчет третьей стадии?

– А третья стадия – это что?

– Люди способны постичь природу вещей – но ты к людям не относишься. Твое персональное божество даже не антропоморфно. Три уровня: животное, человек и тот, кого удобства ради мы назовем сверхчеловеком... Хотя не обязательно он должен развиваться из человека. Мы всегда наделяли теоретическое сверхсущество божественными признаками. Просто для того чтобы как-то обозначить этот третий уровень, назовем его Джо.

– Почему бы и нет? – сказал робот.

– Выходит, две основные логические концепции неприменимы. Человек способен познавать природу как чистым разумом, так и с помощью эксперимента и логики. Но это концепции второго уровня, для Джо они так же примитивны, как для Аристотеля идеи Платона. – Гэллегер скрестил за спиной инструментарий познания третьего уровня.

– Нечто божественное? – спросил робот.

– Как нам известно, у тебя есть особые чувства. Ты можешь варишировать, что бы это ни означало. Нужны ли тебе заурядные логические методы? Предположим...

– Да, – перебил изобретателя Джо, – я действительно умею варишировать. А еще скренировать. Гм...

Гэллегер сорвался с дивана:

– Какой же я идиот! «Выпей меня!» Вот он, ответ. Джо, молчать! Ступай в угол и там варишируй.

– Я сейчас скренирую, – сказал Джо.

– Вот и скренируй. Наконец-то до меня дошло! Вчера утром, проснувшись, я подумал о флакончике с ярлыком «Выпей меня». Алиса, хлебнув из этого флакончика, уменьшилась, верно? Где справочник? Эх, мне бы получше разобраться в науках... Вазоконструктор... гемостатик... Вот оно демонстрирует метаболическую регуляцию механизмов вегетативной нервной системы. Метаболизм. Так-так... – Гэллегер подбежал к рабочему столу и принялся перебирать бутылки. – Витализм. Жизнь – это главная реальность, все остальное – ее формы или проявления. Ага... Я получил задание от «Надпочечников». Здесь были Гардинг и Дедуля. Гардинг дал мне час сроку. Заказ: свирепый, но безвредный зверь. Парадокс. Клиенты Гардинга желают разом получить экстрим и безопасность. А я, как назло, не припас лабораторных животных... Джо?

– Что?

– Смотри! – Гэллегер налил в стакан спиртного – и опять не успел даже пригубить. – Ну, что произошло?

– Все выпило мелкое коричневое животное.

– А это мелкое коричневое животное, часом, не Дедуля?

– Он самый, – сказал Джо.

Гэллегер обрушил на прозрачный корпус робота самые злобные проклятия:

– Ах ты!.. Почему сразу не сказал?!

– Ты спрашивал, я ответил, – чопорно проговорил Джо. – Дедуля коричневый, разве не так? И с биологической точки

зрения он животное.

– А как же «мелкое»? Я решил, что это тварюшка не крупнее кролика.

– Единственный критерий сравнения – усредненный размер одной из множества особей. Если взять за эту меру средний рост человека, то Дедуля совсем невелик. Мелкое коричневое животное.

– Значит, все-таки Дедуля, – сказал Гэллегер, возвращаясь к рабочему столу. – И он просто-напросто ускорился. Разогнанный метаболизм. Адреналин. Гм... Пожалуй, я теперь знаю, что искать.

Но уже свечерело, когда Гэллегер перелил содержимое пузырька в стакан, качнул туда виски из органа и увидел, как смесь исчезла.

Зато появилось мерцающее пятно, оно металось по лаборатории из угла в угол. Постепенно к мерцанию добавились коричневые разводы, и наконец окончательно проявился Дедуля. Он стоял перед Гэллегером и трясся как безумец – из организма выветривались остатки разгоняющего снадобья.

– Здорово, Дедуля, – сказал Гэллегер.

На ореховой физиономии запечатлелась лютая ярость. Впервые пожилой джентльмен напился досыта. Гэллегер взирал на него в кромешном изумлении.

– Я возвращаюсь в Мэн! – возопил дедуля и опрокинулся навзничь.

– В жизни не видал столько копуш, – сообщил Дедуля, пожирая стейк. – Черт, до чего же проголодался! В следующий раз крепко подумаю, прежде чем позволю тебе тыкать в меня шприцем. И сколько месяцев я так прожил?

– Два дня, – ответил Гэллегер, тщательно смешивая ингредиенты. – Это был ускоритель метаболизма. Ты просто жил быстрее, только и всего.

– Только и всего? Проклятие! Я не мог ничего съесть. Пища была тверда как камень. Одно лишь спиртное лезло в глотку.

– Сочувствую.

– Виски ее обжигало. А стейк я даже вставными челюстями не мог жевать.

– Ты жил ускоренно, – повторил Гэллегер и глянул на робота, который тихо скренировал, стоя в углу. – Так, есть мыслышка... Антитезис разгону – торможение. Дедуля, где Джонас Гардинг?

– Здесь, – указал Дедуля на синеглазый генератор и тем самым подтвердил догадку Гэллегера.

– Ага! Вот, значит, для чего я заказал такую уйму «Витаплазма» пару дней назад. Гм...

Гэллегер снова занялся синеглазым псевдогенератором. Но теперь уже не пытался продырявить гладкую оболочку, а изготовил новую смесь из содержимого стоявших на рабочем столе бутылок.

Там, где упала капля полученной жидкости, корпус мо-

ментально размягчился. Гэллегер сделал инъекцию через это место, а потом с восторгом наблюдал, как от него распространяется волна меняющегося цвета. И вот уже вся глыба стала бледной и мягкой.

– «Витаплазм»! – воскликнул изобретатель. – Самые обыкновенные клетки искусственного белка. Теперь понятно, откуда такая твердость – я подверг их тормозящему воздействию, довел практически до молекулярного стазиса. Любая живая материя с настолько замедленным метаболизмом уподобится стали.

Он снимал суррогатную протоплазму большими горстями и бросал в подходящий по объему чан. Вскоре начало формироваться нечто: череп, широкие плечи, торс... Наконец целиком появился сидящий на корточках Гардинг, безмолвный, как статуя. Он не дышал, и сердце не билось. Стазис держал его мертвой хваткой.

Ну не такой уж и мертвой. Гэллегер поднес было шприц, но задержался и посмотрел на Джо, а затем на Дедулю.

– Ну и зачем я это сделал? – спросил он. И сам же ответил: – Лимит времени. Гардинг отмерил мне час на решение его проблемы. А время – категория относительная, особенно когда у тебя заторможен метаболизм. Пришлось вколоть Гардингу замедляющее вещество, чтобы он не мог смотреть на часы.

Гэллегер капнул на непробиваемую кожу и опять полюбился ее размягчением и сменой цвета.

– Вот так-то. «Затормозив» Гардинга, я получил вдоволь времени на работу, а ему по пробуждении покажется, что прошло всего ничего. Но для чего мне понадобился «Витаплазм»?

Дедуля оторвался от пивной бутылки.

– Ты, когда пьян, горазд на всякие штучки-дрючки, – заявил он и занялся новым стейком.

– Истинная правда. Но Гэллегер-Штрих рационален. У него очень странная логика, вывихнутая-перевывихнутая, но все же это логика. Давайте подумаем. Я вколол Гардингу замедляющее вещество, и вот он перед нами – не дышит и даже не моргает. Не мог же я оставить его в таком виде, верно? Кто-нибудь зайдет и решит, что я держу в лаборатории мертвеца.

– А он что, не мертв? – спросил Дедуля.

– Конечно нет. Всего лишь заторможен. Ответ такой: маскировка! Я заказал «Витаплазм», облепил им Гардинга и обработал замедлителем. На искусственные клетки он подействовал точно так же: затормозил их жизнедеятельность. И Гардинг стал совершенно неузнаваем.

– Ты безумен, – заключил Дедуля.

– Ума мне не хватает, – согласился Гэллегер. – По крайней мере, это относится к Гэллегеру-Штрих. Представь, он оставил глаза Гардинга на виду – они должны были подсказать мне, когда просплюсь, что клиент спрятан в глыбе. А для чего я собрал записывающее устройство? Воистину, ло-

гика у Гэллегера-Штрих даже фантастичнее, чем у Джо.

– Меня прошу не беспокоить, – подал голос робот. – Я скренирую.

Гэллегер проткнул иглой шприца размягченную кожу на руке Гардинга.

Через минуту-другую Джонас Гардинг зашевелился, заморгал синими глазами и встал.

– Ой! – сказал он, потирая руку. – Вы что, укололи меня?

– Случайно, – ответил Гэллегер, настороженно глядя на клиента. – Ну а что касается вашей проблемы...

Гардинг нашел стул и уселся, зевая.

– Решена?

– Вы мне дали час.

– А-а... Ну да. – Гардинг глянул на свои часы. – Стоят...

Так что с решением?

– По-вашему, сколько времени прошло с того момента, как вы переступили мой порог?

– Полчаса? – предположил Гардинг.

– Два месяца, – буркнул Дедуля.

– Вы оба правы, – сказал Гэллегер. – У меня есть третий ответ, и он тоже верный.

Гардинг, судя по его лицу, подумал, что Гэллегер все еще пьян. Он грозно уставился на изобретателя.

– Так что насчет заказанного мною особого зверя? У вас еще есть полчаса...

– Они мне не нужны, – ответил Гэллегер, у которого в го-

лове разгорался яркий белый рассвет. – Ответ уже получен. – Он развалился на диване и устремил взгляд на алкогольный орган. Теперь снова можно выпивать, но почему бы не растянуть предвкушение? Вот только это не совсем тот ответ, которого вы ждете.

– Трепотня, – сказал Дедуля.

– Клиенты «Надпочечников инкорпорейтед» желают охотиться на зверей. Им требуется встряска, волнение, азарт, а для этого, по вашему мнению, необходимы опасные животные. Выглядит парадоксально, но на самом деле никакого парадокса нет. Проблема кроется не в звере. Проблема кроется в охотнике.

Гардинг растерянно заморгал:

– Опять начинаете?

– Тигры. Коварные тигры-людоеды. Львы. Ягуары. Водяные буйволы. Самые свирепые, самые хищные животные, каких только можно добыть. Вот часть ответа.

– Мистер Гэллегер, вы явно заблуждаетесь, – вскинулся Гардинг. – Мы не собираемся поставлять клиентов зверям. Совсем наоборот!

– Нужно кое-что проверить, – сказал Гэллегер, – но основной принцип уже есть. Метаболизм! Латентный ускоритель обмена веществ и мощный выброс адреналина в качестве катализатора. Представьте такую сценку. Клиент с ружьем наперевес в поисках добычи пробирается по искусственным джунглям. Заплатив «Надпочечникам инкорпорейтед», он

получил внутривенно дозу латентного ускорителя. Это вещество разошлось по кровеносной системе, но оно пока не действует, ждет катализатора.

Вдруг из кустов выпрыгивает тигр. Он стремительно мчится к клиенту. Тот пускается наутек, а за ним по пятам несется воплощенный ужас: клыки оскалены, когти тянутся к спине жертвы. Надпочечники выбрасывают в кровь щедрую порцию адреналина. Это и есть катализатор, запускающий разгон метаболизма.

Клиент бежит все быстрее, даже не бежит, а летит как пуля, оставив тигра неподвижно висеть в воздухе. Паника не позволяет человеку остановиться, он может думать только о своем спасении – и он будет спасаться, пока не прекратится действие ускорителя. Когда это произойдет, он уже будет находиться на базе «Надпочечников», где получит новую дозу внутривенно, если сразу не прикончит беспомощного тигра.

– Десять тысяч кредитов, – радостно говорил Гэллегер, считая деньги. – Остальное выплатят, как только я получу катализатор. Ну это уже пустяковая задача, любой третьеразрядный химик справится. А вот что меня всерьез интригует, так это предстоящий разговор Джейсона Гардинга и Мердока Макензи. Хотелось бы посмотреть, как они будут разбираться с отведенным мне сроком!

– Выпить хочу, – проворчал Дедуля. – Где бутылка?

– Думаю, я даже в суде смогу доказать, что потратил не

больше часа. Конечно, это был час Гардинга, но время – категория относительная. Энтропия, метаболизм – какая могла бы получиться тяжба! Но до суда не дойдет. Только я знаю формулу ускорителя. Гардинг отдаст сорок тысяч, а Макензи не рыпнется – как ни крути, я вручил «Надпочечникам инкорпорейтед» ключ к успеху.

– В Мэн вернусь, – пригрозил Дедуля. – Прямо сейчас уеду, если не получу бутылку.

– Сгоняй за ней. – Гэллегер сунул пожилому джентльмену несколько кредитов. – Да не одну купи, а десяток. Дивлюсь тому, кто продает вино...

– Чего?

– ...Ценней вина едва ли что найдешь... Нет, я не пьян. Но собираюсь напиться. – Гэллегер нежно взялся одной рукой за краник алкогольного органа, а другой сыграл на клавиатуре спиртуозное арпеджио. Поглядев на это непотребство, Дедуля укоризненно хмыкнул и удалился.

Гэллегер поэкспериментировал с коктейлями, и вскоре душу ему согрело приятное тепло.

Из угла вышел Джо и обосновался перед зеркалом, чтобы полюбоваться своими внутренностями.

– Наскренировался? – ехидно спросил Гэллегер, лежа на диване.

– Да.

– Разумное существо, как же. Робот-философ. Ладно, красавчик, наконец-то мне от тебя никакой помощи не нуж-

но. Позируй на здоровье.

– Черная неблагодарность! – упрекнул Джо. – Я выручил тебя с помощью моей суперлогики, а ты...

– Какая еще суперлогика? У тебя что, в башке шестеренка слетела?

– Третьего уровня, разумеется. Помнишь наш недавний разговор? Я не зря скенировал. Надеюсь, ты не возомнил, что решил проблемы самостоятельно, своим хилым мозгом, спрятанным в непрозрачном черепе?

Гэллегер сел.

– О чем ты? Логика третьего уровня? Ты же не...

– Сомневаюсь, что ты поймешь. Это куда глубже, чем нумен Канта, в который можно проникнуть разве что мыслью. А ты даже не умеешь скенировать... Третий уровень, как ни крути. Он... как бы... являет нам природу вещей, заставляя события случаться самостоятельно.

– Эксперимент?

– Нет, скенирование. С его помощью я переношу события с материальной плоскости в царство чистого разума, где получаю логические концепции и решения.

– Постой-ка! Но ведь события случились! Я догадался, куда подевались Дедуля и Гардинг, и создал ускоритель...

– Ты веришь, что сделал это, – ответил Джо. – Ну а я просто скенировал. Это в чистом виде сверхинтеллектуальный процесс. Когда он был завершен, события уже не могли не случиться. Надеюсь, ты не думаешь, что они случились са-

мопроизвольно.

– Что собой представляет скринирование? – спросил Гэллегер.

– Тебе этого узнать не суждено.

– То есть ты намекаешь, что являешься первопричиной по Аристотелю... Нет, это волюнтаризм. Логика третьего уровня? Нет... – Гэллегер улегся на диван и устался в потолок. – Кто же ты, Джо? Deus ex machina?

Разглядывая в зеркале скопление шестеренок у себя в груди, робот важно произнес:

– Ну а кто же еще?

С приветом, автор

– Коли ценишь свою шкуру, – предупредил кот, – уматывай отсюда к чертовой матери. Да поживее!

Сэм Трейси задумчиво погладил бутылку в кармане плаща. Жест являлся мимолетным признанием слабости, ибо репортер газеты «Джорнел» не был пьян. У него имелось несколько вредных привычек (среди них злоупотребление служебным положением ради прибыльного шантажа), но дипсомания не входила в их число. Нет, у любого события должно быть простое объяснение: говорил, конечно же, не кот, а чревовещатель.

Трейси перестал рассматривать кота и окинул взглядом темный силуэт дома, принадлежавшего Болдуину Гвинну, – ветхой громадины в уединенном уголке Лорел-Каньона. Машин на подъездной дорожке не было. Это хорошо: в свидетелях Трейси не нуждается. Разумеется, Гвинн ему заплатит, ведь улик против него выше крыши, а поскольку всей их совокупностью владеет один лишь Трейси, попытка взять деньги за молчание напрашивается сама собой. Это правило старо как мир, что в Голливуде, что в поведенческих шаблонах Сэма Трейси – худощавого, смуглого, угрюмого мужчины лет сорока, с чьего орлиного лица не сходила циничная ухмылка, характерная для людей, свято верящих в собственное право на успех. До сегодняшнего вечера ему, одна-

ко, не доводилось скрестить клинки с фокусником – но какая разница? Гвинн ошибся, и благодаря этой ошибке в банке у Трейси должно прибавиться наличности, а деньги ему никогда не помешают: чередой весьма занимательных блондинок, ипподром Санта-Анита, многочисленные казино на бульваре Сансет, коктейль «зомби», бульварные девки и боулинг-клубы с живой музыкой (голливудский эквивалент вина, женщин и благозвучных песен) – и в результате на твоём счету образуется овердрафт. Но у Трейси имелись превосходные связи, и он всегда был готов замять скандал-другой в обмен на звонкую монету. И никогда не оказывал давления на вдов и сирот: ведь с них, как правило, нечего взять.

Теперь же в одном кармане у него бутылка виски, в другом – несколько важных фотокопий, а в третьем – маленький самозарядный пистолет (весьма полезный реквизит для выхода из затруднительных положений посредством блефа). Был поздний вечер. Дом Гвинна стоял в безлюдной местности посреди Голливудских холмов, хотя на дальних склонах сияли несколько огней, а в небе – россыпь звезд и ослепительный прожектор луны. Двухдверный автомобиль репортера, черный и блестящий, был припаркован в укромном месте под перечным деревом, а толстый черный кот с белыми «чулочками» на лапах сидел на бордюрном камне, пошевеливал усами и посматривал на Сэма Трейси.

– Чревовещание, мистер Гвинн, – вежливо сказал репортер, – превосходный способ произвести впечатление на ту-

пицу. Но со мной этот номер не пройдет.

– Чревовещание? Черта с два! – свирепо зыркнул на него кот. – Ты что, не способен распознать фамильяра? Болди знал, что ты придешь. И жутко расстроился. Не хотелось бы его потерять. Он отличный хозяин. Предупреждаю тебя, вошь: если ты моего Болди хоть пальцем тронешь, я приму меры. Самолично.

Трейси вознамерился пнуть кота ботинком, но тот ловко отскочил, выругался – негромко, но с чувством, – и юркнул за ближайший куст, откуда продолжил изрыгать самые уничижительные проклятия. Трейси, в чьей ухмылке добавилось цинизма, проследовал вверх по ступеням и позвонил в дверь.

– Открыто, – сказал кот. – Тебя ждут.

Трейси пожал плечами и решил поверить ему на слово. Помещение, в котором он оказался, было просторным, неплохо меблированным и совсем непохожим на жилище практикующего фокусника. На стенах гравюры, на полу слегка подпаленный бухарский ковер, у окна здоровенный стол, за столом косоглазый толстяк с грустной физиономией, на столешнице раскрытая книга.

– Здравствуйте, Гвинн, – сказал репортер.

– Здравствуйте, Трейси, – со вздохом отвлекся от книги Гвинн. – Присаживайтесь. Сигару?

– Нет, спасибо. Вы знаете, кто я?

– Видел вон в той штуке. – Гвинн ткнул пальцем в угол,

где на треноге покоился хрустальный шар. – Вы, конечно, не поверите, но я не фокусник, а настоящий чародей.

– Ну почему же, – усмехнулся Трейси. – Я вам верю. Как и многие другие. Например, Айна Ферсон.

– В моей профессии всякое бывает, – и бровью не повел Гвинн.

– Но у Айны Ферсон дела сложились не самым лучшим образом. Газеты выставят это происшествие в весьма скверном, вернее сказать, попросту ужасном свете...

– Означающем газовую камеру. В лучшем случае длительное тюремное заключение. Знаю. К сожалению, не могу ничего поделать.

Трейси молча выложил фотокопии на стол. Гвинн перебрал документы, кивнул и поджал пухлые губы:

– Как вижу, у вас имеются все улики. Беда в том, что я не имею права платить шантажистам. Это запрещено.

– Шантажистам? Какое неприятное слово, – заметил Трейси. – Назовем это выплатой дивидендов. Пять тысяч баксов, и улики вылетят в дымоход. Завтра я повышу цену.

– Вы не поняли, – помотал головой Гвинн. – Несколько лет назад я заключил сделку с дьяволом, и в контракте прописаны жесткие условия. Помимо прочего, мне запрещено платить шантажистам.

– Как вам угодно, – пожал плечами Трейси. – Фотокопии можете оставить себе. У меня, как понимаете, есть оригиналы. И не забудьте купить завтрашний номер «Джорнел». В

нем будет статья о ваших похождениях.

– Нет-нет, только не это. – Гвинн обеспокоенно взглянул на книгу и захлопнул ее.

Выражение лица Трейси осталось прежним, но в глазах появился новый блеск. Небольшая книга походила на дневник или журнал бухгалтерского учета. Не мешало бы ее пролистать: вдруг на этих страницах найдутся полезные имена, факты и цифры, способные принести прибыль.

Книга была затянута в простую ткань. На коричневой переплетной крышке маленький белый овал, над ним золотые буквы. Трейси прочел перевернутую надпись – «Болдуин Гвинн» – и сказал:

– Время не терпит. Мне нужен ответ. Любой. Я приму его к сведению и поступлю соответствующим образом.

Гвинн потеревил нижнюю губу и вполголоса произнес:

– Разумеется, это бесполезно. Хотя...

Он швырнул в камин пригоршню пустоты. Вспыхнуло ярко-голубое пламя. Затем Гвинн вынул из воздуха восковую фигурку и задумчиво уставился на нее. В этой шестидюймовой статуэтке Трейси узнал свою точную копию.

Гвинн бросил фигурку в огонь.

– Слыхал о таком, – кивнул Трейси, – но я в это не верю.

– Тогда не сработает, – пробормотал Гвинн, но все равно подождал. На мгновение Трейси почувствовал неприятный жар, но вида не подал. Лишь тонко улыбнулся, и жар схлынул.

Затем в комнате без предупреждения появился еще один человек. Его звали Энди Монк, и два года назад его казнили из-за громкой статьи за авторством Сэма Трейси. Монк тоже отказался ему платить, и Трейси всегда побаивался этого человека, поскольку тот ловко обращался с ножом. Несколько месяцев, пока Монка не поймали, Трейси сторонился тенистых переулков.

Теперь же тенью был сам Монк, и Трейси прекрасно об этом знал. Старый добрый гипноз... Но в глазах Монка горела такая ненависть, что репортеру сделалось не по себе.

Монк открыл огонь из пистолета. Пули, конечно же, были не настоящие, но Трейси весь сжался и не без удивления обнаружил, что сильно дрожит. Пусть это гипноз, но... Монк отбросил пистолет и вытащил длинный нож. Трейси всегда боялся этого ножа. Он заставил себя смотреть сквозь привидение, но Монк казался до жути реальным – если не на ощупь, то хотя бы на вид. Но... вдруг его и пощупать можно? Призрачные пули – это одно, но клинок... По некой причине клинок – это совсем другое. По лезвию прошла голубая рябь.

Трейси не хотелось, чтобы нож (пусть даже неосязаемый) распорол ему горло. Теперь ему стало страшно. Сердце выпрыгивало из груди. Он выхватил самозарядный пистолет и хрипло проговорил:

– Кончайте этот цирк, Гвинн. Быстро!

Он не видел фокусника, потому что в комнате было темно, а Монк подходил все ближе, посмеивался и зловеще по-

игрывал ножом. Трейси закусил губу, сделал шаг назад, спустил курок, мгновенно пожалел о столь скоропалительном решении и пожалел еще сильнее, когда Монк исчез, а Гвинн с простреленной головой обмяк на стуле, широко раскрыв невидящие глаза.

Несколько минут Трейси не шевелился, лишь тяжело дышал. Затем сунул пистолет в карман, шагнул вперед и взял со стола коричневую книгу. Тело трогать не стал. Вынул носовой платок и направился к выходу, по дороге протирая все дверные ручки. Наконец очутился в благословенной тьме ночной, нашарил в кармане бутылку виски и сделал большой глоток. Помогло.

– Не мог же я... – Трейси осекся и окинул пространство быстрым взглядом.

Никакого движения.

Если не считать кота. Тот вышел из тени, уставился на Трейси горящими зелеными глазами, вильнул хвостом и завыл:

– Теперь я буду мстить. Я очень зловредный фамильяр, и Болди мне нравится. Беги, Сэм Трейси. Не бойся проблем с полицией. Бойся проблем со мной – и моими друзьями. Теперь, когда книга у тебя, все усложнилось. Но я справлюсь. – И кот зевнул, демонстрируя репортеру розовый язычок.

Трейси подумал о постгипнотическом синдроме и нерешительно извлек из кармана пистолет, но кот испарился – словно по волшебству, присущему всем кошачьим. Репортер

кивнул, спустился по ступеням, сел в машину, нервно схватился за ключ зажигания и завел мотор.

Маневрировать на узкой извилистой улочке было неудобно, но Трейси без особого труда справился с разворотом. Проезжая на второй передаче по каньону, он не сводил глаз с черной разделительной линии и много думал. Убийство. Причем первой степени. Но никаких улик.

Он пожевал нижнюю губу. Так издергался, что выстрелил в привидение... К несчастью, за этим привидением оказался Гвинн. Однако...

Однако сделанного не воротишь, и хуже нет, чем размышлять на подобные темы. Гораздо правильнее отодвинуть этот инцидент на задворки сознания. Черт возьми! Убийство? Ну и что? Не так давно убийство было в порядке вещей. Например, в Чикаго. Разве сейчас что-то изменилось?

Ну да, изменилось. Убийство – это серьезно. Трейси, сколько себя помнил, старался не марать рук. Со временем его организм задействовал естественные компенсаторные механизмы и стал воспринимать шантаж как нечто само собой разумеющееся. В нашем мире гонку выигрывает самый быстрый. Медленная лошадка неполноценна, пока не вколешь ей допинг. Если у человека хватает ума воспользоваться подкожным стимулятором, его нельзя считать подонком. Разве что по самым строгим стандартам – но Трейси предпочитал о них не думать.

Если ты не дурак и способен прибрать к рукам легкие

деньги, это к лучшему. Гораздо лучше, чем прозябать на репортерскую зарплату.

Но теперь Трейси был в шоке.

– Самозащита, – пробурчал он и закурил.

Вспомнил, что курить в этих пожароопасных краях запрещено, и потушил сигарету. Не хватало только, чтобы его тормознул полицейский.

Свет фар выхватил из темноты грубую, грозную, зловещую фигуру великанши. В панике Трейси выкрутил баранку. Ничего особенного, всего лишь дуб, но иллюзия была устрашающая: на краткий миг репортеру привиделась чудовищная физиономия старой карги с отвисшей челюстью и пронзительным взглядом пылающих зеленых глаз.

Образ промелькнул и исчез, оставив во рту у Трейси кислый привкус страха. Репортер свернул к обочине, остановился и уставился в пустоту. Так, стоп. Сейчас не время истерить.

Он хлебнул виски, передернулся, вытер губы ладонью. Та едва заметно дрожала. Трейси откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Через минуту он придет в норму. Дорога в каньоне извилистая, подъем крутой, и лучше не рисковать, пока не уймется дрожь в руках.

Он вспомнил о дневнике Гвинна. Тот лежал на соседнем сиденье: тонкая коричневая книжка размером чуть меньше октаво²³. Трейси взял его и включил верхний свет.

²³ Формат в 1/8 бумажного листа.

Как ни странно, теперь над овалом значилось «Сэмюел Трейси». Золотыми буквами.

Трейси долго смотрел на эту надпись. Обследовал поверхность овала, поводил по ней пальцем. Гладкая. Похоже, глянцевого пергамент. Наконец он раскрыл книгу на случайной странице. В верхнем правом углу печатное число 17, ниже – единственное предложение набранным вручную шрифтом:

Оборотень не может забраться на дуб.

Трейси перечитал эту фразу, но ее содержание не изменилось. Он нахмурился и перевернул страницу.

Он блефует.

Всего-то два слова – но целая загадка, и это еще мягко сказано. По всей очевидности, это не дневник Гвинна. Книга больше похожа на Джойсовы «Поминки по Финнегану».

Трейси полистал страницы. На двадцать пятой говорилось:

Проверь ветровое стекло.

На двадцать шестой:

Говори правду и никого не бойся.

Несколькими страницами позже Трейси обнаружил следующее:

Все отрицай.

В книге имелись и другие двусмысленные комментарии: «Не переживай насчет неурожая», «Целься в глаз», «Не открывай рта, пока не вернешься на Землю» и «Попробуй снова». Допустим, это сборник афоризмов, причем самых зага-

дочных, но у Трейси сложилось ощущение, что он стоит на пороге тайны. Очень важной тайны, и ключ к ней не сумеет подобрать никто, кроме него.

Да ну, к черту. Гвинн был сумасбродом. Эта книжка ничего не значит. Или?..

Холодало. Трейси скривил губы, бросил книгу на пассажирское сиденье и завел мотор. Но каким образом на коричневой обложке оказалось его имя? Ведь раньше там было имя Гвинна... или нет? Трейси попробовал вспомнить, но уверенности не было. В любом случае сомнения успокоили его.

Он сдал назад, развернулся, выехал из каньона и свернул на главную магистраль Лорел, кратчайшую дорогу между Голливудом и Вэлли – и здесь, как всегда, было полно машин.

Не сказать, что авария случилась внезапно. Слева от дороги тянулся овражек, справа нависало дерево, и в свете фар оно показалось дико необычным. Трейси опять увидел серое, обвисшее, морщинистое ведьмино лицо и беззубый рот, разверстый в насмешливой ухмылке. Уродливая голова одобрительно кивала, и Трейси ясно понял, что в хитросплетении ветвей скрывается монструозная женская фигура. Дерево стало антропоморфным. Натужно извиваясь, оно сутулило тяжелые плечи, кренилось, тянулось к дороге...

И упало. Трейси охнул, вдавил педаль газа в пол, взял левее. Неготовый к маневру двигатель запнулся, автомоби-

лю не удалось набрать скорость, дерево обрушилось, и толстая ветвь, как нарочно, бросилась под колеса. С неприятными хлопками лопнули шины. Из-за тошнотворного предчувствия неотвратимой беды Трейси утратил способность двигаться и даже дышать. Двухдверный автомобиль вылетел за обочину, перевернулся, соскользнул в овражек и продолжал переворачиваться, покуда не замер на боку.

Раздираемая белыми вспышками боли голова гудела, что твой колокол. Трейси зажало в неловкой позе между сиденьем и рулевым колесом, которое, по счастью, осталось на месте. По крайней мере, Трейси не прищипило к спинке сиденья. Он зашарил в поисках ключа, намереваясь выключить зажигание, но мерцающее пламя сообщило, что уже поздно.

Машина была в огне.

Невзирая на боль, Трейси попробовал выпрямиться. Безосколочное стекло не разбилось, и репортер дернулся вверх, к дверце у себя над головой, но ту заклинило. За окном он видел звезды, отчасти скрытые за волнистой вуалью полупрозрачного дыма. Красноватое сияние сделалось ярче. Когда огонь доберется до топливного бака...

Он услышал далекие возгласы. Кто-то спешил на помощь – наверняка опоздает. Со сдавленным криком Трейси налег на дверцу, но та не сдвинулась с места. Вот бы разбить окошко... Он поискал что-нибудь тяжелое, но не нашел. Бардачок заклинило, а скрюченная поза не позволяла снять ботинок и высадить стекло каблуком. Едкий запах усиливался. Мерцал

красный свет.

В бок репортеру впился острый угол какого-то предмета. Надеюсь, что это кусок металла, способный одолеть стеклянную преграду, Трейси вцепился в него и обнаружил, что держит в руке книгу. Белый овал на обложке светился. На его фоне проступили две арабские цифры: 25.

В критической ситуации чувства обостряются. Благодаря инстинкту самосохранения Трейси отчетливо вспомнил фразу, напечатанную на двадцать пятой странице. Загадочное послание вдруг обрело смысл:

Проверь ветровое стекло.

Трейси надавил ладонью на длинную прозрачную пластину, и та вывалилась наружу. В потное лицо дунул свежий ветерок. Треск пожара усилился.

Покрепче сжав книгу, Трейси червем выполз в образовавшееся отверстие, где весь исцарапался, а потом что было духу припустил вниз по склону и остановился, лишь когда померкли красные отблески. Ревущий грохот известил о взрыве топливного бака. Трейси почувствовал слабость в коленях, сел и опустил глаза на книгу – продолговатую черную тень в неярком лунном свете.

– Господи... – сказал он.

Через какое-то время сунул книгу в карман изодранного плаща и вскарабкался по склону овражка.

У обочины выстроились автомобили. Повсюду сновали люди с фонариками. Злясь на предстоящую сцену, Трейси

побрел к толпе. Ему хотелось лишь одного – уединиться и изучить книгу. У всякого скептицизма есть предел. На своем веку Трейси повидал немало диковинных событий, благодаря чему сохранил некоторый кредит доверия к небывальщине. Не исключено, что все это банальное совпадение. Но на самом деле он так не думал.

Поднялась суматоха: громкие вопросы, довольно-таки бессмысленные разговоры, заверения со стороны Трейси, что он цел и невредим. В сопровождении полицейского он прогулялся к ближайшему жилью, откуда позвонил в страховую компанию. Тем временем ему вызвали такси.

Трейси велел шоферу притормозить у голливудского бара неподалеку от дома, где проглотил несколько порций виски сауэр, не переставая ощупывать карман с книгой. Он не отважился достать ее у барной стойки, да и свет здесь был рассеянный, – должно быть, хозяин бара верил в сомнительное утверждение, что подвыпившие люди, как правило, выглядят не самым лучшим образом. Восстановив силы и чувствуя нарастающее волнение, Трейси добрался до своей уилширской квартиры, закрыл дверь и зажег свет.

Какое-то время постоял у самого входа, поглядывая по сторонам. Затем уселся на кушетку, включил настольную лампу и извлек из кармана коричневый том.

Овальная белая вклейка опустела. На скучной коричневой ткани золочеными буквами значилось его имя. Трейси открыл страницу 25. Там говорилось: «Проверь ветровое

стекло».

Трейси закрыл книгу. Подумав, раскрыл ее на форзаце, где не было ни текста, ни рисунка. Следующая страница оказалась интереснее. В глаза Трейси бросилось его собственное имя, набранное уже знакомым грубым шрифтом:

Уважаемый мистер Трейси,

к этому времени Вы, должно быть, поняли, что сей гримуар обладает весьма специфическими особенностями. Его возможности, однако, ограничены, и каждому владельцу отведены лишь десять страниц. Используйте их осмотрительно.

С приветом, автор

Послание загадочное, но выразительное. Трейси обмозговал слово «гримуар», но не обнаружил его толкования в своей памяти. Лишь смутно вспомнил, что это вроде бы колдовская книга. Сборник заклинаний.

Он задумчиво полистал страницы. Заклинания? Скорее, советы. И совет насчет ветрового стекла пришелся очень кстати.

Трейси сложил губы в недоброй улыбке. Из-за аварии он и думать забыл об убийстве! Быть может, это не к добру. Если у полиции возникнут подозрения... Хотя с какой стати? Присутствие Трейси на Лорел-Каньоне легко объяснить: это оживленная улица с плотным транспортным потоком. Дом Гвинна стоит на отшибе, и тело, по всей вероятности, найдут лишь через несколько дней.

Он встал, снял порванный плащ и с омерзением отбросил его. Трейси питал к опрятности едва ли не чувственную страсть. Он отправился в ванную, чтобы принять душ, но вскоре выскочил обратно в компании клубов пара и забрал книгу с кушетки.

Она лежала на полке, пока он мылся и надевал пижаму, а поверх нее домашний халат. Она была у него в руке, когда он прошлепал в гостиную и, не сводя глаз с переплета, налил себе виски и добавил совсем чуть-чуть воды. Пригубил крепкую смесь и почувствовал, как по телу и сознанию разливается теплая истома. До сего момента он не понимал, как сильно натянуты его нервы.

Он сел и задумался о книге. Волшебство? Оно вообще бывает, это волшебство?

Трейси снова пролистал страницы, но печатные строки не изменились. Совет насчет ветрового стекла спас ему жизнь – самым экстраординарным и даже алогичным образом. Что до предложений на других страницах, их смысл граничил с откровенным безумием. «Оборотень не может забраться на дуб» – ну и что с того?

Трейси вновь наполнил стакан. Сегодня он пил не в меру – по вполне очевидным причинам, – но его состояние выдавал лишь блеск испарины на высоком загорелом лбу.

– Грядет кое-что интересное, – негромко прозвучал чей-то голос.

Говорил кот. Лоснящийся, толстый, красивый, он сидел

на стуле напротив Трейси и сверлил его загадочным взглядом. У кошек подвижный артикуляционный аппарат и сноровистый язык, подумал Трейси. Почему бы им не говорить по-человечески?

– По-прежнему думаешь о чревовещании? – размял плечи кот. – Или перешел на стадию галлюцинаций?

Трейси встал, пересек комнату и опасно потянулся к говорящему коту:

– Хотелось бы убедиться, что ты настоящий. Можно?..

– Только осторожно. Без фокусов. Когти у меня нешуточные, а магические способности – и подавно.

Удовлетворенный прикосновением к теплomu меху, Трейси отступил и какое-то время задумчиво смотрел на кота. Наконец промолвил слегка охрипшим голосом:

– Ну хорошо. Я говорю с тобой, а значит, признаю твое существование. Это осязуемый прогресс. Все по-честному.

– Истину глаголешь, – кивнул кот. – Я пришел поздравить тебя – ведь ты улизнул от дриады – и заверить, что все только начинается.

– От дриады? – Трейси сел на прежнее место. – Я думал, дриады красавицы. Примерно как нимфы.

– Сказки, – лаконично ответил кот. – Греческий эквивалент желтой прессы. Сатиры соблазнялись только юными, листопадными дриадами. А те, что постарше, – представляешь, на что похожа дриада калифорнийской секвойи?

– Думаю, да.

– Ошибаешься. Чем старше антропоморфное существо, тем сильнее сглаживаются его отличительные – и разграничительные – черты. Ты же замечал, что человеческие старики кажутся бесполоыми? На этом этапе трансформации они, конечно, умирают. В итоге стираются различия между человеком и богом, затем между человеком и животным, между животным и растением. Наконец остается лишь разумный комок глины. Дальше заглядывать не советую. Но дриады калифорнийской секвойи переступили эту грань.

Взгляд кота был настороженным, но непроницаемым. Трейси почувствовал, что разговор затеян с определенной целью, и стал ждать.

– Кстати говоря, меня зовут Мег, – сказал кот.

– Это женское имя... Выходит, номинально ты не кот, а кошка?

– В этой инкарнации – да. В естественном ареале обитания фамильяры – бесполое существа, но на Земле мы вынуждены подчиняться здешним законам. По крайней мере, отчасти. Возможно, ты заметил, что дриаду не видел никто, кроме тебя.

– Там никого не было.

– Вот именно, – удовлетворенно кивнул Мег.

Трейси обдумал его слова, ясно понимая, что вступил в поединок.

– Ну хорошо, – согласился он. – Давай перейдем к делу. Кем ты был для Гвинна? Фамильяром? Что это значит?

– Я служил ему, Трейси. Фамильяр – это катализатор способностей чародея.

– Не понял?

– Знаешь, что такое катализ? Ускорение химической реакции между двумя веществами через косвенное участие стороннего агента. Но в нашем случае реакция не химическая, а магическая. Возьми тростниковый сахар и воду, добавь серной кислоты – на выходе получишь глюкозу и фруктозу. Возьми пентаграмму и бычью кровь, добавь меня, и получишь демона по имени Фарнегар. Покровителя лозоискателей, – пояснил Мег. – Бывает полезен при поиске клада, но у него имеются свои ограничения.

Трейси обдумал его слова и не обнаружил в них логических изъянов. Многие сотни лет в фольклоре упоминаются фамильяры чародеев. Но какую они играют роль? Проблематичный вопрос. Бесславную роль демонического лакея? Это попросту глупо.

Роль катализатора? Да, приемлемо. Особенно для сознания бедолаги Трейси, утопавшего в алкогольных парах.

– Думаю, мы можем заключить сделку, – взглянул он на фамильяра. – Насколько я понимаю, ты остался без работы. Ну а мне не помешают кое-какие магические знания.

– Держи карман шире, – презрительно фыркнул Мег. – И думать не смей, что магию можно изучить заочно. Как и в любой серьезной профессии, специалиста нужно возвращать. Ты должен овладеть прецизионными инструмента-

ми, отточить инстинкты... Именем Владыки, Трейси, все эти премудрости будут посложнее учебы в университете! Чтобы работать с заклинаниями, требуются врожденные лингвистические способности. Молниеносная реакция. Идеальное чувство времени. Гвинн заслужил козлиную шкуру лишь спустя двадцать три года прилежной учебы. Кроме того, нельзя забывать о первоначальной формальности: плате за обучение.

– По всей видимости, ты владеешь магией, – хмыкнул Трейси. – Почему бы не...

– Потому что, – еле слышно ответил Мег, – ты убил Гвинна. И я исчезну вместе с ним, хотя собирался провести на Земле еще лет десять, а то и все двадцать. В этой реальности я свободен от неприятных обязанностей, которые придется выполнять там, где меня сейчас нет.

– Ты про ад?

– С антропоморфической точки зрения да. Но мы с тобой представляем ад по-разному, что вполне естественно, ибо в первозданном состоянии мои органы чувств отличаются от твоих.

Мег спрыгнул со стула и стал расхаживать по комнате. Трейси внимательно следил за ним – или за ней? Его рука нащупала и стиснула книгу.

– Нам предстоит любопытное состязание в сообразительности, – сказал фамильяр. – Книга поможет тебе, причем ощутимо, но в моем распоряжении остается магия.

– Ты намерен... убить меня? – Трейси потянулся к плащу. – Зачем?

– Я же сказал: из мести.

– Может, договоримся?

– Нет, – отрезал Мег. – Ты не способен предложить мне ничего существенного. Скоро я пришлю кого-нибудь по твою душу. Саламандру или еще кого.

– А если я тебя пристрелю? – Трейси вынул из кармана самозарядный пистолет и направил на фамильяра. – Ты существо из плоти и крови. Ну, что скажешь?

– Попробуй. – Кот сел на пол и уставился на Трейси.

Репортер опустил пистолет. По некой загадочной причине ему стало очень страшно.

– Лучше бы ты попробовал выстрелить, – посетовал Мег.

– Ох, проклятие, – проворчал Трейси и встал с книгой в руке. – Пойду налью еще стаканчик. – Тут его посетила новая мысль. – Вдруг ты и правда галлюцинация? Откуда мне знать? Может, спьяну примерещился? В таком случае... – Он усмехнулся. – Можно угостить тебя блюдцем сливок, Мег?

– Спасибо, – с благодарностью отозвался фамильяр, – не откажусь.

Наполняя блюдце, Трейси взглянул на свое отражение в кухонном окне и усмехнулся.

– *Toujours gai*²⁴, – сказал он по-французски, – всегда бодр

²⁴ Всегда счастлив (*фр.*).

и весел. Может, добавить в сливки крысиного яда? Ну-ну.

Мег лакал угощение, но не отводил взгляда от Трейси, делившего внимание между стаканом и книгой.

– Интересная штука, – бормотал репортер. – На первый взгляд ничего волшебного. По какому принципу проступают цифры? Этот овал – что-то вроде грифельной доски ясновидящего?

– Ничего подобного, – возразил Мег. – В книге пятьдесят страниц, на которых ты найдешь решение любой мыслимой проблемы человеческого существа.

– Бред какой-то, – нахмурился Трейси.

– Неужели? История повторяется, друг мой, и человеческая жизнь состоит из сплошных клише. Тебе не приходило в голову, что алгоритм твоей жизни можно свести к набору уравнений? Если не ошибаюсь, этих уравнений ровно пятьдесят. Копни глубже, и найдешь наименьший общий знаменатель, но он вне людского разума. Насколько я понимаю, автор книги проанализировал ваши жизни, заключил их в рамки базовых шаблонов и облек эти уравнения в грамматически верные фразы. Это всего лишь вопрос семантики, – заключил Мег.

– Все равно непонятно. Хотя нет, погоди. Может, и понятно. Допустим, есть яйца сорта «эс-два», «эс-один» и так далее. Если убрать цифровую маркировку, останется «эс» – то есть все сорта яиц, а из них вылупятся примерно одинаковые цыплята, хотя цыплят по осени считают.

– Сумбурно, но в целом ты прав, – признал фамильяр. – И не забывай про курицу.

– Инкубатор, – рассеянно поправил его Трейси и уткнулся в книгу. – То есть здесь решение всех человеческих проблем? А как же «Оборотень не может забраться на дуб»? Как часто люди сталкиваются с оборотнями?

– Сделай поправку на символизм и персональные психологические ассоциации. Кстати, четвертый владелец этой книги – если считать в обратную сторону от сего момента – был оборотнем, – промурлыкал фамильяр. – Ты не поверишь, как идеально все сходится.

– Кто ее написал? – спросил Трейси.

– Ясное дело, математик, – грациозно пожал плечами фамильяр. – Насколько понимаю, это был его хобби-проект.

– Ты про Сатану?

– Не задавайся. Человеческие существа не настолько важны. Единственный смысл существования Земли – дать пищу для ума другим созданиям. Как бы то ни было, это простые слова, почти исключают фактор неопределенности.

Трейси долго смеялся, а потом сказал:

– Я только что понял, что обсуждаю семантику с котом. Или кошкой.

Но Мег исчез.

Вне всякого сомнения, он знал, что беседы с врагом притупляют бдительность. Трейси следовало быть начеку. Да, Мег вылакал его сливки (по сути дела, преломил с ним хлеб),

но это ничего не значило: кошки аморальны, а фамильярам чужда всякая мораль. Поэтому кошка-фамилляр – весьма опасное и непредсказуемое существо.

Но Трейси, чье сознание слегка затуманилось от выпитого виски, прикрылся книгой, будто баклером, решил, что ему ничего не грозит, и задумался о логических формулировках.

– Вопрос дедукции, – бормотал он. – Пожалуй, автор нарисовал множество графиков, сделал на их основании некие выводы и проверил их, опираясь на умозаключения. Вот так так!

От этих мыслей голова шла кругом.

Он снова изучил книгу. На обложке засветился белый овал. В нем появился номер. У Трейси засосало под ложечкой.

Страница 34.

Он заозирался, ожидая чего угодно, но в комнате ничего не изменилось. Мег не материализовался.

На странице 34 говорилось: «Канарейкам нужен кислород».

Канарейкам?

Он вспомнил, что несколькими днями раньше приятель подарил ему гарцкого роллера, дорогую певчую канарейку, и Трейси еще не успел избавиться от этой твари. В углу висела клетка, накрытая белой тканью. Из нее не доносилось ни звука.

Трейси отправился в угол и сорвал покрывало. У канарей-

ки были неприятности. Она лежала на дне клетки, разевала клюв и конвульсивно дергала лапками.

Кислород?

Трейси тихонько присвистнул и бросился открывать все окна в квартире. Наглотался холодного свежего воздуха, голова закружилась еще сильнее, и он вдруг сообразил, что переусердствовал с выпивкой.

Но угнездившуюся в желудке тошноту не следовало спусывать на обильные возлияния. Закусив губу, Трейси смотрел, как оживает канарейка. Она не умерла: следовательно, в комнате оставалось достаточно кислорода. Ведь здесь не угольная шахта.

Угольная шахта... газ... точняк! С натянутой улыбкой Трейси опустился на колени возле газового радиатора. Как и следовало ожидать, вентиль был открыт на полную. Трейси услышал негромкое шипение.

Значит, Мег полагается не только на магию, а кошачьи лапы способны проявить чудеса ловкости.

Трейси закрутил вентиль, обошел всю квартиру, обнаружил такую же проблему в спальне, ликвидировал ее, а канарейка тем временем пришла в себя и начала слабо попискивать. Трейси накрыл клетку покрывалом и обдумал события последних минут.

Книга. С обложки исчезли цифры.

На Трейси нахлынула паника. Ему отведено десять подсказок. Две он уже использовал. Осталось восемь. Всего ни-

чего. А Мег изобретательный фамилляр. Костями ляжет, чтобы отомстить.

В недрах сознания закопошилась новая мысль, но высываться из норы она не торопилась. Трейси расслабился, закрыл глаза, и по прошествии некоторого времени мысль перестала стесняться.

В руках у него магические силы с неограниченным потенциалом. Коричневая книга с ответом на любой человеческий вопрос. Будь она у Наполеона, Лютера, Цезаря... Ух ты! Ведь жизнь – сплошная череда проблем. Люди неполноценны, они не способны визуализировать все уравнение целиком, а потому совершают ошибку за ошибкой.

Но книга, подумал Трейси, всегда подскажет правильный ответ.

По иронии судьбы эта мощь будет растрочена впустую. У Трейси десять подсказок. Рано или поздно они закончатся, книга утратит контрмагические силы и Мег свершит свою месть. Вопиющая расточительность! Но такова суровая правда жизни.

Трейси хорошенько растер кожу над ушами. Перед ним была золотая жила, и он искал наилучший способ воспользоваться этим подарком судьбы. В момент опасности книга решит логическое уравнение и подскажет хозяину правильный выход. Следовательно, ее магия, если так можно выразиться, пассивна.

Не совсем. Допустим, Трейси окажется перед лицом фи-

нансового краха. Такая ситуация непременно попадет в разряд опасной – если только книга не ограничивает понятие «опасность» прямой угрозой физическому существованию. Но Трейси надеялся, что это не так.

Если ему будет грозить разорение, книга высветит номер спасительной страницы. Укажет ли она способ вернуть прежний финансовый статус? Нет, поскольку этот статус, будучи аннулирован, уже зарекомендовал себя как ненадежный.

Допустим, это лишь казуистическое умозаключение, но Трейси был уверен, что сумеет не раскрыть своих карт, прибегнув к искусной подтасовке. Он нуждался в деньгах. Вот и хорошо: он нарочно спровоцирует неизбежный финансовый коллапс, и в этот момент книга придет на помощь.

Хотелось бы надеяться.

У него осталось восемь страниц с советами, и нельзя растрачивать их на порожные проверки. Трейси бегло просмотрел книгу: быть может, получится использовать эти рекомендации без подсказок? Вряд ли. Например, «Все отрицай». Совет, конечно, добрый... при определенных обстоятельствах. Но как знать, когда именно они сложатся, эти обстоятельства? Об этом известно только книге.

И еще: «Убийца ждет». Великолепно! Неоценимый совет для Цезаря – если уж на то пошло, для почти любого из цезарей. Если знать, что тебя поджидает убийца, нейтрализовать его будет проще простого. Но нельзя же всю жизнь озираться по сторонам!

Конечно, логика безупречная, но в уравнении не хватает одной переменной – а именно времени. Поскольку эта переменная целиком и полностью зависит от жизненного пути владельца книги, она никогда не превратится в рациональную константу.

Тем временем где-то неутомимо рыскал кровожадный Мег, твердо вознамерившийся свершить свою месть. Если Трейси воспользуется... вернее сказать, сумеет воспользоваться книгой для достижения персональных целей, он растратит восемь советов и останется беззащитен перед нападением фамильяра. Зачем мертвецу слава и богатство? У савана карманов нет.

Тьма за окном озарилась красным свечением, и в поле зрения вползло маленькое существо, похожее на ящерицу с гекконьими присосками на лапах. Когда оно скользнуло на подоконник, Трейси почувствовал легкий запах подгоревшей краски.

Он взглянул на книгу. Та не изменилась. Значит, опасности нет. Но если бы он не прикрутил вентиль... Берем раскаленную саламандру, отправляем ее в загазованную комнату – и вуаля!

Трейси схватил стоявший поблизости сифон и брызнул на саламандру содовой водой. Тварь зашипела и скрылась там, откуда пришла.

Вот и прекрасно. У Трейси по-прежнему остаются восемь подсказок – то есть восемь способов перехитрить и уничтожить фамильяра. Быть может, он обойдется меньшим чис-

лом – настолько малым, насколько это возможно, – и оставит кое-что про запас. Сбереечь несколько страниц попросту необходимо, ведь в ином случае жизненный статус Трейси останется прежним. Улизнуть от опасности? Нет, этого мало. Надо... Кстати говоря, что ему надо?

Трейси взял лист бумаги, карандаш и сел выяснять, чего ему хочется. Счастье – расплывчатая штука, еще одна переменная, чье содержание всецело зависит от индивидуума. Власть? Женщины? Деньги? У Трейси было и то, и другое, и третье – в умеренном количестве. Безопасность?

Да, безопасность. Это константа. Оберег от зловещих теней, маячивших в будущем. Но нельзя желать безопасности в широком смысле слова, книга так не работает. Похоже, абстракции и обобщения ей неподвластны.

Что способно обеспечить безопасность? Первый ответ – деньги, но ответ неудовлетворительный. Трейси попробовал взглянуть на вопрос под новым углом. Кто находится в безопасности?

В общем и целом, *paisanos* – крестьяне – более довольны жизнью, чем *potentates* – властители. Трейси, однако, не хотел становиться крестьянином. Возьмем, к примеру, Геррика, владельца газеты. Он в безопасности? Пожалуй, нет, пока нестабилен сам окружающий мир.

В итоге Трейси так ничего и не придумал. Наверное, правильнее будет намеренно оказаться в наихудшей ситуации и предоставить остальное книге. А если книга подведет его...

Такое вполне возможно. Но Трейси питал склонность к азартным играм. Какое же событие станет для него наихудшим?

Ответ очевиден: утрата книги!

В камине уже лежали дрова. Трейси поднес спичку к мятой газете, а потом смотрел, как огонь ползет вверх, на трескучие поленья. Если целенаправленно поставить себя в безвыходное положение, книга непременно явит логическую панацею: лекарство от всех проблем. Что ж, попытка не пытка.

Трейси усмехнулся собственной изобретательности и бросил книгу в огонь: овалом вверх. Как только ее лизнули жадные языки пламени, на белом фоне проступили две цифры: 43.

Ответ на самый фундаментальный вопрос: как не лишиться книги!

Трейси сунул руку в камин, стараясь не обжечься о россыпь углей, и выхватил гримуар. Огонь слегка подпалил коричневую обложку, но страниц не тронул.

Хриповато дыша, Трейси присел на корточки и раскрыл книгу на сорок третьей странице.

Там говорилось – с некоторым налетом простодушного злорадства:

Правильно.

Трейси выпрямился. Его лицо окаменело. Он схватил пустой хайбол и запустил им в стену, после чего подошел к ок-

ну и впери́л невидящий взгляд в ночную тьму.

Осталось семь подсказок.

Спал Трейси удовлетворительно. Сновидения его не тревожили, а книга лежала под подушкой.

Утром он принял холодный душ, проглотил чашку черного кофе и приготовился к предстоящим испытаниям. Он не питал иллюзий относительно будущего и понимал, что фамилляр не отказался от своей затеи.

В редакцию Трейси приехал позже обычного. Новостной зал расчертили косые лучи пыльного солнечного света. Повсюду сновали посыльные с телеграммами. Офис редакции походил на съемочную площадку игрового фильма о газетном бизнесе. Переписчики новостей занимались писаниной, а за стеклянными панелями в глубине помещения виднелись силуэты взбешенных редакторов, готовых отправить «звездных» репортеров на рискованные задания. Фотограф по имени Тим Хэттон мрачно курил в углу.

– Привет, Сэм. – Он подбросил на ладони игральные кости. – Сыграем?

Макгрегор – человек из Денвера, состарившийся за повседневными трудами – поднял лысую голову, бросил на Трейси хитрый взгляд и просипел:

– Тим Хэттон по киношкам избегался. Тим Хэттон общитался Чарли Макартура и Бена Хекта. С младых ногтей я кропаю заметки для газет по всей стране и ни разу не встре-

чал такого целеустремленного газетчика. Сам Бонфис²⁵ ему в подметки не годится. В скором времени наш Тим начнет рассказывать о своем похмелье и предложит тебе, Трейси, хлебнуть из красивой серебряной фляжечки, которую таскает в кармане штанов. Эх, молодежь... – Макгрегор сунул в рот лимонный леденец и вернулся к работе.

– Зануда, – порозовел Хэттон. – Ну почему он всегда меня подначивает?

– Ступай на улицу, сфотографируй мне убийцу, – сказал Макгрегор. – Протолкайся за полицейский – пардон, фаронский – кордон и войди в здание, где засел опаснейший преступник. Жаль, что его вообще изобрели, кинематограф этот. А то, видишь ли, приходят в редакцию всякие щенки, мелочь пузатая, и думают, что в отделе местных новостей сидит Эдди Робинсон.

Трейси просмотрел еще сырой оттиск «Джорнел» – найдено ли тело Гвинна? – и рассеянно изрек:

– Давно уж канул в прошлое тот день, Тим.

– Это, знаешь ли, твое личное мнение, – проворчал Хэттон и взгляделся в циферблат наручных часов. – Через тридцать минут у меня встреча с Барни Донном. Ну?

– Барни Донн, – машинально пояснил Макгрегор, – премник Эрни Ротштейна, чикагский пивной барон, ходил под Капоне, отсидел за неуплату налогов в федеральный бюджет, крупнейший игрок Флориды, на прошлой неделе уехал из

²⁵ *Феликс Бонфис* – знаменитый французский фотограф и писатель.

Хайалиа. Что он тут забыл?

– Вот и выясню. Это же новости, – обронил Хэттон. – То есть моя работа.

– Я с тобой, – опустил газету Трейси. – Когда-то я знался с этим Барни.

Он не сказал, что однажды шантажировал Донна и тот выплатил ему пару тысяч долларов. Не упомянул и о том, что его слегка тревожило появление Донна в Голливуде. Быть может, это происки фамильяра? У Барни долгая память. Не пора ли взять быка за рога?

Макгрегор с хрустом раскусил леденец и язвительно произнес:

– Не забудьте про участь Ротштейна.

Хэттон вяло обругал его и взял фотоаппарат:

– Готов, Сэм?

– Ага.

Трейси бросил «Джорнел» на стол. В газете не было ни слова про Гвинна. Он подумал, не стоит ли заглянуть в папку с некрологами, но решил не рисковать. Вслед за Хэттоном он вышел из офиса и прошагал мимо секретарши. Фотограф водрузил на темя измятую шляпу. Из ноздрей у него лениво струился сигаретный дым.

Завидев редакционного кота, Трейси вздрогнул, но тут же понял, что перед ним не Мег. Однако вид этого создания заставил его призадуматься: интересно, каков будет следующий ход фамильяра?

Они с Трейси совершенно разные. У Мега мало времени, но он в совершенстве владеет магией. У Трейси же магии кот наплакал, зато время играет ему на руку. Фамильяр сказал, что исчезнет вместе с Гвинном. В смысле? Станет слабеть, истончаться, а потом и вовсе растворится в воздухе?

Ну а пока у Трейси есть книга.

Он все еще не знал, как найти ей наилучшее применение, но держал под рукой – на тот случай, если Барни Донн в услужении у фамильяра. У этого игрока репутация честного человека, но простым его не назовешь.

Администратор спросил, как их зовут, и разрешил подняться. Гостиница была огромная, одна из лучших в Лос-Анджелесе. Донн снял в ней люкс.

Он встретил гостей у двери: коренастый смуглец с перебитым носом и широкой зубастой улыбкой.

– Черт побери, Сэм Трейси собственной персоной! А этот щенок – он кто?

– Привет, Барни. Это Тим Хэттон. Мы оба из «Джорнел». И начинай следить за языком, хотя мы и так состряпаем заказную статью по твоему вкусу.

– Тогда входите, – усмехнулся Донн. – Подцепил эту манеру речи в Чикаго, а теперь не могу от нее отделаться. Прямо как Джекил и Хайд. Да входите же!

Трейси не испытал особого облегчения. Он пропустил Хэттона вперед, задержался и тронул Донна за рукав. Игрок широко раскрыл карие глаза:

– Что такое?

– Зачем ты приехал?

– Отдохнуть, – ответил Донн. – И поиграть. Об этом вашем Голливуде ходят самые занимательные слухи.

– Это все? Других причин нет?

– Ладно, я понял. Думаешь... – снова усмехнулся Донн. – Слушай, Трейси, однажды ты меня прижал, но то был первый и последний раз. Теперь я чист.

– Я тоже, – с некоторой неопределенностью в голосе сказал репортер. – Кстати говоря, извини, что пришлось взять с тебя деньги, но...

– Деньги? – пожал плечами Донн. – Их нетрудно заработать. Хочешь знать, затаил ли я на тебя зло? Нет, не затаил. Ясное дело, буду рад, если ты вернешь мне ту сумму – просто чтобы рассчитаться, – но... Какого черта! Я ведь не человека убил! Ни разу в жизни никого не убивал.

С этим утешительным заверением он проследовал в комнату, где за столом сидели двое крупных местных игроков. Хэттон с громадным удовольствием показывал им фокусы: ловко тасовал и подбрасывал карты, не обращая внимания на огонек сигареты, подбирившийся к нижней губе.

– Видали? – спросил он.

– Может, сгоняем партейку? – спросил Донн у Трейси. – Сто лет мы с тобой не играли.

– Давай, – нерешительно ответил Трейси. – Партейку-другую. Но по маленькой.

Он знал, что Донн честный игрок. Иначе отказался бы.

На столе стояло спиртное. Донн наполнил и распределил стаканы.

– В самолете я чуток поиграл, но хочу убедиться, что в Калифорнии от меня не отвернулась удача. В Хайалиа была полоса везения... Ну что, в стад?

– Анте? – просиял Хэттон.

– Пятьсот.

– Ого!

– Ладно, для начала пусть будет сотня, – улыбнулся Донн. – Потянешь?

Хэттон кивнул и достал бумажник. Трейси сделал то же самое, бросил купюры на стол и взял соответствующее количество фишек. Остальные двое молча потягивали виски и ждали.

Первую партию сыграли в спокойной обстановке: Донн взял банк младшим стритом, ничего особенного. Вторую партию выиграл Хэттон, третью – с приличным количеством синих фишек – Трейси.

– Еще одну, и закругляюсь, – объявил он.

– Э! – возразил Хэттон.

– Если хочешь, продолжай, – сказал ему Трейси. – Игра честная, но у Барни чутье на карты.

– Как всегда, – шмыгнул носом Донн. – С самого детства. Посиди с нами, Сэм.

Трейси взял карту в надежде на флеш, но напрасно. Донн

выиграл и сгрёб фишки. Репортер встал:

– Хватит, Барни. Берем интервью и отчаливаем. Или отчаливаю я один, если Хэттон желает остаться.

– Посиди, – повторил Донн, глядя ему в глаза.

– Извини...

– Послушай, Сэм, – возразил Донн, – мне почему-то кажется, что ты мой должник. Давай поступим по-честному. Говорят, деньжата у тебя водятся. Ну что ты жмешься, черт тебя дерит?

– Ты... э-э-э... настаиваешь? – натянуто спросил Трейси. Донн с ухмылкой кивнул.

Трейси вернулся за стол, закусил губу и бросил хмурый взгляд на колоду.

– Думаешь, холодная? – осведомился Донн. – Если хочешь, перетасуй.

– Ты краплеными не играешь, – признал Трейси. – Черт с ним! Почему бы и нет? Дай-ка мне фишек. – И он опустошил бумажник, а пятью минутами позже спросил: – Чеки принимаются?

Через полчаса он уже ставил росчерки на долговых расписках.

Игра развивалась стремительно, безжалостно, опасно, была честной, но оттого не менее рискованной. Законы случая регулярно прогибались от ударов под дых. У некоторых людей есть талант к карточным играм, шестое чувство, основанное на превосходной памяти и тонком знании челове-

ской психологии. Донн был одним из таких везунчиков.

Маятник раскачивался, анте возрастало, Трейси постепенно отыгрывался. Они с Донном побеждали чаще других, и через полтора часа в игре остались трое: Трейси, Хэттон и, разумеется, Донн.

Однажды Трейси решил, что Донн блефует, ответил и ошибся. Тем временем ставки увеличивались. Наконец Трейси собрал неплохую руку и начал душить противников.

Донн поднял ставку. Хэттон сделал то же самое. Трейси оценил свои карты и вбросил в игру стопку синих.

Выписал еще один чек, взял фишек и вновь перешел в атаку. Хэттон сбросил карты. Донн опять поднял ставку.

Толкнув к центру стола последние фишки, Трейси понял, что его банковский счет пуст, и в этот момент почувствовал бедром непривычное тепло.

Книга.

Еще один совет на обложке? Трейси не знал, горевать ему или радоваться. Он заглянул в глаза Донна – карие, сверкавшие от азарта – и понял, что тот намерен играть на повышение.

Ответить ему было нечем.

– Простите, – вскочил из-за стола Трейси, – я на минутку.

Прежде чем Донн успел возразить, репортер удалился в туалет, захлопнул дверь и выдернул из кармана книгу. На светящемся фоне чернело число 12.

Подсказка гласила: «Он блефует».

– Будь я проклят, – тихонько сказал Трейси.

– Это неизбежно, – прозвучал низкий голос. – Но такая пронизательность встречается довольно редко. Согласен, Бельфегор?

– Ха! – просипели в ответ. – Сплошная говорильня, когда надо действовать. Мгновенно, безжалостно и кровопролитно.

Трейси огляделся, но не увидел ничего необычного. Нашарил за спиной ручку, открыл дверь и вышел в комнату, где сидели Донн и остальные.

Обвел ее взглядом и понял, что комната изменилась.

Строго говоря, это была уже совсем не комната, но оживший трехмерный сюрреалистический пейзаж. Над головой пустое серое небо, впереди плоская равнина до самого горизонта, столь близкого, что перспектива казалась искаженной; тут и там причудливые неодушевленные предметы непонятного назначения. Многие из них частично оплавились.

Лицом к Трейси восседали трое существ.

Первый – стройный мужчина с громадными ступнями и головой единорога. Второй – угрюмый нагой великан с деформированными рогами и львиным хвостом. Третий – тьфу, мерзость! Увенчанная короной голова, печальное лицо, сердитые глаза, луковичное туловище, двенадцать паучьих лап и еще две головы – жабья и кошачья, дополнявшие это богомерзкое триединство.

Трейси обернулся. Дверь, через которую он только что вы-

шел, осталась на прежнем месте: просто дверь без дверной коробки, стоявшая сама по себе. Что еще хуже, Трейси лихорадочно подергал ручку и обнаружил, что дверь заперта.

– Мгновенно, безжалостно и кровопролитно, – повторил уже знакомый сиплый голос. Он принадлежал угрюмому великану с раскосыми глазами и львиным хвостом. – Поверь мне на слово.

– Грубость, извечная грубость... – прошелестел антропоморфный единорог и обнял руками колени. – Ты, Бельфегор, пережиток каменного века.

– А ты, Амдусциас, форменный осел, – отозвался Бельфегор.

Что касается трехглавого паучьего кошмара, тот молча и не моргая рассматривал Трейси.

– Скажи, человече, – Амдусциас повернул голову так, чтобы рог не мешал обзору, – как дьяволу ответь, какие у тебя предпочтения?

Трейси квакнул что-то невнятное, не без труда обрел голос и уточнил:

– П-предпочтения? В смысле? Где... Как я сюда попал?

– У Смерти тысяча с чем-то дверей, и все они открываются в обе стороны, – ответил Амдусциас неточной цитатой из Джона Уэбстера.

– Но я не умер!

– Нет, не умер, – с заметной неохотой подтвердил демон. – Но непременно умрешь.

– От клыков, рогов и когтей, – поддакнул Бельфегор.

– В таком случае где я?

– В междумирье, – объяснил Амдусциас. – Баэль создал его специально для нашего randevu. – Он взглянул на молчаливого троеглавца. – Нас прислал Мег. Ты знаком с ним, верно?

– Угу. Вернее сказать, не с ним, а с ней. – Трейси облизнул пересохшие губы. Вспомнил о книге, поднял ее дрожащей рукой и увидел на обложке прежнее число: 12.

– Сядь, – предложил Амдусциас. – Прежде чем умрешь, у нас есть время побеседовать.

– Говорильня! – прорычал Бельфегор, злобно дернув хвостом. – Дурак ты, Амдусциас!

– Не дурак, а философ, – торжественно качнул головой единорог. – Перестань глазеть на Баэля, человеке. Допускаю, ты счел его уродом, но спешу заверить, что по меркам владык ада ты находишься в обществе первейших красавцев. Тебя смущает множественность Баэля? Это ты еще Асмодея не видел. Или Эвринома, прародителя всех бук и бабаек. Сядь, давай поговорим. Я много лет не беседовал с человеческим существом за пределами ада. А те, кто уже в преисподней, не способны поддерживать вразумительный разговор, – посетовал он. – В свое время я много общался с Вольтером, но с пятидесятих годов прошлого века он только и делает, что смеется. Свихнулся, совсем свихнулся, – подытожил демон.

Трейси не мог отвести глаз от обращенной к нему меланхолично-раздраженной физиономии Баэля. Жабья морда смотрела в небо, кошачья – в пустоту. Что ж, это хотя бы не Мег. Уже что-то. Или нет? Трейси стиснул кулаки так, что ногти зарылись в подушечки ладоней.

– Что вам нужно?

– Тебя, полагаю, интересует настоящий момент, – повел плечами Амдусциас и сердито добавил: – Сидеть, Бельфегор! Будь на то твоя воля, через пару секунд сей человек был бы изорван в лохмотья. И что потом? Обрато в ад?

– Чем тебе ад не угодил? – осведомился Бельфегор и напружинил хвост, словно выполняя некий зловещий комплекс упражнений для позвоночника. – Грубоват для твоего утонченного вкуса? – Он выковырнул из-под когтя какой-то красноватый комок. – Вот именно. А мне, к примеру, не нравится это Баэлево междумирье. Черт-те что, а не пейзаж!

– Порождение тройственного сознания, – сказал Амдусциас. – Ну, человек, как предпочитаешь умереть?

– Никак не предпочитаю, – заупрямился Трейси.

– Хватит дурака валять, – проворчал Бельфегор. – Мег велел нам прикончить этого парня. Так давайте сделаем дело и отправимся домой.

– М-минуточку, – перебил его Трейси. – Быть может, уладим вопрос мирным путем? – Книга в руке придала ему безрассудной самоуверенности. – Мег всего лишь фамилляр. С какой стати он распоряжается вами, демонами? Разве у него

есть такое право?

– Профессиональный этикет, – объяснил Амдусциас. – Теперь же поведай, как предпочтительнее лишить тебя жизни.

– Будь твоя воля, – с горечью буркнул Бельфегор, – ты заговорил бы его до смерти.

– Это интеллектуальное развлечение, – потер свой рог Амдусциас. – Не буду строить из себя очередную Шахерезаду, но человека запросто можно довести до безумия посредством... мм... разговора. Да, за этот способ я и проголосую.

– Именем Владыки, что же ты никак не уймешься?! – воскликнул Бельфегор. – Ну хорошо, я голосую за раздирание на части. Даже на атомы. – Его пухлые серые губы едва заметно дрогнули.

Амдусциас кивнул и взглянул на Баэля:

– Как бы ты предпочел умертвить его?

Вместо ответа Баэль целеустремленно пополз к Трейси, и тот отпрянул. Амдусциас разочарованно махнул рукой:

– Итак, между нами возникли разногласия. Не стоит ли утащить это существо в ад и отдать Астароту или Агалиарепту? Или попросту бросим его здесь? Из междумирья нет иного выхода, кроме как через сознание Баэля.

– Погодите, – хрипло сказал Трейси, обнаруживший, что в горле у него пересохло. – У меня есть право на последние слова, верно?

– Это не имеет значения, но да. Итак?

– Я не желаю, чтобы меня съели.

– Съели?! Ну и ну! – Амдусциас взглянул на оголенные клыки Бельфегора и негромко усмехнулся. – С уверенностью заявляю, что мы не планируем тебя съесть. Демоны не способны принимать пищу. Метаболизм нам чужд – в отличие от катаболизма. Отчего же у людей столь ограниченный взгляд на вселенную? – закончил он риторически и пожал плечами.

– Отчего же сверхъестественные существа, черт их дери, так много разглагольствуют? – разозлился Трейси. – Хотите убить меня? Вперед, действуйте! Мне все это до смерти надоело.

– Нам не удалось выбрать способ умерщвления, – покачал головой Амдусциас, – поэтому, наверное, просто оставим тебя здесь, в междумирье. Через какое-то время ты умрешь от голода. Согласен, Бельфегор? Баэль?

Возражать было некому: Бельфегор и Баэль уже исчезли. Амдусциас встал и потянулся:

– Что ж, пора прощаться. Сбежать не пытайся. Дверь заперта намертво. Тебе ее не открыть. Ну бывай. – И он исчез.

Трейси постоял, всматриваясь в пространство, но больше ничего не случилось. Он опустил глаза на книгу. Надпись прежняя: «12».

«Он блефует». Кто? Амдусциас? Насчет чего?

Насчет двери?

Трейси опять подергал ее, но безрезультатно: ручка слов-

но примерзла к месту. Он сунул книгу в карман и задумался. Что дальше?

В междумирье было очень тихо. Оплавленные предметы не шевелились. Трейси подошел к ближайшему неопределенному объекту, осмотрел его, но так и не понял, что скрывается под пузырячатой формой.

Горизонт.

Трейси подумалось, что он очутился в саду Зазеркалья, и, если достаточно долго шагать вперед, придешь на прежнее место. Он приставил ладонь ко лбу и обвел неземной ландшафт пытливым взглядом.

Ничего.

Он в опасности: в ином случае овал на обложке остался бы пуст. Трейси снова раскрыл книгу на двенадцатой странице. Кто-то по-прежнему блефует. По всей очевидности, Амдусциас. Но что это за блеф?

Почему, задумался Трейси, демоны оставили его в живых? Тактика, характерная для психологической войны. Демоны (по крайней мере, Бельфегор и Баэль) хотели уничтожить его, это как пить дать. Но сдержались.

Может, они не в силах его убить? Поэтому избрали наилучший вариант из доступных: заключили Трейси в этом... этом междумирье. Что сказал Амдусциас при расставании? «Сбежать не пытайся. Дверь заперта намертво».

Это был блеф?

Дверь маячила вдали сюрреалистическим пятном. Трей-

си в спешке вернулся к ней, подергал снова – ручка не сдвинулась с места. Вооружившись перочинным ножом, Трейси попробовал выкрутить шурупы замка, но лишь сломал лезвие. Запорный механизм застыл в мертвой неподвижности.

Трейси лягнул дверь. Та была крепче стали, но книга, которая никогда не ошибается, по-прежнему ссылалась на двенадцатую страницу.

Должен быть какой-то выход. Трейси свирепо взглянул на дверь. Он вышел из туалета и оказался в этом нечеловеческом междумирье. Всего-то и надо, что снова открыть эту дверь, и Трейси шагнет напрямик в туалет гостиничного номера. Или...

– Ох, черт! – выругался репортер.

Он обошел дверь с другой стороны, без труда повернул ручку и шагнул в комнату, где вокруг стола сидели с картами в руках Барни Донн, Тим Хэттон и еще двое мужчин.

– Быстро ты, – кивнул Донн. – Ну, готов отвечать?

Трейси в спешке закрыл дверь туалета. Выходит, книга не подвела. По всей видимости, к любой проблеме можно подступить с двух разных сторон – и демоны не ожидали, что Трейси додумается до логичного (вернее сказать, алогичного) решения.

К тому же длительность его пребывания в междумирье не измерялась в единицах земного времени. Очевидно, его не было в комнате лишь минуту или около того. Фишки оставались в банке, а Донн прижимал карты к груди, радостно

улыбался и подзуживал:

– Давай садись, продолжим!

Прежде чем сунуть книгу в карман, Трейси взглянул на нее и убедился, что двенадцатый номер по-прежнему в игре. Сделал глубокий вдох и опустился на стул напротив Донна. Теперь он, черт возьми, не спасует ни при каких условиях. Трейси не сомневался, что Барни Донн блефует – так же, как блефовал Амдусциас.

– Повышаю, – объявил он. – Но тебе придется взять чек.

– Не вопрос, – кивнул Донн и широко раскрыл глаза при виде суммы. – Минутку, Трейси. Играем на наличные. Чеки принимаются – но только если у тебя хватит денег рассчитаться.

– Хватит, – соврал Трейси. – Я же говорил, Барни, монета у меня водится.

– Хм... Жаль будет, если не сумеешь заплатить.

– Да ну, к черту. – Трейси взял еще синих фишек, и Хэттон округлил глаза: на кону стояли большие деньги.

Донн поднял ставку.

Трейси сделал то же самое.

– Не против, если я напишу расписку? – спросил Донн.

– Вовсе нет.

Ставки росли с такой скоростью, что у Хэттона закружилась голова. В конце концов Трейси уравнил ставку и Донн открыл карты. Репортер предъявил фулл-хаус: три дамы и два короля. У Донна был флеш-рояль. Почти. Не хватало од-

ной карты.

Он блефовал.

– Стад к тебе благосклонен, Барни, – сказал Трейси, – но, как вижу, в пятикарточном покере мне везет больше других.

– Люблю пощекотать нервы, – усмехнулся Донн. – Кто-нибудь, дайте мне ручку. – Он выписал чек. – Деньги даются мне без труда. Но, как вижу, без расхода нет прихода. Держи, Сэм.

– Благодарю. – Трейси забрал чек и свои расписки, пожал Донну руку и вывел ошеломленного Хэттона из комнаты. В вестибюле фотограф опомнился:

– Э! Я забыл его пощелкать!

– В следующий раз, – сказал Трейси. – Надо успеть в банк, пока открыто.

– Ну да, понимаю. Сколько ты выиграл?

– Недостаточно, – хмуро ответил Трейси.

В чеке была указана пятизначная сумма, но какого черта! Когда в твоём распоряжении волшебная книга, пятизначные суммы – это смех, а не деньги. Трейси метил слишком низко и запорол свой шанс. А подсказок осталось только шесть.

Даже пять, если книга расценила последние события как два обособленных критических момента. Как тут не выругаться?! Паршиво будет растратить все советы, пока фамилляр еще жив. Надо от него избавиться, но как?

Как заманить врага в такую ситуацию, чтобы книга подсказала способ уничтожить его? Ведь заколдованный том

специализируется лишь на защите владельца!

Эрго, ситуация должна быть такой, чтобы жизнь Трейси всецело зависела от уничтожения фамильяра. Вот и все, что нужно.

– Только и всего, – хмыкнул Трейси, размашисто шагая к банку. На полпути он передумал и взял такси. – Прости, Хэттон. Планы изменились. До встречи.

– Ага. – Оставшись на тротуаре, фотограф проводил машину взглядом. – Вот это человек! Может, ему плевать на деньги? Не знаю. Но хотелось бы прибрать к розовым лапкам хотя бы кроху его богатства!

Трейси заглянул к своему брокеру, где стал задавать каверзные вопросы и поглядывать на тикер. Ставка предстояла крупная, и он собирался пойти на риск, недопустимый в азартной игре. После недолгого спора с брокером Трейси вложил весь свой капитал в акции «Эй-джи-эм консолидтейд».

– «Эй-джи-эм»? Мистер Трейси! Четыре пункта за время нашего разговора! Они ушли в крутое пике!

– Говорю же, покупайте. Все, что сможете. На марже.

– На марже? Мистер Трейси! Вы что, раздобыли инсайдерскую информацию?

– Повторяю, покупайте.

– Но... Взгляните на тикер!

– Вперед, покупайте.

– Что ж, как вам угодно. Но вы роете себе могилу.

– Вот именно, – кивнул Трейси, демонстрируя все признаки удовлетворения. – Могилу рою. Похоже, мне грозит полное банкротство через день-другой.

– Утром попрошу сделать еще один взнос.

Трейси ответил молчанием. Он смотрел, как акции «Эй-джи-эм» неуклонно идут вниз. Насколько он понимал, эти бумаги были самыми бесполезными на свете. Их стоимость рухнула через пару дней после выхода компании на рынок. Другими словами, Трейси уселся на тобоган и тот стремительно помчал его на паперть.

Он вынул из кармана книгу. В овале появилось новое число. То есть Трейси сумел спровоцировать очередной кризис. Великолепно!

На странице 2 говорилось: «У тебя под ногами нефтяное богатство».

Распахнув глаза, Трейси уставился на ворсистый бордовый ковер. Нефть? Здесь? Пятью этажами ниже, в подстиляющих породах Лос-Анджелеса?

Невозможно. В Кеттлман-Хиллзе, в Сан-Педро – да, вполне, но не в сердце лос-анджелесского Даунтауна. В этой земле не бывает нефти. А даже если бывает – по какой-то фантастической случайности, – Трейси не сумеет извлечь из подсказки ни малейшей пользы. Он не сможет купить этот участок и пробурить скважину.

Но книга настаивала: «У тебя под ногами нефтяное богатство».

Трейси нерешительно встал, кивнул брокеру и направился к лифту. Небольшой взятки хватило, чтобы лифтер устроил ему совершенно бессмысленное путешествие в подвал. В ответ на осторожные расспросы сторож сообщил, что под зданием пролегает линия метро Хилл-стрит.

Трейси вышел, постоял в вестибюле и пожевал губу, ясно понимая, что его деньги стремительно растворяются в бессмысленных акциях «Эй-джи-эм консолидейтед». Книга не умеет ошибаться. Она решает все человеческие проблемы.

Взгляд его упал на перечень офисов. Брокер снимал кабинет 501.

«Под ногами». Ой-ой! Пожалуй, ответ книги следует трактовать буквально. Что же находится в кабинете 401? Компания, торгующая расходными фотоматериалами. Верный ответ скрывался за числом «301»: нефтедобывающая компания «Панаргиль, ЛТД».

На всякий случай Трейси проверил офисы 201 и 101, но первая догадка оказалась верной. Лифта он ждать не стал. Вбежал по лестнице и, отдуваясь, ворвался в кабинет брокера.

– Мистер Трейси, – вскочил тот ему навстречу, – я продолжаю покупать, но это чистое безумие! Лучше продавайте, пока не поздно!

– Продам, но сперва ответьте: компания «Панаргиль» присутствует на торгах?

– Ну да. Три доллара за акцию, но их никто не берет. «Па-

наргиль» ничем не лучше «Эй-джи-эм». Бросовые бумажки, огромный риск...

– Ничего страшного, – отрезал Трейси. – Продавайте «Эй-джи-эм» и скупайте «Панаргиль» – на марже.

Брокер всплеснул руками и потянулся к телефону. Трейси проверил книгу. Овал был пуст.

То есть осталось четыре подсказки. В лучшем случае пять. Отныне Трейси будет крайне осторожен. Допустим, у него четыре шанса перехитрить фамильяра и избавиться от него раз и навсегда. А потом – если нефтяная сделка принесет ожидаемые барыши – можно будет расслабиться и отдохнуть.

Он отправился в бар и поднял безмолвный тост в свою честь. Следующий – в честь книги. Полезная вещица! Будь такая у Наполеона, он избежал бы поражения при Ватерлоо – если бы верно распорядился подсказками. Одно можно утверждать наверняка: в этой игре надо делать самые крупные ставки.

Трейси усмехнулся. Следующий этап – фамильяр. И незачем тревожиться о безопасности. С достаточным богатством Трейси оградит себя от всяких бед – насколько это вообще возможно. Силы гримуара ограничены: по всей очевидности, он не способен сделать человека богом, а полностью счастливы одни лишь боги, да и то не факт.

Но Трейси удовлетворится богатством. Быть может, отправится в Южную Америку, в Рио или Буэнос-Айрес. Вы-

бор направлений для путешествия теперь ограничен – по вполне понятным причинам. Но в Южной Америке Трейси заживет в свое удовольствие, и у него не будет проблем с законом, даже если кто-то разворошит его неприглядное прошлое. Когда у человека достаточно денег, экстрадиция проблематична.

Перед глазами мелькнула тень. Трейси вовремя обернулся, успел заметить, как за дверью исчезает кошачий хвост, перевел дух и улыбнулся: нервы...

Но книга начала жечь карман, а книга не ошибается.

Трейси не спеша извлек ее на свет.

Страница 44.

Отрава?

Трейси задумчиво взглянул на стоявший перед ним виски сауэр и жестом велел бармену подойти.

– Да, сэр?

– Видели здесь кошку? Буквально минуту назад?

– Кошку? Нет, сэр, кошек я не видел.

– А я видел, – повернулся к Трейси сидевший по соседству невысокий мужчина. – Подошла, вспрыгнула на стойку, понюхала ваш стакан, но к напитку не притронулась. Наверное, кошкам не нравится виски, – хихикнул он.

– Что это была за кошка? – спросил Трейси.

– Обычная, – непонимающе взглянул на него сосед. – Здоровенная. Лапы белые, по-моему. А что?

– Ничего. – Трейси наклонился к стакану. Принюхался.

Да, действительно: горькоминдальный запах. Его ни с чем не спутаешь. Синильная кислота, традиционное оружие отравителя.

С довольно бледным лицом Трейси покинул бар. Три подсказки. Не исключено, что он обсчитался – но поначалу ему казалось, что десяти более чем достаточно.

Фамильяра не было видно.

Трейси не потрудился вернуться в «Джорнел», хотя позвонил в редакцию, навел справки о компании «Панаргиль» и вовсе не удивился, когда узнал, что где-то в Техасе вдруг началась новая разработка. Не просто большая, а огромная. Трейси едва-едва успел вскочить в последний вагон.

Он позвонил брокеру. Новости оказались в высшей степени удовлетворительными. У покупки на марже имеются свои преимущества: в результате Трейси стал богачом.

– Месторождение может иссякнуть, – предупредил брокер. – Что скажете? Продолжать?

– Не иссякнет, – уверенно заявил Трейси. – Покупайте все, что продают.

– Свободных акций не осталось. Но вы почти собрали контрольный пакет.

– Отлично. – Трейси повесил трубку и все обдумал. Пора действовать, и чем быстрее, тем лучше.

Три подсказки.

Он развлекся покупкой машины (знакомый продал ее из-за нужды в деньгах), и теперь катил в большом седане по

бульвару Уилшир, щурясь в лучах заходящего солнца. Трейси намеревался разыскать фамильяра и поставить себя в наипаснейшее положение – такое, чтобы спасти его могло лишь уничтожение Мега.

Вдруг он понял, как это сделать.

Потребуется две подсказки, а последняя останется на всякий пожарный случай. И Трейси избавится от фамильяра раз и навсегда.

Он свернул на Ла-Бреа и направился к Лорел-Каньону. Необходимо было связаться с фамильяром. В нынешних обстоятельствах имел значение фактор времени. Страницы книги незаменимы, и их надо приберечь для финального испытания.

Трейси язвительно усмехнулся. У него было десять подсказок. В результате он разбогател – только и всего. В какой-то мере его утешил афоризм о волосах на снятой голове. Он свернул на Сансет, а оттуда на Лорел-Каньон-роуд.

Вел машину осторожно, соблюдая правила. Надеялся, что тело Гвинна еще не нашли и что в доме чародея получится установить контакт с фамильяром. Шанс сомнительный, но другие варианты не шли в голову.

Ему сопутствовала удача. Дом высился черной безмолвной громадиной. Из металлического почтового ящика на обочине торчали конверты. Поднявшийся ветерок подхватил одно письмо и унес куда-то в сумерки.

Трейси инстинктивно поискал глазами кошачий силуэт,

но того в поле зрения не обнаружилось. Он припарковал седан за домом на площадке, защищенной подростом и карликовыми деревьями, после чего вернулся и поднялся на крыльцо. Сердце стучало быстрее обычного.

Дверь была закрыта, но не заперта. Трейси толкнул ее и вошел.

Комната слегка изменилась. На полу начертили пентаграмму, а от нескольких масляных светильников остались только осколки. В нос ударил запах впитавшегося в ковер масла. За столом неподвижно сидел мертвый Гвинн.

– Мег! – тихонько позвал Трейси.

Фамильяр вышел из теней и сверкнул зелеными глазами:

– Да?

– Я... хочу поговорить.

– Давай, разговаривай. – Фамильяр уселся и вильнул хвостом. – Но ты, знаешь ли, использовал уже семь подсказок.

– Выходит, Барни Донн и демоны считались отдельно?

– Да. У тебя осталось три страницы.

– Ты готов рискнуть в азартной игре? – Трейси замер в сумеречной комнате, с некоторым ужасом осознавая, что рядом находится труп Гвинна.

– Возможно. На что будем играть?

– На мою жизнь. Если выиграю, ты перестанешь меня преследовать. Если проиграю, уничтожу книгу.

– За дурака меня держишь? – снова вильнул хвостом фамильяр. – Если проиграешь и над твоей жизнью нависнет

угроза, тебе поможет книга.

– Значит, я не стану ею пользоваться, – дрогнувшим голо-
сом ответил Трейси. – Вот мое предложение. Будем угады-
вать масть карты. Два варианта из четырех. Если проиграю,
я... уничтожу книгу. Но с одной оговоркой.

– Какой?

– Ты дашь мне двенадцать часов, чтобы уладить дела. Ес-
ли проиграю, через двенадцать часов вернусь домой, брошу
книгу в огонь и буду ждать тебя.

– И не станешь пользоваться книгой, чтобы выиграть? –
По взгляду фамильяра невозможно было понять, что у него
на уме.

– Не стану.

– Согласен, – сказал Мег. – Карты вон там. – Белой лапой
он указал на полку.

Трейси умело перетасовал колоду, разложил карты на ков-
ре и взглянул на Мега:

– Кто первый? Ты или я?

– Тяни, – мурлыкнул фамильяр.

Трейси подчинился, но не стал переворачивать карту.
Вместо этого положил ее рубашкой вверх на промасленный
ковер.

– Выбираю...

В кармане стало тепло, и Трейси машинально вынул кни-
гу. В светящемся белом овале проступили две черные циф-
ры: 33.

– Не открывай, – предупредил Мег, – или сделка отменяется.

Вместо ответа Трейси отложил закрытую книгу в сторону и робко прошептал:

– Черви и пики.

– Посмотрим... – Мег ловко перевернул карту. Это был трефовый валет.

Овал на обложке книги очистился. Число исчезло. Фамильяр лениво облизнулся розовым язычком:

– Значит, двенадцать часов, Трейси. Буду ждать со всем терпением, на которое способен.

– Так-так... – Трейси опустил глаза на книгу и тихо повторил: – Двенадцать часов. Затем я ее уничтожу... и ты, наверное, убьешь меня.

– Да, – подтвердил фамильяр.

В белом овале появилась новая цифра: 9.

– Пойду, пожалуй. – Трейси взял книгу и рассеянно пролистал страницы.

На девятой говорилось: «Разведи огонь».

Трейси взял сигарету. Закурил. Бросил пылающую спичку на промасленный ковер. Огонь полыхнул алыми отблесками в зеленых глазах фамильяра. Мег зашипел и отпрянул. Кошачья сторона взяла верх: хвост трубой, спина дугой. Фыркающая и порывистая, фамильяр прыгнул к столу, а Трейси отскочил к двери. Пожар распространялся. Репортер сунул книгу в карман, а сигарету отшвырнул в темный угол. Из красной

искры мгновенно разгорелось пламя.

– Как тебе такое, Мег? – прошептал Трейси за нарастающим ревом огня. – Должно быть, не по вкусу. Ведь это единственный способ спасти мою жизнь – и я более чем уверен, что он означает твою погибель.

Фамильяр вскочил Гвинну на плечо, свирепо вытаращился на Трейси, и шипение обратилось в слова:

– Не погибель, нет, но ты победил! Мой срок на Земле подойдет к концу, когда будет уничтожено тело чародея. Такого я не переживу.

– Помню. Однажды мы говорили на эту тему, но я не вполне понял тебя. Извини, Мег!

– Мои силы на исходе. В ином случае ты умер бы на месте. Да, ты победил. До встречи в аду.

– Это еще не скоро, – усмехнулся Трейси и открыл дверь.

Языки пламени метнулись навстречу сквозняку, и репортер в спешке попятился.

– У меня осталась последняя подсказка, и какое-то время я продержусь – тем более без твоих козней и с несметным богатством. Это вопрос логики, Мег. Любое человеческое действие можно свести к базовому уравнению, – он снова попятился, – и единственный фокус в том, чтобы научиться читать эту книгу. Будь она у Наполеона, он покорил бы весь мир.

Огонь подползал к фамильяру, но тот словно врос в плечо Гвинна.

– Была, была у Наполеона эта книга! – прошипел он, оскандившись, и тут пламя выгнало Трейси из дома.

Посмеиваясь, он сбежал по ступенькам и метнулся туда, где оставил машину. Он победил: обманул и фамильяра, и книгу, поставив себя в положение, где жизнь ему спасет только гибель Мега. И у него осталась еще одна подсказка.

Хрустнуло стекло. Из окна вырвался огонь. Мгновенно занялся сухой подрост. Трейси замер в десяти футах от машины и сдал назад, мгновенно поняв, что этот путь к отступлению отрезан.

Не важно. Трейси неуязвим до тех пор, пока у него книга. Пока у него остается одна подсказка. Он развернулся, бросился к дороге, и холодный ветер захлестал по вспотевшим щекам.

Если пробежать с милю до Лорел-Каньона, какой-нибудь водитель подберет его. Трейси в хорошей физической форме, и бежать надо вниз по склону, так что он успеет – несмотря на поднявшийся ветер. В худшем случае его спасет книга.

И Трейси помчался вниз, но через десять минут остановился, заметив, что на пути у него бушует пламя.

На первой же развилке он свернул к другому оврагу. Солнце уже село, но холмы превратились в башни, озаренные алыми всполохами. Издали донесся вой сирены.

Трейси побежал дальше. Однажды взглянул на книгу, но обложка оставалась пуста – значит серьезная опасность ему не грозит. Пока.

Вдруг Трейси похолодел от панической мысли: что, если он каким-то образом использовал все десять подсказок? Нет, невозможно. Он пересчитал страницы самым внимательным образом. В критический момент книга придет на помощь.

Пожар в подлеске разбушевался не на шутку. Огонь гнал Трейси вниз по склону. Наконец репортер остановился, увидев впереди еще одну огненную стену. Он, по всей очевидности, оказался в ловушке. Без шляпы (ее где-то потерял), тяжело дыша, он снова выхватил из кармана книгу и тихо застонал от облегчения. Ошибки быть не могло: в руке у него последний, десятый шанс. Решение проблемы. Страница 50.

Трейси раскрыл книгу. Ему не составило труда прочесть подсказку в кроваво-красном свете пожара; вернее, прочесть ее было до ужаса легко, ибо она оказалась предельно ясной и нечеловечески жестокой. Тут-то Трейси и понял, что у Наполеона действительно была эта книга. Понял, что увидел в ней перед смертью Гвинн. И еще Трейси понял, каким образом неведомый автор исхитрился свести человеческие проблемы к полусотне шаблонов. Сорок девять подсказок закрывали соответствующее число ситуаций и предлагали логичное решение, а пятидесятая, не менее логичная, относилась ко всему остальному.

На рдевшей в огнях странице значилось:

Конец.

Твонки

Текучка на радиозаводе «Мидистерн» была такой, что Микки Ллойд не мог запомнить всех своих работников. Им не просто не сиделось на месте; они один за другим уходили в поисках зарплаты повыше. Поэтому, когда из подсобки, пошатываясь, вышел большеголовый человечек, Ллойд лишь мельком глянул на его комбинезон, предоставленный компанией, и спокойно сказал:

– Гудок дали полчаса назад. Живо за работу.

– Раб-б-боту? – еле выговорил человечек.

Напился? Ллойд как мастер не мог этого допустить. Он отбросил окурок, подошел и приняухался. Нет, дело не в алкоголе. Он посмотрел на бейдж на комбинезоне человечка.

– Двести четвертый, мм. Ты новенький?

– Новенький, а что?

Человечек потер наливающуюся шишку на лбу. Он довольно странно выглядел: лысый, как радиолампа, с узким бледным лицом и глазками-бусинками, полными заторможенного изумления.

– Ну-ка, Джо, проснись! – нетерпеливо произнес Ллойд. – Ты же здесь работаешь?

– Джо, – задумчиво повторил человечек. – Работаю. Да, я работаю. Я их делаю.

Его слова странно натыкались друг на друга, как будто у

него была расщелина нёба.

Еще раз глянув на бейдж, Ллойд схватил Джо за руку и потащил через сборочный цех.

– Твое место здесь. Приступай. Знаешь, что делать?

Его собеседник расправил цыплячьи плечи.

– Я... профессионал, – сообщил он. – Делаю их лучше, чем Понтванк.

– Прекрасно, – сказал Ллойд. – Ну так делай их.

Он отошел.

Человечек по имени Джо медлил, потирая синяк на лбу. Потом с интересом осмотрел комбинезон. Где он взял эту вещь? Ах да. Такие же комбинезоны висят в помещении, откуда он вышел. Его собственная одежда, разумеется, исчезла во время путешествия... Какого путешествия?

«Амнезия, – подумал он. – Я упал... с чего-то... когда оно замедлило ход и остановилось. Как странно выглядит этот огромный ангар, заполненный машинами. Не вызывает никаких воспоминаний».

Амнезия, определенно. Он был рабочим. Делал вещи. А то, что все вокруг незнакомо, ничего не значит. Он все еще не в себе. Вскоре туман в голове развеется. Уже начал развеиваться.

Работа. Джо пробежался по залу, пытаясь заполнить пробелы в памяти. Мужчины в комбинезонах делают вещи. Простые, очевидные вещи. Но какие же детские... какие примитивные! Возможно, это детский сад.

Через некоторое время Джо зашел на склад и осмотрел несколько готовых моделей радиол. Печальное зрелище. Некрасивые, грубые механизмы, но не ему об этом судить. Нет. Его задача – делать Твонки.

Твонки? Пришедшее на ум название подстегнуло память. Разумеется, он умел делать Твонки. Он этим занимался всю жизнь... специально учился. Теперь в ходу другая модель Твонки, но какая, к черту, разница! Пара пустяков для опытного рабочего.

Джо вернулся в цех и нашел пустой верстак. Он начал делать Твонки. Время от времени выскальзывал за дверь и воровал нужные материалы. Один раз, когда не удалось раздобыть вольфрам, он быстренько соорудил небольшое устройство и получил его.

Его верстак стоял в дальнем, плохо освещенном углу, хотя глазам Джо света вполне хватало. Никто не замечал корпус прибора, который быстро рос на верстаке. Джо работал очень-очень быстро. Он пропустил мимо ушей полуденный гудок, и к окончанию рабочего дня завершил свое творение. Возможно, не помешал бы еще один слой краски – изделию не хватало Блескозури стандартного Твонки. Но ни один прибор здесь не был выкрашен Блескозурью. Джо вздохнул, залез под верстак, тщетно поискал релаксопад и уснул на полу.

Через несколько часов он проснулся. На фабрике было пусто. Странно! Возможно, рабочие часы изменились. Воз-

можно... Джо стало не по себе. Сон справился с амнезией, если таковая имела место, но Джо по-прежнему был не в своей тарелке.

Что-то бормоча, он отправил Твонки на склад и сравнил с другими. Внешне изделие было неотличимо от напольной радиолы последней модели. Следуя чужому образцу, Джо замаскировал различные органы и узлы.

Он вернулся в цех. В этот миг остатки тумана в его голове развеялись. Плечи Джо конвульсивно содрогнулись.

– О Снелл! – ахнул он. – Так вот оно что! Я напоролся на темпоральный сук!

Испуганно оглянувшись, он бросился в подсобку, из которой недавно вышел. Снял комбинезон и повесил на место. Затем направился в угол, пошарил руками в воздухе, удовлетворенно кивнул и уселся на нечто невидимое в трех футах над полом.

Миг спустя он исчез.

– Время искривлено, – сказал Керри Вестерфилд. – Рано или поздно оно возвращается туда, откуда началось. Это удвоение.

Он поставил ноги на кирпич, удобно выступающий из дымового стояка, и с наслаждением потянулся. На кухне Марта звенела бутылками и стаканами.

– Вчера в это время я пил мартини, – сообщил Керри. – Временная кривая указывает, что пора выпить еще один. Ты

меня слушаешь, ангел мой?

– Уже наливаю, – отозвался ангел издалека.

– Следовательно, ты понимаешь, о чем я. Вот еще один пример. Время идет по спирали, а не по кругу. Если обозначить первый виток буквой *a*, а второй *a* плюс *i*... видишь? Это означает двойной мартини сегодня вечером.

– Я знаю, к чему ты клонишь, – сказала Марта, входя в просторную гостиную с дубовыми стропилами.

Она была невысокой, темноволосой, с весьма привлекательным лицом и фигурой под стать. Ее маленький фартук из клетчатой хлопчатобумажной ткани резко контрастировал с широкими брюками и шелковой блузкой.

– И вечный джин пока что не изобрели. Я принесла мартини.

Она ловко управлялась с шейкером и бокалами.

– Смешивай медленно, – предупредил Керри. – Ни в коем случае не взбалтывай. Ага, готово.

Он принял бокал и внимательно его изучил. Черные волосы с проблесками седины мерцали в электрическом свете, пока он потягивал мартини.

– Хорошо. Очень хорошо.

Марта медленно пила и разглядывала мужа. Мужчина, приятный во всех отношениях. Ему сорок с небольшим, он в хорошем смысле слова некрасив, с широким ртом и сардоническим огоньком, который порой мелькает в серых глазах, когда он размышляет о жизни. Они были женаты двенадцать

лет и довольны своей участью.

Снаружи пробивались последние отблески заката, обрисовывая очертания напольной радиолы, которая стояла у стены рядом с дверью. Керри с удовольствием взглянул на нее.

– Дорогая игрушка, – заметил он. – И все же...

– Что? Рабочие еле затащили ее по лестнице. Не хочешь включить?

– А ты?

– Старая была довольно сложной, – сказала Марта. – Эти хитрые устройства... Они ставят меня в тупик. В детстве у нас был граммофон. Заводишь его ручкой, и из трубы льются разные звуки. Это я могу понять. Но теперь... Нажимаешь кнопку, и происходит нечто невероятное. Электронные индикаторы, выбор тона, диски, которые можно проигрывать с обеих сторон под аккомпанемент странных стонов и щелчков внутри радиолы... Возможно, ты понимаешь, как она устроена. Я даже не хочу в это лезть. Каждый раз, когда я ставлю пластинку Кросби, Бинг²⁶ словно приходит в замешательство.

Керри съел оливку из коктейля.

– Я хочу послушать Сибелиуса. – Он кивнул на стол: – Там лежит новый диск Кросби для тебя. Последний.

Марта радостно заерзала в кресле:

– Можно, я его поставлю?

– Ну...

²⁶ Гарри Лиллис (Бинг) Кросби (1903–1977) – американский певец и актер.

– Но ты должен показать мне, как это делать.

– Все просто, – ответил Керри, с любовью глядя на радиолу. – Эти малышки чертовски хороши, знаешь ли. Умеют все, разве что не думают.

– Вот бы она мыла посуду, – заметила Марта.

Она поставила стакан, встала и исчезла в кухне.

Керри включил лампу, стоявшую рядом, и подошел к новой радиоле, чтобы как следует ее изучить. Последняя модель «Мидистерн» со всеми современными функциями. Дорогая... ну да что с того? Он может себе это позволить. К тому же старую удалось удачно сбить с рук.

Он заметил, что радиола не включена в сеть. Никаких проводов вообще не видно, даже заземления. Наверное, что-то новое. Встроенные антенна и заземление. Керри присел на корточки, нашел розетку и воткнул в нее шнур.

Проделав это, он открыл дверцы и с самым довольным видом принялся разглядывать ручки настроек. Из устройства вылетел голубоватый луч и попал ему прямо в глаза. В глубине радиолы что-то тихо задумчиво щелкало. И вдруг прекратило. Керри моргнул, покрутил ручки, подергал переключатели и прикусил ноготь.

Динамик произнес далеким голосом:

– Психологический портрет снят и записан.

– А?

Керри покрутил ручку.

– Интересно, что это было? Любительская станция? Нет, это не эфир. Гм...

Он пожал плечами и подошел к креслу рядом с полками пластинок. Пробежался взглядом по названиям и именам композиторов. Где же «Туонельский лебедь»? Вот он, рядом с «Финляндией». Керри достал альбом и раскрыл его на коленях. Свободной рукой выудил сигарету из кармана, сунул в рот и нашарил рядом на столике спички. Первая спичка, которую он зажег, сразу потухла.

Он швырнул ее в камин и уже хотел взять новую, когда его внимание привлек тихий шум. Радиола шла к нему через комнату. Откуда-то вынырнуло хлыстообразное щупальце, схватило спичку, чиркнуло ею о нижнюю сторону столешницы, как делал Керри, и поднесло огонек к его сигарете.

Автоматический рефлекс взял верх. Керри втянул дым и зашелся в приступе кашля, на мгновение ослепнув.

Когда он вновь прозрел, радиола стояла на своем обычном месте.

Керри закусил нижнюю губу.

– Марта? – окликнул он.

– Суп почти готов, – сообщила жена.

Керри ничего не ответил. Он встал и с опаской подошел к радиоле. Шнур был выдернут из розетки. Керри осторожно вставил вилку в сеть.

Он присел, чтобы осмотреть ножки радиолы. С виду – полированное дерево. Он пощупал, но не заметил ничего

необычного. Дерево, твердое и холодное.

Как, во имя всего святого...

– Ужин! – возвестила Марта.

Керри бросил сигарету в камин и медленно вышел из комнаты. Жена с супницей в руках уставилась на него:

– Сколько martinи ты выпил?

– Всего один, – рассеянно произнес Керри. – Наверное, я задремал на минуту. Да, точно, задремал.

– Ладно, ешь давай, – скомандовала Марта. – Это твой последний шанс налопаться моих клецок по крайней мере на неделю.

Керри отрешенно нащупал в кармане конверт и вручил жене.

– Это твой билет, ангел мой. Смотри не потеряй.

– Ого! Я заслуживаю купе!

Марта вернула картонный прямоугольник в конверт и радостно замурлыкала:

– Ты просто прелесть. Ты же справишься без меня?

– А? Гм... Наверное. – Керри посолил авокадо. Он встряхнулся и как будто сбросил оцепенение. – Конечно. Со мной все будет хорошо. Поезжай в Денвер и помоги Кэрол в родах. Семья – это главное.

– О да-а, моя единственная сестра... – усмехнулась Марта. – Ты же знаешь их с Биллом, оба те еще рохли. Им сейчас нужна твердая рука.

Ответа не было. Керри размышлял над вилкой с авокадо.

Он пробормотал что-то о Бёде Достопочтенном.

– А он тут при чем?

– Завтра лекция. По какой-то непонятной причине мы каждый семестр застреваем на Бёде. Ну да ладно.

– Лекция готова?

Керри кивнул:

– Конечно.

Он восемь лет преподает в университете и, уж конечно, выучил свое расписание!

Позже за кофе и сигаретами Марта посмотрела на наручные часы.

– Поезд уже скоро. Мне бы заканчивать со сборами. Посуда...

– Я помою.

Керри побрел за женой в спальню и сделал вид, что помогает ей готовиться к отъезду. Через некоторое время он отнес сумки в машину. Марта присоединилась к нему, и они отправились на станцию.

Поезд прибыл вовремя. Через полчаса после его отбытия Керри завел машину в гараж, вошел в дом и от души зевнул. Он устал. Итак, посуда, затем пиво и книга перед сном.

Бросив озадаченный взгляд на радиолу, он вошел в кухню и начал возиться с водой и мыльной стружкой. Зазвонил телефон в коридоре. Керри вытер руки посудным полотенцем и снял трубку.

Это был Майк Фицджеральд, он преподавал в универси-

тете психологию.

– Привет, Фиц.

– Привет. Марта уехала?

– Да. Я только что отвез ее на поезд.

– Тогда, может, поболтаем чуток? У меня есть отличный скотч. Забегай, поговорим о том о сем.

– Было бы здорово, – Керри снова зевнул, – но я совершенно без сил. Завтра важный день. Давай в другой раз?

– Конечно. Просто я как раз закончил корректуру статей, хочу немного разгрузить голову. Что это у тебя?

– Ничего. Погоди минуту.

Керри положил трубку на стол и, хмурясь, обернулся. Шум исходил из кухни. Какого черта!

Он прошел по коридору и застыл в дверном проеме. Радиола мыла посуду.

Через некоторое время он вернулся к телефону.

– Что-то случилось? – спросил Фицджеральд.

– Моя новая радиола, – осторожно произнес Керри. – Она моет посуду.

Фиц ответил не сразу. Он нерешительно засмеялся:

– Правда?

– Я перезвоню, – сказал Керри и повесил трубку.

Он постоял неподвижно, кусая губу. Затем вернулся на кухню и замер, наблюдая.

Радиола стояла тыльной стороной к нему. Несколько гибких щупалец умело управлялись с посудой, окунали тарелки

в горячую мыльную воду, терли маленькой губкой, споласкивали и аккуратно выставляли на металлическую сушилку. Кроме хлыстообразных щупалец, ничего необычного видно не было. Ножки стояли на полу неколебимо.

– Эй! – окликнул Керри.

Ответа не последовало.

Он бочком подошел, чтобы осмотреть радиолу. Щупальца выходили из щели под одной из ручек. Вилка болталась в воздухе. Значит, тока нет. Но что...

Керри отступил и нашарил сигарету. Радиола немедленно обернулась, взяла спичку из контейнера на плите и направилась к нему. Керри заморгал, разглядывая ножки. Они точно не деревянные. При движении радиолы сгибаются, эластичные, как резина. И походка крадущаяся, не похожая ни на что на свете.

Радиола поднесла огонек к сигарете Керри и вернулась к мытью посуды.

Керри снова позвонил Фицджеральду.

– Я не шутил. У меня галлюцинации или что-то в этом роде. Чертова радиола только что дала мне прикурить.

– погоди-ка, – нерешительно произнес Фицджеральд. – Это какой-то розыгрыш, да?

– Нет. И мне не кажется, что у меня галлюцинации. Это скорее по твоей части. Ты не мог бы заглянуть и проверить мои коленные рефлексы?

– Ладно, – сказал Фиц. – Буду через десять минут. Налей мне пока что-нибудь выпить.

Он нажал отбой. Керри повесил трубку, обернулся и увидел, что радиола идет из кухни в гостиную. В ее угловатых, резких очертаниях было что-то пугающее, как у некой странной разновидности злого духа. Керри поежился.

Он пошел за радиолой и обнаружил ее на прежнем месте. Она была неподвижна и бесстрашна. Он открыл дверцы, осмотрел вращающийся диск, ручку фонографа, кнопки и шкалы. Ничего необычного. Он снова потрогал ножки. Все-таки не деревянные. Из какой-то довольно жесткой пластмассы. А может, и деревянные. Сложно сказать, не повредив отделку. Керри, разумеется, не хотел ковырять ножом свою новую радиолу.

Он попробовал включить радио и без труда нашел местные станции. Звук был хорошим – необычно хорошим, подумал Керри. Фонограф...

Он наугад схватил «Марш бояр» Хальворсена, поставил на диск проигрывателя и закрыл крышку. Ничего. Расследование показало, что игла ритмично движется над пластинкой, но звуков не издает. И что дальше?

Керри снял пластинку, и в этот миг позвонили в дверь. На пороге стоял Фицджеральд, долговязый, угрюмый, с жестким морщинистым лицом и растрепанной копной тусклых седых волос. Он протянул большую костистую руку:

– Где мой стакан?

– Привет, Фиц. Пойдем на кухню. Виски с содовой?

– Виски с содовой.

Керри пошел первым.

– Только сразу не пей. Я хочу показать тебе мою новую радиолу.

– Ту, которая моет посуду? – спросил Фицджеральд. – Что еще она умеет делать?

Керри дал ему стакан.

– Она не проигрывает пластинки.

– Ясно. Ну это пустяки, если она работает по дому. Что ж, давай посмотрим на нее.

Фицджеральд направился в гостиную, выбрал «Послепуденный отдых фавна» и подошел к радиоле.

– Она не включена в розетку.

– Это не имеет ни малейшего значения, – сказал Керри.

– Батарейки?

Фицджеральд поставил пластинку на диск проигрывателя и покрутил ручки.

– Что ж, посмотрим. – Он торжествующе улыбнулся Керри. – Видишь? Теперь играет.

Он был прав.

– Попробуй пьесу Хальворсена, – сказал Керри. – Вот она.

Он протянул диск Фицджеральду. Тот нажал на кнопку извлечения и увидел, как поднимается рычаг.

Но на этот раз фонограф играть не захотел. Ему не нравился «Марш бояр».

– Интересно, – хмыкнул Фицджеральд. – Наверное, что-то с пластинкой. Давай попробуем другую.

С «Дафнисом и Хлоей» проблем не возникло. А вот «Болеро» радиола молча отвергла.

Керри сел и указал на соседнее кресло.

– Это ничего не доказывает. Сядь и смотри. Пока не пей. Ты... э-э-э... чувствуешь себя совершенно нормальным?

– Конечно. А что?

Керри достал сигарету. Радиола пересекла комнату, по дороге захватив коробок, и вежливо поднесла огонек к сигарете. Затем вернулась на свое место у стены.

Фицджеральд ничего не сказал. Через некоторое время он извлек сигарету из кармана и принялся ждать. Ничего не случилось.

– Ну что? – спросил Керри.

– Робот. Это единственное возможное объяснение. Где, во имя великого Петрарки, ты его раздобыл?

– Похоже, ты не слишком удивлен.

– Я удивлен. Но я уже видел роботов... В «Вестингаузе» пытались их делать. Только этот... – Фицджеральд постучал по зубам ногтем. – Кто его изготовил?

– Откуда мне знать? – удивился Керри. – Рабочие на радиозаводе, наверное.

Фицджеральд сощурился:

– Погоди-ка. Я не вполне понимаю...

– Нечего тут понимать. Я купил эту радиолу пару дней назад. Сдал старую в счет покупки. Новую доставили сегодня и...

Керри подробно рассказал, что случилось.

– То есть ты не знал, что это робот?

– Вот именно. Я купил радиолу. И... чертова штукавина кажется мне почти живой.

– Ну нет.

Фицджеральд покачал головой, встал и внимательно осмотрел радиолу.

– Это новый тип робота. По крайней мере... – Он помедлил. – Что еще это может быть? Обратись завтра на «Мидистерн» и узнай.

– Давай откроем корпус и посмотрим, – предложил Керри.

Фицджеральд согласился, но эксперимент потерпел неудачу. Панели, предположительно деревянные, не были прикручены винтами – непонятно, как вскрыть корпус. Керри попытался это сделать с помощью отвертки, сначала осторожно, затем с тихой злостью. Ему не удалось ни отсоединить панель, ни даже поцарапать гладкий темный лак.

– Черт! – наконец сказал он. – Ладно, твоя версия ничуть не хуже моей. Это робот. Только я не знаю, как удалось изготовить подобную штуку. И почему в форме радиолы?

– Спроси у них завтра, – пожал плечами Фицджеральд. – Это первое, что нужно сделать. Честно говоря, я ничего не понимаю. Если изобрели нового специализированного ро-

бота, зачем запикивать его в радиолу? И как двигаются эти ножки? На них нет колесиков.

– Мне тоже интересно.

– Когда она перемещается, ножки выглядят... резиновыми. Но они не из резины. Твердые, как... дерево. Или пластмасса.

– Я ее боюсь, – признался Керри.

– Хочешь переночевать у меня?

– Н-нет. Пожалуй, нет. Она... Этот робот не сможет мне навредить.

– По-моему, она и не хочет. Она ведь тебе помогает?

– Ага, – ответил Керри и пошел за новыми порциями выпивки.

Разговор так ни к чему и не привел. Через несколько часов Фицджеральд, изрядно встревоженный, отправился домой. Он вовсе не был так невозмутим, как притворялся, чтобы пощадить нервы Керри. Встреча с чем-то настолько выбивающимся из привычной картины мира пугала. И все же, как он сказал, робот не выглядел опасным...

Керри улегся на кровать с новым детективным романом. Радиола проследовала за ним в спальню и аккуратно забрала книгу из рук. Керри инстинктивно вцепился в нее, но не удержал.

– Эй! – воскликнул он. – Какого черта?!..

Радиола вернулась в гостиную. Керри последовал за ней –

как раз вовремя, чтобы увидеть, как та ставит книгу на полку. Через некоторое время Керри отступил, запер дверь и забылся беспокойным сном до рассвета.

В халате и тапочках, спотыкаясь, он выбежал из спальни. Радиола стояла на прежнем месте, словно никогда с него не сходила. Керри приготовил завтрак. Чувствовал он себя пре-паршиво.

Ему удалось выпить всего одну чашку кофе. Радиола вошла, забрала из его рук вторую чашку и вылила в раковину.

У Керри Вестерфилда лопнуло терпение. Он надел пальто и шляпу и практически выбежал из дома. Была жуткая мысль, что радиола отправится следом, но, к счастью для его рассудка, она осталась в доме.

Утром он улучил минутку и позвонил в «Мидистерн». Продавец ничего не знал. Это радиола стандартной модели – последней. Если с ней что-то не в порядке, он, разумеется, охотно...

– С ней все в порядке, – ответил Керри. – Но кто ее изготовил? Вот что я хочу узнать.

– Секундочку, сэр, – повисла пауза. – Она из отдела мистера Ллойда, одного из наших мастеров.

– Соедините меня с ним, пожалуйста.

Но Ллойд мало чем мог помочь. После длительных усилий он припомнил, что радиола оказалась на складе без серийного номера. Его добавили позже.

– Но кто ее изготовил?

– Ей-богу, не знаю. Попытаюсь выяснить для вас. Я перезвоню.

– Только не забудьте.

Керри вернулся в аудиторию. Лекция о Беде Достопочтенном прошла не слишком успешно.

За обедом он увидел Фицджеральда, и тот, похоже, испытал облегчение, когда Керри подошел к его столу.

– Ну как, узнал что-нибудь о своем домашнем роботе? – спросил профессор психологии.

В пределах слышимости никого не было. Керри со вздохом сел и закурил.

– Ничего. Как же приятно прикуривать самостоятельно! – Он втянул дым в легкие. – Я позвонил в компанию.

– И?..

– Там ничего не знают. Кроме того, что у нее не было серийного номера.

– Это может быть важно, – заметил Фицджеральд.

Керри рассказал другу об инцидентах с книгой и кофе, и Фицджеральд задумчиво сощурился, глядя на свое молоко.

– Помнишь, ты у меня проходил психологическое тестирование? Избыток стимуляции не идет тебе на пользу.

– Но детективный роман!

– Согласен, это уже перебор. Но я догадываюсь, почему робот так себя повел... хотя понятия не имею, как это возможно. – Он помедлил. – Разве что он разумен.

– Разумен? – Керри облизал губы. – Я не уверен, что это просто машина. И я не сумасшедший.

– Конечно нет. Но ты сказал, что робот был в гостиной. Как он мог узнать, что ты читаешь?

– Без рентгеновского зрения и сверхспособности к чтению и пониманию – даже не представляю. Возможно, он вообще не хочет, чтобы я читал.

– А вот это уже кое-что, – хмыкнул Фицджеральд. – Ты знаком с теорией машин такого типа?

– Ты о роботах?

– Только о теории. Как тебе известно, мозг – коллоид. Компактный, сложный, но медленный. Допустим, ты изобрел устройство с миллиардами радиоатомных блоков, встроенных в изолирующий материал. Получился мозг, Керри. Мозг с огромным количеством блоков, которые взаимодействуют со скоростью света. Радиолампа регулирует электрический ток, оперируя сорока миллионами отдельных сигналов в секунду. И – теоретически – радиоатомный мозг того типа, о котором я говорю, может воспринимать, узнавать, размышлять, реагировать и адаптироваться за сотую или тысячную долю секунды.

– Теоретически.

– Наверное. Но мне бы хотелось узнать, откуда взялась твоя радиола.

К ним приблизился посыльный:

– Мистера Вестерфилда вызывают к телефону.

Керри извинился и вышел. Когда он вернулся, его темные брови были озадаченно нахмурены. Фицджеральд вопросительно посмотрел на него.

– Парень по имени Ллойд, с завода «Мидистерн». Я разговаривал с ним насчет радиолы.

– И что?

Керри покачал головой:

– И ничего. Вернее, почти ничего. Он не знает, кто изготовил эту штуку.

– Но ее изготовили на заводе?

– Да. Около двух недель назад... но в записях не указано имя сборщика. Похоже, Ллойд считает это очень странным. Администрация завода регистрирует каждое изделие, обязательно с указанием фамилии работника, его изготовившего.

– И что еще он сказал?

– Я спросил, как открыть корпус, и он ответил: очень просто. Достаточно открутить винты на задней панели.

– Там нет никаких винтов, – произнес Фицджеральд.

– Я в курсе.

Они переглянулись.

– Я бы дал пятьдесят баксов, чтобы узнать, действительно ли этот робот был собран всего две недели назад, – сказал Фицджеральд.

– Почему?

– Потому что радиоатомный мозг нужно всему обучить. Даже просто поджигать сигарету.

– Он видел, как я прикуривал.

– И последовал примеру. Что касается мытья посуды...

Гм... Индуктивный метод, наверное. Если устройство обучали, это робот. Если нет... – Фицджеральд осекся.

Керри заморгал:

– Что?

– Я не знаю, что это за штуковина. Она такой же робот, как я эогиппус²⁷. Керри, я почти уверен: ни один современный ученый не обладает знаниями, необходимыми для создания подобной штуки.

– Ты рассуждаешь по кругу, – сказал Керри. – Ее изготовили.

– Угу. Но как? Когда? И кто? Вот что меня беспокоит.

– Слушай, у меня занятие через пять минут. Может, зайдешь вечером?

– Не могу. Читаю лекцию в Холле. Позвоню тебе после лекции.

Керри кивнул и ушел, пытаясь выбросить проблему из головы. Получилось неплохо, но вечером, когда он ужинал в ресторане, ему не хотелось возвращаться домой. Там его ждал злой дух.

– Бренди, – велел он официанту. – Двойной.

Через два часа такси высадило Керри у дома. Он изрядно набрался, перед глазами все плыло. Пошатываясь, он подо-

²⁷ Эогиптус – ископаемая примитивная лошадь.

шел к крыльцу, осторожно поднялся по лестнице и ввалился в прихожую.

Он включил свет.

Радиола уже ждала. Тонкие, но прочные, словно металлические, щупальца аккуратно оплели его тело, лишив возможности двигаться. Керри перепугался до смерти. Он отчаянно сопротивлялся и пытался кричать, но из горла не вырвалось ни звука.

Из панели радио ударил желтый луч, ослепив Керри. Луч качнулся вниз, уперся в грудь. Керри почувствовал странный вкус под языком.

Примерно через минуту раздался щелчок и луч погас. Щупальца скрылись, радиола вернулась в свой угол. Керри на подламывающих ногах подошел к креслу и обмяк в нем, глотая воздух.

Он протрезвел. Что было совершенно невозможно. Четырнадцать порций бренди – этого достаточно, чтобы организм пропитался насквозь. Нельзя просто посветить на человека, чтобы он мгновенно очистился от алкоголя. И все же произошло именно это.

Радиола... робот?.. старается помочь. Только Керри предпочел бы остаться пьяным.

Он осторожно встал и прокрался к книжной полке. Поглядывая одним глазом на радиолу, взял детективный роман, который пытался читать накануне вечером.

Как он и предполагал, радиола забрала у него книгу и вер-

нула на полку. Вспомнив слова Фицджеральда, Керри посмотрел на часы. Время реакции – четыре секунды.

Он взял Чосера и подождал, но радиола не шелохнулась. Тем не менее, когда Керри выбрал книгу по истории, ее аккуратно извлекли из его рук. Время реакции – шесть секунд.

Керри нашел книгу по истории в два раза толще.

Время реакции – десять секунд.

Вот как. Выходит, робот действительно читает книги. А значит, у него рентгеновское зрение и сверхбыстрая реакция. Боже правый!

Керри перебрал еще несколько книг, гадая, чем руководствуется радиола. «Алису в Стране чудес» у него отняли; стихи Миллей²⁸ оставили. Он составил список из двух столбцов, чтобы потом попробовать разобраться.

Итак, робот не просто слуга. Это цензор. Но каковы его критерии?

Через некоторое время Керри вспомнил о завтрашней лекции и пролистал свои заметки. Кое-что следовало уточнить. Он довольно неохотно нашел нужную книгу... и робот отнял ее.

– Погоди, – сказал Керри. – Она мне нужна.

Он попытался выхватить книгу из щупалец. Тщетно. Радиола не обращала на него внимания. Она спокойно вернула книгу на полку.

²⁸ Эдна Сент-Винсент Миллей (1892–1950) – американская поэтесса и драматург.

Керри стоял, закусив губу. Это уже слишком. Чертов робот следит за ним.

Керри подкрался к книге, схватил ее и выбежал в прихожую, прежде чем радиола успела пошевелиться.

Тварь шла за ним. Он слышал мягкий стук ее... лап? Керри метнулся в спальню и запер дверь. Он ждал с колотящимся сердцем. Ручку осторожно подергали.

Сквозь трещину в двери проник тонкий, как проволока, жгутик и затеребил ключ. Керри прыгнул вперед и закрыл дверь вдобавок на засов. Но и это не помогло. Жгутик – высокоточный инструмент робота – отодвинул засов; радиола открыла дверь, вошла в комнату и направилась к Керри.

Его охватила паника. Чуть слышно вздохнув, он швырнул книгу в тварь, и та ловко поймала ее. Очевидно, ничего другого она не замышляла. Радиола развернулась и вышла, неуклюже покачиваясь на гибких ножках и унося запрещенное издание. Керри тихо выругался.

Зазвонил телефон. Это был Фицджеральд.

– Ну что? Как дела?

– У тебя есть «Социальная литература древности» Касана?

– Вряд ли... Нет. А что?

– Тогда возьму ее завтра в университетской библиотеке.

Керри рассказал, что случилось. Фицджеральд присвистнул.

– Лезет не в свои дела? Гм... Интересно.

– Я ее боюсь.

– Вряд ли она хочет причинить тебе вред. Говоришь, заставила тебя протрезветь?

– Ага. С помощью луча света. Звучит нелогично.

– Напротив. Это колебательный эквивалент тиамина.

– Свет?

– Солнечный свет способствует выработке витаминов в организме человека. Но дело не в этом. Она решает, что тебе читать, а значит, сама читает книги, причем сверхбыстро. Чем бы ни было это устройство, оно не просто робот.

– Можешь мне не рассказывать, – мрачно сказал Керри. – Это Гитлер.

Фицджеральд не засмеялся. Он весьма серьезно предложил:

– Может, переночуешь у меня?

– Нет, – упрямо отказался Керри. – Никакое проклятое радио не выгонит меня из собственного дома. Уж лучше я разнесу его топором.

– Что ж, надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Позвони мне... если что-нибудь случится.

– Хорошо. – Керри положил трубку.

Он направился в гостиную и холодно уставился на радиолу. Что это за чертовщина? И что ей нужно? Несомненно, это не просто робот. Столь же несомненно, что это не живое существо в том смысле, в котором живым является коллоид-

ный мозг.

Поджав губы, он подошел к радиоле, покрутил ручки, пощелкал переключателями. Полились хаотичные звуки танцевального оркестра. Он переключился на коротковолновый диапазон. Здесь тоже ничего странного. И что?

И ничего. Ответа нет.

Через некоторое время он лег спать.

За обедом на следующий день он показал Фицджеральду «Социальную литературу» Касана.

– Что с ней?

– Смотри. – Керри пролистнул страницы и указал на абзац. – То, что здесь написано, имеет смысл?

Фицджеральд прочел текст.

– Да. По-видимому, автор утверждает, что индивидуализм необходим для создания литературных произведений. Так?

Керри посмотрел на него:

– Я не знаю.

– То есть?

– У меня голова идет кругом.

Фицджеральд взъерошил седые волосы, сощурился и пристально посмотрел на собеседника:

– Повтори. Я не вполне...

С тщательно скрываемой злостью Керри произнес:

– Сегодня утром я пошел в библиотеку и взял эту книгу. Я

читал ее. Но она ничего для меня не значила. Просто слова. Знаешь, как бывает, когда читаешь до изнеможения? Натыкаешься на предложение с кучей придаточных и не понимаешь, что там к чему. Вот так все и было.

– Прочти сейчас, – тихо сказал Фицджеральд, толкнув книгу через стол.

Керри повиновался, затем поднял взгляд, криво усмехаясь:

– Без толку.

– Прочти вслух. Мы разберем текст по частям.

Но это не помогло. Керри никак не мог уловить смысл абзаца.

– Возможно, семантический блок, – предположил Фицджеральд, почесывая руку. – С тобой такое уже случалось?

– Да... или нет? Я не знаю.

– У тебя есть занятия сегодня? Хорошо. Давай заскочим к тебе.

Керри отодвинул тарелку:

– Я не голоден. Как только ты будешь готов...

Через полчаса они смотрели на радиолу. Она выглядела вполне безобидной. Фицджеральд попытался было отковырять панель, но вскоре сдался. Он нашел карандаш и бумагу, сел напротив Керри и стал задавать вопросы.

Один из ответов его заинтересовал.

– Ты об этом раньше не говорил.

– Забыл, наверное.

Фицджеральд постучал по зубам карандашом.

– Гм... Когда радиолоа впервые заработала...

– Она ослепила меня голубым лучом.

– Я не об этом. Что она сказала?

Керри заморгал:

– Что она сказала? – Он напряг память. – «Психологический портрет снят и записан»... или что-то в этом роде. Я подумал, что попал на какую-то станцию и услышал фрагмент викторины. Ты хочешь сказать...

– Слова были понятные? Произношение хорошее?

– Нет, насколько я припоминаю. – Керри нахмурился. – Едва разборчивые. Со странными ударениями.

– Так-так. Что ж, продолжим.

Они провели тест по подбору словесных ассоциаций.

Наконец Фицджеральд откинулся на спинку кресла, хмурясь.

– Мне нужно свериться с последними тестами, сделанными несколько месяцев назад. Все это выглядит странно... чертовски странно. Было бы куда легче, знай я точно, что такое память. Мы немало потрудились над мнемоникой – искусственной памятью. И все же дело может быть не в ней.

– О чем ты?

– Или эта машина получила искусственную память и прошла интенсивное обучение, или она настроена на другую среду обитания и культуру. Она повлияла на тебя. И очень

сильно.

Керри облизал пересохшие губы:

– Как именно?

– Внедрила блоки в твой разум. Я еще не разобрался какие. Когда разберусь, возможно, мы получим ответ. Но эта штука не робот. Это нечто намного большее.

Керри достал сигарету; радиола подошла и поднесла огонек. Мужчины смотрели на нее, холодея от страха.

– Лучше переночуй у меня сегодня, – предложил Фицджеральд.

– Нет! – отрезал Керри.

Его бил озноб.

На следующий день в обеденное время Фицджеральд решил встретиться с ним, но не нашел. Он позвонил Керри домой, и трубку сняла Марта.

– Привет! Когда ты вернулась?

– Привет, Фиц. Около часа назад. Сестра родила, не дождавшись меня, так что я вернулась.

Она замолчала. Фицджеральда встревожил ее тон.

– Где Керри?

– Он здесь. Фиц, ты не мог бы приехать? Я волнуюсь.

– Что с ним?

– Я... не знаю. Приезжай скорее.

– Хорошо, – ответил Фицджеральд и повесил трубку, кусая губы.

Когда он позвонил в дверь Вестерфилдов, то понял, что нервы совсем расшалились. Тем не менее при виде Марты у него чуть отлегло от сердца.

Фицджеральд прошел за ней в гостиную. Сперва посмотрел на радиолу, которая ничуть не изменилась, затем на Керри, неподвижно сидящего у окна. Зрачки у Керри были расширены, и он, казалось, узнал Фицджеральда не сразу.

– Привет, Фиц, – произнес он.

– Как ты?

Марта вмешалась в разговор:

– Фиц, что случилось? Он болен? Может, вызвать врача?

Фицджеральд сел.

– Ты замечала что-нибудь странное в этой радиоле?

– Нет. А что?

– Тогда слушай.

Он выложил всю историю, наблюдая, как на лице Марты недоверие борется с невольным облегчением. Затем она сказала:

– Я не вполне...

– Если Керри достает сигарету, эта штука подносит ему огонек. Хочешь посмотреть?

– Н-нет... Да. Наверное, да.

Глаза Марты были широко распахнуты.

Фицджеральд дал Керри сигарету. Ожидаемое случилось.

У Марты округлились от изумления глаза. Когда радиола вернулась на место, Марта содрогнулась и подошла к Керри.

Он поднял на жену мутный взгляд.

– Фиц, ему нужен врач.

– Да.

Фицджеральд не сказал, что врач вряд ли способен помочь.

– Что это за штука?

– Робот, но не простой. Он перенастраивает Керри. Я рассказал тебе, что случилось. Когда я проверял психологические паттерны Керри, то обнаружил, что они изменились. Он теперь почти безынициативен.

– Никто на земле не смог бы изготовить такую...

Фицджеральд нахмурился:

– Я уже думал об этом. Похоже, это продукт высокоразвитой культуры, весьма отличной от нашей. Возможно, марсианской. Крайне специализированная вещь. Но я не понимаю, почему она выглядит точь-в-точь как радиола «Мидистерн».

Марта коснулась руки Керри:

– Маскировка?

– Но зачем? Марта, ты была одной из моих лучших учениц на курсе психологии. Взгляни на происходящее логически. Представь цивилизацию, в которой используется подобное устройство. примени индуктивное мышление.

– Я пытаюсь. Фиц, у меня каша в голове. Я беспокоюсь о Керри.

– Со мной все в порядке, – сообщил тот.

Фицджеральд соединил кончики пальцев:

– Это не столько радио, сколько контрольное устройство. Возможно, в этой чуждой цивилизации такие есть у каждого, а может, лишь у некоторых – у тех, кто в них нуждается. Устройства держат их в узде.

– Лишая инициативы?

Фицджеральд беспомощно развел руками:

– Я не знаю! В случае Керри вышло именно так. В других... Я не знаю.

Марта встала:

– Довольно разговоров. Керри нужен врач. После его визита мы решим, что делать с этой штукой.

– Конечно, очень жаль ее ломать, но... – Он многозначительно посмотрел на радиолу.

Та вышла из своего угла и, раскачиваясь, бочком двинулась к Фицджеральду. Он вскочил, а в следующий миг выпростались хлыстообразные щупальца и обвили его. В глаза ему ударил бледный луч.

Это длилось лишь миг. Луч погас, щупальца втянулись, и радиола вернулась на место. Фицджеральд стоял неподвижно. Марта встала, прижимая ладони ко рту.

– Фиц! – дрожащим голосом окликнула она.

Он ответил не сразу:

– Да? Что случилось?

– Ты в порядке? Что она с тобой сделала?

Фицджеральд слегка нахмурился:

– А? Что? Я не...

– Радиола. Что она сделала?

Он посмотрел на радиолу:

– С ней что-то не так? Марта, я не слишком силен в ремонте.

– Фиц, – она шагнула вперед и взяла его за руку, – послушай.

Слова полились быстро. Радиола. Керри. Их разговор...

Фицджеральд тупо смотрел на Марту:

– Кажется, я сегодня плохо соображаю. О чем ты говоришь?

– Радиола... Ты же знаешь! Ты сказал, что она изменила моего мужа... – Марта умолкла, глядя на Фицджеральда.

Тот явно пребывал в растерянности. Марта вела себя странно. Он всегда считал ее уравновешенной, а теперь она несла какую-то чушь.

И при чем тут радиола? Разве с ней что-то не так? Керри сказал, это удачная покупка: хороший звук, новейшие возможности. Уж не сошла ли Марта с ума, подумал Фицджеральд.

И вообще, он опаздывает на занятия.

Марта не пыталась его удержать. Она была бледной как смерть.

Керри достал сигарету. Радиола подошла и поднесла спичку.

– Керри!

– Да, Марта? – тусклым голосом отозвался он.

Она смотрела на радиолу.

Марс? Другой мир? Другая цивилизация? Что это за устройство? Чего оно хочет? Что пытается сделать?

Марта вышла из дома и направилась в гараж. Возвращаясь, она сжимала в руке топорик.

Керри видел, как Марта подошла к радиоле и занесла топорик. Из радиолы вырвался луч, и Марта исчезла. В лучах вечернего солнца плавали пылинки.

– Уничтожение жизненной формы, угрожающей нападением, – неразборчивой скороговоркой произнесла радиола.

В голове у Керри все перевернулось. Его затошнило от ужаса и разверзшейся пустоты. Марта...

Голова шла кругом. Инстинкт и эмоции боролись с чем-то, что пыталось их задавить. Внезапно плотину прорвало, блоки исчезли, преграды рухнули. Керри вскочил на ноги.

– Марта! – хрипло выкрикнул он.

Ее не было. Керри огляделся. Где она? Что случилось? Он не помнил.

Он снова сел, потирая лоб. Свободной рукой достал сигарету – автоматическая реакция, на которую последовал автоматический ответ. Радиола услужливо поднесла горящую спичку.

Керри издал жуткий кашляющий звук и сорвался с кресла. Он вспомнил. Он схватил топорик. Он бросился к радиоле, оскалив зубы в гримасе горя и ужаса.

Снова полыхнул луч.

Керри исчез. Топорик с глухим стуком упал на ковер.

Радиола вернулась на место и снова замерла. В ее радио-атомном мозге что-то тихо щелкало.

– Объект оказался непригоден, – произнесла она миг спустя. – Устранение было необходимо.

Щелк.

– Подготовка к работе с новым объектом завершена.

Щелк.

– Мы его берем, – сказал юноша.

– Вы не пожалеете, – расплылся в улыбке агент по недвижимости. – Прекрасный дом в уединенном тихом месте и по вполне разумной цене.

– Цена не слишком разумная, – вздохнула девушка, – но это именно то, что мы ищем.

Агент пожал плечами:

– Конечно, аренда без мебели обошлась бы дешевле...

– Мы женаты совсем недавно и еще не обзавелись мебелью, – усмехнулся юноша и приобнял жену. – Тебе нравится, милая?

– Гм... А кто здесь раньше жил?

Агент почесал щеку:

– Надо вспомнить. Вестерфилды, кажется. Дом попал в мой список всего неделю назад. Приятное местечко. Если бы я искал жилье, то приберег бы его для себя.

– Отличная радиола, – заметил юноша. – Кажется, последняя модель?

Он подошел к радиоле, чтобы рассмотреть ее получше.

– Пойдем, – поторопила девушка. – Давай еще раз заглянем на кухню.

– Конечно, дорогая.

Они вышли из комнаты. Из коридора доносился журчащий голос агента, который становился все тише. Косые лучи теплого вечернего солнца падали в окна.

Мгновение стояла тишина. Затем...

Щелк!

Лучшее время года

На рассвете погожего майского дня по дорожке к старому особняку поднимались трое. Оливер Вильсон стоял в пижаме у окна верхнего этажа и глядел на них со смешанным, противоречивым чувством, в котором была изрядная доля возмущения. Он не хотел их видеть.

Иностранцы. Вот, собственно, и все, что он знал о них. Они носили странную фамилию Санциско, а на бланке арендного договора нацарапали каракулями свои имена: Омерайе, Клеф и Клайа. Глядя на них сверху, он не мог сказать, кто из них каким именем подписался. Когда ему вернули бланк, он даже не знал, какого они пола. Он вообще предпочел бы большую национальную определенность.

У Оливера чуть зашло сердце, пока он смотрел, как эти трое идут вверх по дорожке за шофером такси. Он рассчитывал, что непрошеные жильцы окажутся не такими самоуверенными и ему без особого труда удастся их выставить. Его расчеты не очень-то оправдывались.

Первым шел мужчина, высокий и смуглый. Его осанка и даже манера носить костюм выдавали ту особую надменную самонадеянность, что дается твердой верой в правильность любого своего шага на жизненном пути. За ним шли две женщины. Они смеялись, у них были нежные мелодичные голоса и лица, наделенные особенной экзотической красотой. Од-

нако, когда Оливер разглядел их, его первой мыслью было: здесь пахнет миллионами!

Каждая линия их одежды дышала совершенством, но не в этом была суть. Бывает такое богатство, когда уже и деньги перестают иметь значение. Оливеру, хотя и нечасто, все же доводилось встречать в людях нечто похожее на эту уверенность – уверенность в том, что земной шар у них под ногами вращается исключительно по их прихоти.

Но в данном случае он чувствовал легкое замешательство: пока эти трое приближались к дому, ему показалось, что роскошная одежда, которую они носили с таким изяществом, была для них непривычной. В их движениях сквозила легкая небрежность, как будто они в шутку нарядились в маскарадные костюмы. Туфли на тонких шпильках заставляли женщин чуть-чуть семенить, они вытягивали руки, чтобы рассмотреть покрой рукава, и поеживались под одеждой, словно платья им были в новинку, словно они привыкли к чему-то совсем другому.

Одежда сидела на них с поразительной и необычной, даже на взгляд Оливера, элегантностью. Разве только кинозвезда, которая позволяет себе останавливать съемку и само время, чтобы расправить смятую складку и всегда выглядеть совершенством, могла быть такой элегантной – да и то на экране. Но поражала не только безупречная манера держаться и носить одежду так, что любая складочка повторяла каждое их движение и возвращалась на свое место. Невольно создава-

лось впечатление, что и сама их одежда сделана не из обычного материала или выкроена по какому-то невиданному образцу и сшита настоящим гением портновского дела: швов нигде не было видно.

Они казались возбужденными, переговаривались высокими, чистыми, очень нежными голосами, разглядывая прозрачную синеву неба, окрашенного розовым светом восхода, и деревья на лужайке перед домом. Разглядывали только-только успевшие распуститься листья, которые все еще клейко загибались по краям и просвечивали нежной золотистой зеленью.

Счастливые, оживленные, они о чем-то спросили своего спутника. Он ответил, и его голос так естественно слился с голосами женщин, что казалось, они не разговаривают, а поют. Голоса отличались тем же почти невероятным изяществом, что и одежда. Оливеру Вильсону и не снилось, что человек способен так владеть своим голосом.

Шофер нес багаж – нечто красивого блеклого цвета, из материала, напоминающего кожу. Приглядевшись, можно было увидеть, что это не один предмет, а два или даже три. Для удобства их скомпоновали в идеально уравновешенный блок и так точно пригнали друг к другу, что линии стыков были едва заметны. Материал был потертым, словно от частого употребления. И хотя багажа было много, ноша не казалась водителю тяжелой. Оливер заметил, что тот время от времени недоверчиво косится на багаж и взвешивает его на

руке.

У одной из женщин были очень черные волосы, молочно-белая кожа, дымчато-голубые глаза и веки, опущенные под тяжестью ресниц. Но взгляд Оливера был прикован к другой. Ее волосы были светло-золотого оттенка, а лицо нежное, как бархат. Теплый янтарный загар был темнее цвета волос.

В ту минуту, как они вступили на крыльцо, блондинка подняла голову и посмотрела наверх – прямо в лицо Оливеру. Он увидел, что глаза у нее ярко-синие и чуть-чуть насмешливые. Она как будто знала, что он торчит у окна. И еще он прочитал в них откровенный восторг.

Чувствуя легкое головокружение, Оливер поспешил к себе в комнату, чтобы одеться.

– Мы приехали сюда отдыхать, – сказал мужчина, принимая от Оливера ключи. – И хотим, чтобы нам не мешали, как я подчеркивал в переписке с вами. Вы ведь наняли для нас горничную и повара? В таком случае мы надеемся, что вы освободите дом от своих личных вещей и...

– Постойте, – прервал его Оливер, поеживаясь. – Тут возникли кое-какие осложнения. Я... – Он замялся, не зная, как лучше сообщить им об этом.

С каждой минутой эти люди казались все более и более странными. Даже их речь и та была странной. Они слишком тщательно выговаривали слова и произносили их подчерк-

нута раздельно. Английским языком они владели как своим родным, но разговаривали на нем так, как поют певцы-профессионалы, в совершенстве овладевшие голосом и интонациями.

В голосе мужчины был холод, как будто между ним и Оливером лежала бездна, такая глубокая, что исключала всякую возможность общения.

– Что, если мне подыскать для вас в городе что-нибудь более подходящее? Тут рядом, через улицу...

– О нет! – с легким ужасом произнесла брюнетка, и все трое рассмеялись. То был холодный, далекий смех, не предназначенный для Оливера.

Мужчина сказал:

– Мы тщательно выбирали, пока не остановились на этом доме, мистер Вильсон. Ничто другое нас не интересует.

– Не понимаю почему, – с отчаянием ответил Оливер. – Ведь это даже не современное здание. У меня есть еще два дома с куда большими удобствами. Да что там, перейдите через дорогу – из дома на той стороне открывается прекрасный вид на город. А здесь – здесь вообще ничего нет. Другие здания загораживают вид, и к тому же...

– Мистер Вильсон, мы сняли комнаты именно здесь, – сказал мужчина решительно. – Мы собираемся жить в этом доме. Поэтому потрудитесь, пожалуйста, поскорее освободить помещение.

– Нет, – ответил Оливер, и вид у него был упрямый. –

В арендном договоре ничего об этом не сказано. Раз уж вы уплатили, то можете здесь жить до следующего месяца, но выставить меня у вас нет прав. Я остаюсь.

Мужчина собрался было возразить Оливеру, но, смерив его холодным взглядом, так ничего и не сказал. От этого безразличия Оливеру стало как-то неуютно. Последовало минутное молчание. Затем мужчина произнес:

– Прекрасно. В таком случае будьте любезны держаться от нас подальше.

Было немного странно, что он совсем не заинтересовался, отчего Оливер проявляет строптивость. А Оливер слишком мало знал его, чтобы пускаться в объяснения. Не мог же он, в самом деле, сказать: «После того как я подписал договор, мне предложили за дом тройную цену, если я продам его до конца мая». Не мог сказать и по-другому: «Мне нужны деньги, и я постараюсь досаждать вам своей персоной, пока вам не надоест и вы не решите съехать». В конце концов, почему бы им и не съехать?! Увидев их, он сразу понял, что они привыкли к неизмеримо лучшим условиям, чем мог похвастать его старый, измочаленный временем дом.

Нет, просто загадочно, почему этот дом вдруг приобрел такую ценность. И уж вовсе нелепо, что две группы каких-то таинственных иностранцев лезут вон из кожи, чтобы заполучить его на май.

Оливер молча повел квартирантов вверх и показал им три большие спальни, расположенные по фасаду. Присут-

ствие блондинки он ощущал всем своим существом, знал, что она все время наблюдает за ним с плохо скрытым интересом и, пожалуй, с симпатией. Но в этом интересе проскальзывал какой-то особенный оттенок, которого он никак не мог уловить. Что-то знакомое, но не дающееся в руки. Он подумал, что с ней славно было бы поговорить с глазу на глаз, хотя бы для того, чтобы поймать наконец этот оттенок и дать ему имя.

Затем он спустился вниз и позвонил невесте.

Голосок Сью в трубке повизгивал от возбуждения:

– Оливер, в такую рань?! Господи, ведь еще и шести нет.

Ты сказал им, как я просила? Они переедут?

– Нет, еще не успел. Да и вряд ли они переедут. В конце концов, Сью, ты же знаешь, что я взял у них деньги.

– Оливер, они должны съехать! Ты обязан что-нибудь сделать!

– Я стараюсь, Сью. Но мне все это не нравится.

– Ну знаешь, не могут они, что ли, остановиться в другом месте! А деньги за дом будут нам позарез нужны. Нет, Оливер, ты просто обязан что-нибудь придумать.

В зеркале над телефоном он поймал свой озабоченный взгляд и сердито посмотрел на собственное отражение. Его волосы цвета соломы торчали в разные стороны, а приятное, смуглое от загара лицо заросло блестящей щетиной. Обидно, что блондинка впервые увидела его таким растрепой. Но тут решительный голос Сью пробудил задремавшую было со-

весть, и он сказал в трубку:

– Постараюсь, милая, постараюсь. Но деньги-то у них я все-таки взял.

И правда, они заплатили огромную сумму, куда больше того, что стоила аренда даже в этот год высоких цен и высоких доходов. Страна как раз вступила в одно из тех легендарных десятилетий, о которых потом говорили как о «веселых сороковых» или «золотых пятидесятых», – славное времечко национального подъема. Сплошное удовольствие жить в такое время, пока ему не приходит конец.

– Хорошо, – устало пообещал Оливер. – Сделаю все, что смогу.

Но день проходил за днем, и он понимал, что нарушает свое обещание. Тому было несколько причин. Сью, а не Оливер придумала превратить его в пугало для жильцов. Прояви он чуть больше настойчивости, весь проект был бы похоронен еще в зародыше. Конечно, здравый смысл был на стороне Сью, однако...

Начать с того, что жильцы буквально околдовали его. Во всем, что они говорили и делали, был любопытный душок извращенности: как будто обычную человеческую жизнь поместили перед зеркалом и оно показало странные отклонения от нормы. Их мышление, решил Оливер, имеет совсем иную основу. Казалось, их втайне забавляли самые заурядные вещи, в которых не было решительно ничего забавного; они на все смотрели сверху вниз и держались с холодным

отчуждением, что, впрочем, не мешало им смеяться – неизвестно над чем и, по мнению Оливера, куда чаще, чем следует.

Время от времени он сталкивался с ними, когда они выходили из дому или возвращались с прогулок. Они были с ним холодно-вежливы, и, как он подозревал, вовсе не потому, что их раздражало его присутствие, а, напротив, потому, что он был им в высшей степени безразличен.

Большую часть времени они посвящали прогулкам. Май в этом году стоял великолепный, они самозабвенно им наслаждались, уверенные, что погода не переменится и ни дождь, ни заморозки не испортят ласковых, золотых, напоенных солнцем и душистым ароматом деньков. Их уверенность была такой твердой, что у Оливера становилось беспокойно на душе.

Дома они ели один раз в день – обедали около восьми. И никогда нельзя было сказать заранее, как они отнесутся к тем или иным блюдам. Одни встречались смехом, другие вызывали легкое отвращение. К салату, например, никто не притрагивался, а рыба, непонятно почему, вызывала за столом всеобщее замешательство.

К каждому обеду они тщательно переодевались. Мужчина (его звали Омерайе) был очень красив в своей обеденной паре, но выглядел чуть-чуть надутым. Оливер два раза слышал, как женщины подсмеивались над тем, что ему приходится носить черное. Непонятно отчего, на Оливера вдруг

нашло видение: он представил мужчину одетым в такую же яркую и изысканную одежду, что была на женщинах, – и все как будто встало на место. Даже темную пару он носил с какой-то особой праздничностью, но наряд из золотой парчи, казалось, подошел бы ему больше.

Когда время завтрака или ланча заставляло их дома, они ели у себя в комнатах. Они, должно быть, захватили с собой пропасть всякой снеди из той таинственной страны, откуда приехали. Но где эта страна? Попытки догадаться лишь распаляли любопытство Оливера. Порой из-за закрытых дверей в гостиную просачивались восхитительные запахи. Оливер не знал, что это такое, но почти всегда пахло чем-то очень приятным. Правда, несколько раз запах бывал неожиданно противным, чуть ли не тошнотворным. Только настоящие знатоки, размышлял Оливер, способны оценить душок. А его жильцы наверняка были знатоками.

И что им за охота жить в этой громоздкой ветхой развалине – даже во сне Оливер не переставал думать об этом. Почему они отказались переехать? Несколько раз ему удалось заглянуть к ним краешком глаза, и то, что он увидел, поразило его. Комнат стало почти не узнать, хотя он не мог точно назвать все перемены – рассмотреть толком не было времени. Но то представление о роскоши, что возникло с первого взгляда, подтвердилось: богатые драпировки (должно быть, тоже привезли с собой), какие-то украшения, картины по стенам и волны экзотического аромата, струящегося че-

рез полуоткрытые двери.

Женщины проплывали мимо него сквозь коричневый полумрак коридоров в одеждах таких роскошных, таких ослепительно-ярких и до жути красивых, что казались видениями из другого мира. Осанка, рожденная верой в раболепие вселенной, придавала их облику олимпийское равнодушие. Однако, когда Оливер встречал взгляд той, с золотыми волосами и нежной кожей, тронутой загаром, ему чудилось, будто в синих глазах мелькает интерес. Она улыбалась ему в полумраке и проходила мимо, унося с собой волну благоуханий, – яркая, прекрасная, глазам больно, – но тепло от ее улыбки оставалось.

Он чувствовал, что она переступит через это равнодушие между ними. Он был уверен в этом с самого начала. Придет срок, и она отыщет способ остаться с ним наедине. От этой мысли его бросало то в жар, то в холод, но тут он был бессилен: приходилось только ждать, пока она сама не пожелает его увидеть.

На третий день он и Сью закусывали в ресторанчике в самом центре города. Окна ресторанчика выходили на деловые кварталы, громоздящиеся далеко внизу на другом берегу реки. У Сью были блестящие каштановые волосы, карие глаза и подбородок чуть более решительный, чем это допустимо по канонам красоты. Уже в детстве Сью хорошо знала, что она хочет и как заполучить желаемое, и сейчас Оливеру ка-

залось, что в жизни она еще ничего так не хотела, как продать его дом.

– Такие огромные деньги за этот древний мавзолей! – говорила она, кровожадно вонзая зубы в булочку. – Другого такого случая не представится, а цены нынче так взлетели, что без денег нечего и думать заводить свое хозяйство. Неужели, Оливер, ты ничего-ничего не можешь сделать!

– Я стараюсь! – заверил Оливер, поеживаясь.

– А та чокнутая, которая хочет купить дом, давала о себе знать?

Оливер покачал головой:

– Ее агент опять мне вчера звонил. Ничего нового. Интересно, кто она такая.

– Этого, пожалуй, не знает даже агент. Не нравится мне, Оливер, вся эта мистика. И эти Санциско – кстати, что они сегодня делали?

Оливер рассмеялся:

– Утром целый час названивали в кинотеатры по всему городу. Узнавали, где что идет из третьеразрядных фильмов. У них там целый список, и из каждого они хотят посмотреть по кусочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.